

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Астраханский государственный технический университет»

На правах рукописи

ЮЖИКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

**ПИРАТСТВО: ИСТОКИ, РЕАЛИИ, ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук
Ахмедова Сания Шахимардановна

Астрахань - 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Пиратство в международном и российском уголовном праве: историко-сравнительный анализ	17
§ 1. Понятие и истоки пиратства	17
§ 2. Развитие международного и национального законодательства об ответственности за пиратство	37
§ 3. Пиратство в современном международном и российском уголовном праве: сравнительный анализ	63
ГЛАВА II. Уголовно-правовая характеристика пиратства по уголовному законодательству России	84
§ 1. Объект пиратства.....	84
§ 2. Предмет и место совершения пиратства	97
§ 3. Объективная сторона пиратства.....	119
§ 4. Субъективные признаки пиратства.....	137
ГЛАВА III. Проблемы совершенствования мер уголовно-правового противодействия пиратству	157
§ 1. Дифференциация уголовной ответственности за пиратство по квалифицирующим и особо квалифицирующим признакам	157
§ 2. Разграничение пиратства со смежными составами преступлений.....	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	185
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	196
ПРИЛОЖЕНИЯ	221

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. В Российской Федерации на официальном уровне признано, что «обеспечение общественной безопасности является одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности»¹. Одна из составляющих общественной безопасности – безопасность судоходства – также требует от государства и общества принятия мер, направленных на противодействие преступлениям, среди которых особое место занимает пиратство. Актуальность исследования проблем уголовной ответственности за пиратство в отечественной науке была признана не сразу и не всеми специалистами², но конец XX века и первое десятилетие XXI века ознаменовались столь серьезным всплеском пиратской активности, что не видеть в пиратстве реальной угрозы интересам национальной и международной безопасности стало невозможным.

Современное пиратство приобрело новые черты: масштабность, повышение степени агрессии, связь с организованной преступностью и терроризмом, огромный экономический, моральный, физический и многомиллиардный имущественный вред и др. По данным Международного морского бюро Международной торговой палаты, за период с 2000 г. по 2012 г. в мире было отмечено около 4000 актов пиратства³ (т.е. в среднем по 330 нападений в год). В 2013 г., согласно сведениям этой же международной организации, в мире было официально зарегистрировано 364 пиратских нападения, что соответствует уровню 2007 года⁴. При этом (как и всегда ранее) каждый акт пиратского нападения сопровождается насилием в

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 20.11.2013 г. (документ официально опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: ВерсияПроф».

² Так, например, попытка доктора юридических наук Н.А. Егоровой опубликовать в 1998 г. статью, посвященную анализу состава пиратства, по ее словам, «встретила непонимание редакторов авторитетного юридического журнала по причине ... отсутствия пиратства как явления...». См.: Блог Н.А. Егоровой – я.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://nutego2009.ua.ru> (дата обращения: 15.01.2013).

³ См.: Статистика пиратских нападений за 2011 год (из доклада Международного морского бюро 16.01.2013) [Электронный ресурс] // Акты пиратства на море - ФБУ «Служба морской безопасности». URL: <http://mscurity.ru> (дата обращения: 12.10.2013).

⁴ См.: Пиратская активность снизилась в 2013 году на 11% - Международное морское бюро [Электронный ресурс]. URL: http://flot.com/news/navy/?ELEMENT_ID=160474 (дата обращения: 29.01.2014).

отношении членов экипажа, других находящихся на судне лиц, но суммы выкупа за освобождение моряков и самого судна неуклонно возрастают. Сегодня пиратство представляет серьезную угрозу не только морскому судоходству, но и мировой и национальной экономикам, а также внешней безопасности государств.

Установление в 1996 г. Россией уголовной ответственности за пиратство (ст. 227 Уголовного кодекса Российской Федерации¹) стало хотя и важным, но все-таки проблемным шагом в борьбе с этим преступлением в виду несовершенства диспозитивных установлений названной уголовно-правовой нормы. Результаты проведенного анализа следственной и судебной практики, изучение международного опыта борьбы с пиратством выявили весьма серьезные погрешности и в редакционном ее оформлении, и в нормативно-правовом предназначении: признаки основного и квалифицированного составов позволяют правоприменителю руководствоваться и ст. 162 УК РФ, и ст. 209 УК РФ, и другими статьями УК РФ; размыты пределы предмета и места пиратства; применение ст. 227 УК РФ позволительно и без фактического захвата судна. Нечеткое же описание признаков состава преступления может привести (и приводит) к разнообразному применению закона, квалификационным ошибкам, существенно влияет на достоверность судебной статистики и соответствующим образом на эффективность противодействующих пиратству мер.

Названные и другие пробелы действующей уголовно-правовой нормы, закрепленной в ст. 227 УК РФ, свидетельствуют о необходимости ее совершенствования, то есть приведения в соответствие с реалиями современности и нормами международного права. В 2010 году в Государственную Думу Российской Федерации был направлен законопроект, прошедший правовую экспертизу в НИИ Генеральной прокуратуры, в котором была предложена новая редакция ст. 227 УК РФ, но обсуждение ее в

¹ Далее по тексту – УК РФ.

высшем законодательном органе не состоялось¹. Однако потребность переосмысления уголовно-правового запрета, содержащегося в ст. 227 УК РФ, не исчезла, напротив, стала еще более актуальной после нападения в сентябре 2013 года членов неправительственной организации «Greenpeace» на стационарную платформу «Приразломная», расположенную в акватории Баренцева моря. Как известно, первоначально действия нападавших были квалифицированы по ст. 227 УК РФ, но в последующем Следственный комитет РФ изменил свою позицию, усмотрев в их поведении признаки преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ.

Уголовно-правовая оценка содеянного активистами общественного движения (и первоначальная, и последующая) вызвала активную дискуссию среди специалистов, в том числе иностранных². Спорили в основном по поводу двух предметов: правомерно ли буровую платформу причислять к судну как месту совершения пиратства и соответствуют ли активные действия членов общественного движения признакам нападения. Другими словами, дискутировали о том, что называют погрешностями, допущенными при формализации исследуемого нами социального явления. Изложенное приводит к мысли о том, что понимание сути пиратства вызывает трудности на всех уровнях правопонимания и правоприменения – и в нормотворчестве, и в практической деятельности, и в плоскости научно-теоретических воззрений.

Сложившаяся в уголовно-правовой науке и правоприменительной практике ситуация не дает оснований рассчитывать на существенное повышение эффективности борьбы с этим опаснейшим явлением человечества действующими ныне уголовно-правовыми средствами, что и свидетельствует об актуальности избранной темы диссертационного исследования.

¹ См.: *Бекяшев К.А.* Международное право в борьбе с морским пиратством // LEX RUSSICA (Научные труды МГЮА). 2010. № 6. С. 1414.

² См.: *Zylstra A.* Piracy or Hooliganism: detention of the Arctic Sunrise // *Matters of Russian and International Law*. 2013. № 9-10. P. 9-29.

Степень разработанности темы диссертационного исследования. В отечественной юридической науке проблемам борьбы с пиратством посвящено значительное количество работ, большая часть из которых подготовлена специалистами в области международного морского права и международного уголовного права. В частности, в трудах К.А. Бекашева, Л.Н. Галенской, В.Н. Гуцуляк, А.Р. Каюмовой, А.Л. Колодкина, М. Куршева, Л.А. Моджорян, А.Б. Снисаренко, Е.С. Смирновой, Ю.С. Ромашева, В.Н. Русиновой и др. исследовались проблемы международно-правового противодействия пиратству.

Истории пиратства и формирования правового механизма борьбы с ним посвящены работы Ван И. Ди, В.Л. Григоряна, В.И. Дмитриева, А.Л. Колодкина, В.Ф. Сидорченко, Я. Маховского, И.В. Можейко и др.

Уголовно-правовые аспекты ответственности за пиратство исследованы в работах О.А. Аксенова, В.Н. Додонова, Н.А. Егоровой, И.И. Карпеца, В.С. Комиссарова, А.И. Коробеева, Т.И. Нагаевой.

Проблемам международно-правовой и уголовно-правовой борьбы с пиратством посвящен ряд диссертационных исследований, в частности Э. Конте (Москва, 1990 г.); С.О. Допилка (Киев, 1993 г.); З.В. Миронова (Ставрополь, 2001 г.); В.Л. Михеева (Москва, 2003 г.); Н.А. Князевой (Владивосток, 2012 г.); А.А. Тодорова (Москва, 2012 г.); И.В. Маймистовой (Санкт-Петербург, 2012 г.).

Подчеркивая исключительную важность проделанной названными авторами работы, вместе с тем нельзя не отметить существование ряда проблем, затрудняющих применение уголовно-правовых норм об ответственности за пиратство, существенно осложняющих совершенствование российского уголовного законодательства в этой части и снижающих эффективность мер в борьбе с пиратством. В этом ряду находятся вопросы определения предмета и места пиратства как конструктивных признаков состава преступления; субъекта, цели и мотива пиратского нападения. Практически не исследованным является понятие

агрессии как сущностного признака пиратства; не уделено достаточного внимания и определению судна, его характеристикам, имеющим решающее значение для формализации уголовно-правового запрета.

Дискуссионность и нерешенность перечисленных аспектов обуславливает необходимость современного комплексного исследования вопросов уголовной ответственности за пиратство.

Объект и предмет диссертационного исследования. Объектом научного исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи реализацией уголовно-правовых мер противодействия пиратству.

Предмет исследования составляют: исторический нормативный материал в области противодействия пиратству; уголовно-правовые нормы действующего отечественного законодательства, регламентирующие ответственность за пиратство; нормы международного права о сотрудничестве в борьбе с пиратством; материалы судебной практики; данные уголовной статистики; публикации в средствах массовой информации о фактах совершения пиратских нападений.

Целью диссертационного исследования является определение природы пиратства как феномена социальной действительности, формирование теоретико-прикладного понимания пиратства как преступного деяния и разработка на этом основании предложений по совершенствованию уголовно-правовых мер противодействия ему.

Достижению названной цели может способствовать решение следующих задач:

- выявление истоков пиратства как социального явления и изучение его свойств;
- определение фактологической и юридической природы пиратства для совершенствования международно-правовых и отечественных норм об уголовной ответственности за пиратство;
- проведение сравнительного анализа норм международного права и отечественного уголовного законодательства, определяющих понятие и

признаки пиратства, для выявления наиболее оптимального способа их согласования;

- проведение системного анализа признаков состава преступления, предусмотренного ст. 227 УК РФ, в целях оптимизации ее прикладного назначения;

- выявление проблем уголовно-правового противодействия пиратству в части дифференциации уголовной ответственности за него;

- определение критериев разграничения пиратства и смежных составов преступлений;

- внесение предложений по совершенствованию норм действующего уголовного законодательства об ответственности за пиратство.

Методологической основой диссертационного исследования послужили категории и закономерности диалектического материализма. При решении конкретных задач в работе использованы также и другие успешно апробированные юридической доктриной общенаучные и частнонаучные методы познания, включая анализ и синтез, дедукцию и индукцию, абстрагирование, историко-правовой, логический, догматический, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный, лингвистический, социологический.

Теоретическая база диссертационного исследования включает в себя труды специалистов в области уголовного права и криминологии, а также международного права, истории государства и права, психологии и других наук и представлена работами Ю.М. Антоняна, Л.И. Божовича, А.И. Бойцова, Я.М. Брайнина, Ю.И. Бытко, Г.В. Вериной, Р.Р. Галиакбарова, Л.Д. Гаухмана, П.С. Дагеля, Н.Д. Дурманова, Н.И. Загородникова, Н.А. Зелинской, Н.Г. Иванова, Н.Г. Кадникова, С.Г. Келиной, Е.В. Кобзевой, М.И. Ковалева, А.Н. Красикова, Л.Н. Кривоченко, П.К. Кривошеина, Л.Л. Кругликова, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеева, С.В. Максимова, В.В. Мальцева, О.А. Михалы, А.В. Наумова, П.Н. Панченко, А.А. Пионтковского, Б.Т. Разгильдиева, А.И. Рарога, Ф.Р.

Сундурова, Н.С. Таганцева, А.Н. Трайнина, М.Д. Шаргородского и других авторов.

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации; нормы международного права о сотрудничестве в борьбе с пиратством; Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Гражданский кодекс Российской Федерации, Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации, Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации; постановления Правительства Российской Федерации, регламентирующие порядок морского и внутреннего судоходства; постановления Пленумов Верховного Суда СССР, РСФСР, Российской Федерации, касающиеся практики применения уголовного законодательства по вопросам, имеющим значение для квалификации пиратства; исторические документы (уголовное законодательство Российской Империи).

Эмпирическая база исследования основывается на результатах изучения 126 материалов по фактам пиратских нападений, опубликованных в средствах массовой информации. Проведен анализ сведений, полученных автором от 275 сотрудников правоохранительных органов Астраханской, Волгоградской и Ростовской областей в ходе проведенного по специально разработанным анкетам социологического опроса по проблемам уголовно-правового противодействия пиратству.

Научная новизна исследования заключается в том, что в результате его проведения определена природа пиратства как феномена социальной действительности и сформировано теоретико-прикладное понимание пиратства как преступного деяния. В диссертации содержится системно-теоретическое решение проблем уголовно-правового противодействия пиратству, в том числе связанное с внесением предложений по совершенствованию в соответствующей части действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Научная новизна находит свое непосредственное выражение в следующих **основных положениях, выносимых на защиту**:

1. Весьма неоднозначное отношение к пиратству как явлению, которое существовало на протяжении многих веков, объясняется этимологическим значением слова «пиратство»: первоначально оно не имело негативного смысла и лишь отражало поведение отдельных людей – первооткрывателей, первопроходцев, пробующих, испытывающих что-то новое. Возникновение пиратства обусловлено естественными процессами развития человечества: освоением морского пространства, появлением судоходства и, как следствие, морской торговли. Но по своей социальной сути явление, получившее название «пиратство», всегда носило характер агрессии, направленной против людей и имущества, находящихся на водном судне.

2. В России пиратство не получило столь широкого распространения, как в других странах, не стало традиционным способом существования ни для одной части населения государства. Исторически для российского государства борьба с пиратством никогда не была первоочередной задачей, поэтому в российском уголовном законодательстве нормы об ответственности за пиратство появились только в XIX столетии, однако сам термин «пиратство» в них не использовался. Пиратство – это новелла российского уголовного законодательства, появившаяся в Уголовном кодексе РФ лишь в 1996 г. в результате имплементации международно-правовых норм в национальное право.

3. Нормы об ответственности за пиратство формировались на двух уровнях: национальном и международном, но первоначально такие нормы стали появляться во внутригосударственном праве зарубежных стран. В процессе развития антипиратского законодательства государствам не удалось примирить свои позиции по многим признакам этого понятия и явления. Даже после некоторой кодификации международно-правовых норм о борьбе с пиратством согласованного подхода на международном и

внутригосударственном уровнях не наблюдается. Основная причина – отсутствие единообразного понимания содержания пиратства, его объективных и субъективных элементов.

4. В настоящее время понятие пиратства остается дискуссионным, что свидетельствует о продолжении процесса развития антипиратского законодательства. Современный его этап характеризуется терминологическим разнообразием; в международных актах и российском праве используется сразу несколько обозначений этого явления: «пиратство», «вооруженный разбой на море», «незаконные акты против безопасности мореплавания», «акты незаконного вмешательства».

5. Сравнительный анализ дефиниций пиратства, закрепленных в международно-правовых актах (ст. 15 Женевской Конвенции об открытом море 1958 г., ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.) и российском уголовном законодательстве (ст. 227 УК РФ), позволяет сделать вывод об их различии по существу. Несмотря на наличие общих признаков («насилие», «судно», «имущество», «в целях»), перечисленных в указанных нормах, в контексте определения пиратства на национальном и международном уровнях они использованы по-разному. Наиболее значимое несовпадение с позиций правоприменения наблюдается в таких конструктивных признаках, как судно, предмет, место и цель совершения пиратства.

6. Пиратство в первую очередь нарушает безопасность морского судоходства, характеризующуюся таким уровнем международно-правовой и национально-правовой защищенности интересов общества, который обеспечивает безопасные условия движения судов на море, деятельности по обеспечению движения судов на море и выполнению возложенных на них задач. Дополнительным объектом пиратства выступают общественные отношения в сфере охраны жизни и здоровья человека и собственности.

7. Обязательным признаком состава пиратства является предмет, которым признаются вещи материального мира в виде водного судна и иного

чужого имущества независимо от источника происхождения и субъективной принадлежности.

8. Водное судно – это самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях судоходства, проведения поисков, разведки и добычи полезных ископаемых, переработки добытых морепродуктов, выполнения иных подводных или надводных инженерно-технических работ. Водное судно имеет регистрационное название и (или) номер, укомплектовано экипажем, руководимым капитаном (или иным уполномоченным лицом), и отвечает требованиям безопасности мореплавания. Определение понятия водного судна целесообразно закрепить в примечании к ст. 227 УК РФ.

9. Место совершения преступления является обязательной характеристикой объективной стороны состава пиратства, которую можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, местом совершения пиратства признается водное пространство, в котором находится водное судно, являющееся предметом посягательства. Во-вторых, местом совершения пиратства должно признаваться само водное судно, которое подверглось нападению и на территории которого происходит завладение чужим имуществом.

10. Водное пространство как место совершения пиратства должно толковаться ограничительно с учетом положений международных договоров – открытое море.

11. Пиратство проявляется в агрессии – сложном социальном феномене, имеющем многоаспектное содержание. Агрессия предполагает разрушительное, наступательное поведение, насильно воздействующее как на одушевленные, так и на неодушевленные объекты. Нападение в составе пиратства можно определить как агрессивные действия, направленные на захват судна, сопряженный с применением физического или психического насилия к членам экипажа и другим лицам, находящимся на судне. Признак агрессии подчеркивает насильственный характер пиратских действий,

предметом которых может быть как человек, так и само судно либо иное чужое имущество. Самостоятельной разновидностью пиратской агрессии является проникновение пиратов на судно с целью последующего взятия его под контроль. Данное обстоятельство, учитывая специфику пиратской агрессии, следует предусмотреть в диспозиции ч. 1 ст. 227 УК РФ.

12. Пиратство относится к числу усеченных составов преступлений, то есть признается оконченным с момента совершения действий, направленных на захват судна, независимо от результатов такой агрессии. Фактически это проявляется в действиях, которые понуждают капитана судна осуществлять маневрирование во избежание опасного сближения с пиратским судном или с целью ухода от его преследования.

13. Согласно прямому указанию закона, цель пиратского нападения – завладение чужим имуществом. Это конструктивный признак, который в совокупности с признаком «нападение» положен в основу отграничения состава пиратства от смежных составов преступлений. «Завладение» по своему смыслу не совпадает с понятием хищения. Завладеть значит установить полный контроль над чужим имуществом, которое может быть уничтожено, передано на временное хранение и т.д., а может быть и возвращено законному владельцу.

14. Исторический анализ и анализ обстоятельств пиратских нападений, совершенных в современный период времени, позволяют сделать вывод, что «вооруженность» и «групповой способ» имманентно присущи пиратству, поэтому должны быть отражены в качестве конструктивных признаков основного состава преступления.

15. На основании результатов анализа объективных и субъективных признаков состава пиратства, его квалифицирующих и особо квалифицирующих обстоятельств представляется необходимым изложить ст. 227 УК РФ в редакции, соответствующей фактическим пиратским действиям и реалиям современности:

«Статья 227. Пиратство

1. Нападение на водное судно или стационарную платформу, а равно проникновение на водное судно или стационарную платформу для установления в последующем над ним контроля в целях завладения этим судном или стационарной платформой либо иным чужим имуществом, совершенное в открытом море вооруженной группой лиц по предварительному сговору, -

наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

2. То же деяние, совершенное:

а) с целью завладения оружием, боеприпасами, взрывными устройствами, взрывчатыми веществами, иным вооружением либо военной техникой;

б) с целью завладения нефтью или нефтепродуктами;

в) организованной группой,

г) с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, -

наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с конфискацией имущества.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они повлекли умышленное лишение жизни другого человека, -

наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с конфискацией имущества или пожизненным лишением свободы с конфискацией имущества.

Примечание. Под водным судном в настоящей статье понимается самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях судоходства, проведения поисков, разведки и добычи полезных ископаемых, переработки добытых морепродуктов, выполнения иных подводных или надводных инженерно-технических работ».

16. В целях разграничения разбоя и пиратства с учетом более высокой степени общественной опасности речного и морского разбоя целесообразно ч. 2 ст. 162 УК РФ дополнить еще одним квалифицирующим признаком:

«разбой, совершенный в отношении водного судна или стационарной платформы во внутренних и территориальных водах РФ, исключительной экономической зоне или континентальном шельфе».

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что оно развивает и дополняет научные знания о преступлениях против общественной безопасности и уголовно-правовых мерах борьбы с ними. Содержащиеся в диссертации положения, выводы и рекомендации могут применяться для дальнейшей теоретической разработки вопросов уголовно-правового противодействия пиратству. Отдельные положения диссертационного исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности при совершенствовании уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за пиратство, разбой и бандитизм. Практическая значимость исследования состоит также в том, что выработанные автором рекомендации ориентированы на минимизацию трудностей, сопряженных с толкованием конструктивных и квалифицирующих признаков состава пиратства, с его отграничением от смежных составов преступлений, что, несомненно, способствует оптимизации применения уголовно-правовых норм, содержащихся в ст. 227 УК РФ. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в процессе преподавания международного уголовного права, российского уголовного права и криминологии в высших и средних учебных заведениях, а также при подготовке учебно-методических материалов по указанным дисциплинам.

Апробация результатов исследования. По результатам диссертационного исследования автором опубликовано одиннадцать научных статей, в том числе три – в рецензируемых научных изданиях из Перечня, рекомендованного ВАК при Министерстве образования и науки РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций (общий объем публикаций 2,46 п.л.). Кроме того, выводы и рекомендации, сделанные в работе, докладывались автором на научных и научно-практических

мероприятиях, включая V Всероссийскую научно-практическую конференцию «Тенденции и противоречия развития российского права на современном этапе» (Пенза, декабрь 2006 г.), I (VIII) открытую Международную научную конференцию студентов и молодых ученых «Правовое образование. Гражданское общество. Справедливое государство» (Кемерово, апрель 2007 г.), 51-ю научно-практическую конференцию профессорско-преподавательского состава Астраханского государственного технического университета (Астрахань, апрель 2007 г.), Общероссийскую научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы реформирования российского законодательства», посвященной 80-летию ФГБОУ ВПО «Саратовской государственной юридической академии» и 15-летию Астраханского филиала ФГБОУ ВПО «Саратовской государственной юридической академии» (Астрахань, ноябрь 2011 г.), Международную научно-практическую конференцию «Россия в переломные периоды своего развития» (Волжский, март 2013 г.).

Результаты диссертационного исследования апробированы и внедрены в учебный процесс Астраханского государственного технического университета, Астраханского государственного университета, Астраханского филиала Юридического гуманитарного института, Астраханского филиала Международного института экономики и права, а также в деятельность Межрегионального следственного отделения (дислокация г. Астрахань) Следственной части Главного управления Министерства внутренних дел России по Южному федеральному округу, 2 Межрегионального оперативно-разыскного отдела (дислокация г. Астрахань) Главного управления Министерства внутренних дел России по Южному федеральному округу, что подтверждается соответствующими актами внедрения.

Структура диссертации определена поставленными целями и задачами и состоит из введения, трех глав, объединяющих девять параграфов, заключения, библиографического списка и приложения.

Глава 1. Пиратство в международном и российском уголовном праве: историко-сравнительный анализ

1. Понятие и истоки пиратства

Преступность, как и любое другое социальное явление, подвержена законам эволюционного развития. При этом трудно не признать, что «преступность имеет историческое происхождение, будучи причинно связана с явлениями и процессами, происходящими в обществе»¹. Под влиянием общественных процессов преступность развивается, изменяются ее формы и содержательные характеристики, хотя социальная сущность преступности остается неизменной: преступление – это зло для общества. С этой точки зрения можно выделить деяния, преступный характер которых исторически неизменчив, например, убийство, кража, изнасилование и др. Однако значительная часть деяний признаются преступлениями лишь на определенном этапе общественного развития при появлении ряда экономических, политических, социальных условий. К их числу относится и пиратство, общественная опасность которого была признана далеко не сразу и не всеми государствами.

Пиратство настолько глубоко уходит своими корнями в историю человечества, что достоверных данных о его происхождении просто не сохранилось. Принято считать, что пиратство возникло одновременно с морской торговлей, и именно в тот день, когда первый морской торговец нагрузил свою лодку товарами, вслед за ним отправился и первый морской разбойник². Полагаем, что этот взгляд на происхождение пиратства не совсем точен. В различных мировых регионах возникновение и развитие пиратства

¹ Антонян Ю. М. Преступность в истории человечества. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. С. 5.

² См.: Можейко И. В. Пираты, корсары, рейдеры : очерки истории пиратства в Индийском океане и южных морях (XV-XX веков). СПб. : Вистон, 1994. С. 5; Нагаева Т. И. Пиратство как вид преступного деяния (историко-правовой аспект) // История государства и права. 2010. № 10. С. 9.

происходило по своему историческому «сценарию», хотя общие тенденции, безусловно, существовали. Одна из них связана с тем, что пиратство стало следствием развития судоходства, которое началось с внутренних вод – рек, озер, каналов и т.п. Как отметил Н. Боголюбов, «речное судостроение началось раньше мореходного, так как в нем предстояла первая необходимость»¹. Однако считать, что и пираты первоначально были речные, а не морские, было бы ошибочно. Действительно, пиратство своими корнями неразрывно связано с судоходством, поэтому судно как вид водного транспорта выступает обязательным и неотъемлемым признаком пиратства, естественно присущим ему. Но формирование пиратства как социального явления происходило не под влиянием судоходства в целом, а именно морского, которое развивалось по мере освоения человеком морского пространства. Поэтому правильнее, на наш взгляд, утверждать, что как только в путь отправилось первое морское судно, вслед за ним отправился и первый пират.

С момента своего возникновения и на протяжении тысячелетий пиратство было вполне легальным морским промыслом. Так, в античные времена финикийские пираты, являясь старейшими и лучшими мореплавателями, нападали на путников, которых впоследствии продавали в рабство, за знатных – требовали выкуп. Отличить в этот период пирата от мореплавателя практически невозможно; отправляясь в морское плавание, никто не знал, что его ждет и в каком статусе ему придется выступить. В этот период пиратство поощрялось, а сами пираты были людьми достойными и уважаемыми. Особенно четко это проявилось у греков: «пиратство вошло в быт некоторых мелких греческих племен, которые считали его даже почетным промыслом»². Так, например, правителем острова Самос с 535 года до н.э. до 522 года до н.э. был Поликрат Самосский, считающийся самым удачливым пиратом. «Действительно, где бы он ни вел войну, - писал Геродот, - везде

¹ Боголюбов Н. История корабля. Т. I. / Н. П. Боголюбов. М. : Типография Л. Ф. Снегирева, 1879. С. 18.

² Колодкин А. Л., Смирнова Е. В. История борьбы с морским пиратством: от древности до нового времени // История государства и права. 2009. № 24. С. 45.

ему сопутствовала удача. Он располагал сотней пятидесятивесельных кораблей и тысячей стрелков из лука. Всех без различия он разорял и грабил...; в морском сражении одержал победу даже над лесбиянами..., и взял их в плен; эти-то пленники одни выкопали ров кругом самосского укрепления»¹. Из приведенного описания очень наглядно видно, что уже в тот период времени проявилась две составляющих сущности пиратства – агрессия и корысть. Благодаря своей агрессии Поликрат Самосский и его войска обеспечили процветание всего острова.

По мере развития мореплавания начала процветать и морская торговля, поскольку, по меткому замечанию Платона, «море способствует большой торговле»². А вместе с мореплаванием и морской торговлей активно развивался и их неизменный спутник – пиратство. Эти явления были настолько взаимосвязаны, что провести четкое разграничение между ними было практически невозможно. Вот что писал по этому поводу М.И. Ростовцев: «Настойчивость торговли и сильное развитие пиратства заставляли этих крупных торговцев быть вместе с тем моряками-военными, если они хотели, так или иначе, обезопасить себя от ограбления пиратами. При случае, конечно, и эти торговые корабли превращались в пиратов и грабили суда, плохо вооруженные и богато нагруженные»³. Между торговыми и пиратскими флотами практически не существовало разницы, т.к. каждое судно было хорошо вооружено: это обеспечивало ему защиту от нападения, а при удачном стечении обстоятельств – добычу при нападении на более слабое судно.

Дальнейшее развитие пиратства обеспечивалось не только укреплением морских торговых связей между государствами, но и стремлением отдельных государств расширить территориальные границы путем ведения завоевательных войн, т.е. агрессии в отношении других государств. В борьбе

¹ Геродот. Поликрат (отрывки) (перевод Ф.Г. Мищенко) / Хрестоматия по античной литературе. В 2 томах. Для высших учебных заведений. Том 1. Н. Ф. Дератани, Н. А. Тимофеева. Греческая литература. М. : Просвещение, 1965. С. 25.

² Платон. Законы. М. : Книга по требованию, 2011. С. 27.

³ Ростовцев М. Цезарь и Херсонес // Известия археологической комиссии. 1917. Вып. 63. С. 13.

со своими врагами Рим и Греция еще за 800 лет до н. э. научились пользоваться услугами пиратов на основе возмездных договоров. Самым простым видом таких, как правило, устных договоров, было предоставление капитанам пиратских судов права использовать морские порты в качестве баз для совершения грабительских рейдов. При этом пиратские суда имели право доставлять в такие порты свою добычу и продавать ее или хранить где-либо на берегу, право устранять повреждения судов, получать провизию и воду и даже иметь постоянное жилье на берегу, где экипажи могли бы находиться в период между пиратскими рейдами или сезонными перерывами в мореплавании¹.

Лояльное отношение к пиратству способствовало его масштабному распространению до такой степени, что в I веке до н.э. самое могущественное античное государство Римская империя оказалась в морской блокаде, которая создала реальную угрозу голода из-за недопоставки товаров, прежде всего, зерна из Египта². Агрессивность пиратов не знала своего предела и остановить ее смогла только военная операция, которой руководил Помпей. Его опыт, а также пример военной операции Юлия Цезаря, побывавшего в плену у пиратов, а затем отомстившего своим обидчикам, показывает, что только жесткая военная сила способна противостоять нашествию пиратов. Надо полагать, тот факт, что 30 предводителей пиратов, захваченных Юлием Цезарем в плен, были распяты на крестах, еще 350 пиратов – казнено³, стали серьезным предупреждением оставшимся в живых. Поэтому на определенный период времени Средиземное море было очищено от пиратов. Но поскольку отношение к пиратству оставалось неоднозначным, и далеко не все римские императоры были способны на аналогичные военные действия, то и пиратство как явление продолжало развиваться и осваивать новые морские регионы.

¹ Сидорченко В. Ф. Морское пиратство. СПб. : Изд-во юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 88.

² Колодкин А. Л., Смирнова Е. В. История борьбы с морским пиратством: от древности до нового времени. С. 46.

³ См.: Маховский Я. История морского пиратства. М. : Наука, 1972. С. 165-173.

В любом случае, очевидно, что на заре освоения человечеством морского пространства человек мог быть одновременно и мореплавателем, и пиратом, и торговцем, и воином. Видимо такое переплетение ремесел и объясняет многогранность термина «пират». Ж. Мерьен указывал, что при буквальном переводе с греческого «пират» означает «тот, кто предпринимает», «кто пытается поймать удачу», то есть усматривает в пиратах рыцарей удачи¹. Некоторые авторы полагают, что слово «пират» можно толковать, как «пытаться овладеть чем – либо, нападать на что – нибудь», «пытаться захватить (или штурмовать)», «совершать покушения или нападения на корабль»².

Точное происхождение слова «пират» сегодня вряд ли возможно установить, однако общепризнанно, что возникло оно в древнегреческом языке. Хотя и здесь первоначально данное слово не имело современного значения. В древнегреческом языке лицо, совершающее открытое хищение, называлось «ληϊστήρ» или «ληϊστωρ» (букв. - грабитель, разбойник) в отличие от тайного похитителя – «κλέπτης» (вор, тать). Считается, что во времена Гомера лица, занимавшиеся пиратством, обозначались именно словом «ληϊστήρ»³.

Слово «пират» вошло в обиход гораздо позднее, по мнению специалистов, примерно в IV-III вв. до н.э. Этимологическое происхождение этого слова позволяет оценить отношение общества того периода к пиратству как виду деятельности и лицам, им занимающимся. Так, в древнегреческом языке имелось несколько слов с одноименным корнем. Слово «πειρά» означало, во-первых, испытание, пробу, а во-вторых, попытку, предприятие, начинание⁴. Производный от него глагол «πειράω» также имел несколько значений: 1) делать попытку, пытаться; 2) подвергать испытанию,

¹ Мерьен Ж. Энциклопедия пиратства / пер. с франц. Е. Печерской. М. : Терра-Книжный клуб, 1999. С. 5.

² Снисаренко А. Б. Властители античных морей. М. : Мысль, 1986. С. 6; Снисаренко А. Б. Эвпатриды удачи. Л.: Судостроение, 1990. С. 11.

³ Сидорченко В. Ф. Морское пиратство. С. 72.; Можейко И. В. Пираты, корсары, рейдеры : очерки истории пиратства в Индийском океане и южных морях (XV – XX века). С. 7.

⁴ Древнегреческо-русский словарь в двух томах. Т. 2 : М-Омега / сост. И. Х. Дворецкий, под ред. С. И. Соболевского. М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. С. 356.

испытывать, пробовать; 3) пытаться захватить; 4) соблазнять, совращать; 5) изведать, узнавать (по опыту), убеждаться. Кроме того, в древнегреческом языке использовалось слово «πειρητίζω» как синоним слова «πειράω» и означало оно: 1) пытаться; 2) испытывать, пробовать; 3) нападать, атаковать. Видимо с последним значением данного слова связан смысл другого слова «πειρητίζω», которым пользовались Полибий и Плутарх, не объясняя его происхождения¹, но для обозначения грабителя, разбойника, а также морского разбойника. К.А. Бекашев отмечает, что «греческие историки слово «reifai» трактовали как «совершить нападение на корабли»². Как синоним морского разбойника (грабителя) это слово было позаимствовано у древних греков римлянами, в чьем языке появилось слово «pirata». Римляне использовали его для обозначения именно морских разбойников (грабителей), поскольку просто разбойник или грабитель обозначался словом «latrunculus», а разбойничий, грабительский – словом «praedonius». Из латинского языка слово «pirata» переключалось в русский язык.

Несмотря на то, что этимологически «пират» имеет несколько значений, в русском языке оно стало использоваться с совершенно конкретным смыслом - «морской разбойник»³, пиратство соответственно – как «занятие пирата, разбой на море»⁴, «морской разбой с целью захвата чужого имущества и людей»⁵. В военной энциклопедии, изданной в начале XX века, давалось такое определение: «пиратство – это морской разбой, чинимый частными лицами, по частному почину и с корыстной целью, против чужой собственности»⁶. Некоторые авторы справедливо полагают, что слово «пиратство» с учетом его этимологического происхождения можно толковать, как «пытаться овладеть чем – либо, нападать на что –нибудь»,

¹ См.: История пиратства [Электронный ресурс] // Биофайл : Научно-информационный журнал. URL: <http://www.biofile.ru/his/357.html> (дата обращения: 03.12.2010).

² Бекашев К. А. Международное право в борьбе с морским пиратством. С. 1397.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1999. Т. 2. С. 555; Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М., 1985 - 1988. Т. 3. П - Р. 1987. С. 124.

⁴ Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. М., 1985 - 1988. Т. 3. П - Р. 1987. С. 124.

⁵ Морской энциклопедический словарь / ред. В. В. Дмитриев. СПб. : Судостроение, 1993. Т.2. К - П. С. 485.

⁶ Военная энциклопедия / под ред. К. И. Величко, В. О. Новицкого и др. Петербург : Т-во И.Д. Сытина, 1915. Т. XVIII. С. 648.

«пытаться захватить (или штурмовать)», «совершать покушения или нападения на корабль»¹.

Таким образом, в русском языке «пират» и производное от него «пиратство» изначально были связаны со следующими признаками:

- а) место совершения пиратских действий – морское пространство;
- б) предмет посягательства – морское судно;
- в) внешнее проявление пиратства – агрессия;
- г) корыстная цель;
- д) субъект посягательства – частное лицо.

Обобщая эти признаки, можно определить исторически сложившееся представление о пиратстве как совершаемом в морском пространстве агрессивном нападении на морское судно с корыстной целью.

Вместе с тем, «пират» это не единственный термин, который использовался для обозначения лиц, занимавшихся морским разбоем. Как социальное явление пиратство представляется очень многогранным, обусловленным региональными особенностями. Неудивительно, что в разных районах мирового океана для обозначения пиратов использовались самые различные наименования: витальеры, ликеделеры, буканьеры, флибустьеры, каперы, корсары, приватиры, рейдеры. Они, безусловно, имели общие черты: действовали на территории морского пространства и нападали на суда с целью завладения имуществом, включая и само судно. Но политические и экономические особенности развития государства предопределили специфику развития и деятельности пиратов в определенных регионах.

Так, например, норманнские пираты, упоминание о которых содержится в источниках начала VIII века², вели захватнические войны, стремясь переселиться со Скандинавского полуострова, который отличался суровым климатом, что создавало очень трудные условия жизни на нем. Жесткая

¹ Снисаренко А. Б. Властители античных морей. С.6; Снисаренко А. Б. Эвпатриды удачи. С. 11.

² См.: Граветт К., Николь Д. Норманны. Рыцари и завоеватели. М. : Эксмо, 2007. С. 56.

дисциплина, существование внутренней иерархии, опыт в мореплавании, смелость, жестокость, проявляемая по отношению к захваченным в плен, формирование традиций и самобытной культуры – все это дало свои плоды. Норманнские пираты, которых впоследствии стали называть викингами (так первоначально называли только вожаков норманнских пиратов)¹, постепенно селились на берегах Британских островов, где создавали свои укрепленные базы. При этом пиратство и для них не было основным занятием, а лишь способом переселиться на более подходящую для проживания территорию, поэтому викинги были одновременно опытными и предприимчивыми купцами. «Эра викингов» закончилась, как только возникла военная сила, способная противостоять пиратам – могущественная морская держава, возникшая в первой половине XI века под господством Кнуда Великого, охватывавшая Данию, Норвегию и Англию, владычество которой признали Шотландия и Ирландия².

Широкую известность приобрели в XIV-XV вв. пираты Балтийского и Северного морей – витальеры, называвшие себя «друзья бога и враги мира».³ Витальеры также были одновременно и купцами, и торговали они награбленным товаром, продавая его, в том числе и там, куда их должны были доставить законные владельцы. Внутри своей организации пираты соблюдали жесткую дисциплину, в частности, неподчинение капитану каралось смертной казнью, не допускалось присутствие женщин (исключение составляли пленницы). Дерзкие операции витальеров наводили страх на правителей приморских держав, который буквально их парализовал. Результат бездействия государств печален – на Северном море замерла не только торговая навигация, но и рыболовство. И вновь остановить пиратов смогли только решительные военные действия: в 1398 г. к борьбе с витальерами

¹ См.: *Зимек Р.* Викинги: Миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.norse.ulver.com/articles/simek/vikings.html> (дата обращения: 10.09.2010).

² См.: *Колодкин А. Л., Смирнова Е. В.* История борьбы с морским пиратством: от древности до нового времени // История государства и права. 2009. № 24. С. 47.

³ *Григорян В. Л., Дмитриев В. И.* Пиратство, разбой и терроризм на море. М. : Академкнига, 2004. С.13; *Сидорченко В. Ф.* Морское пиратство. С. 209-210.; *Гребельский П. Х.* Пиратские истории. СПб. : Союз, 1994. С. 23-24.

присоединился Конрад фон Юнгенен, гроссмейстер ордена крестоносцев, который сумел выбить их с территории Балтики. А после поражения в сражении в 1432 г. на стороне фризов (древнегерманское племя) против Ганзы пиратское общество витальеров прекратило свое существование¹.

После распада этого сообщества возникло новое – ликеделеры («равнодольные»). Это сообщество отличалось строгой дисциплиной, что в принципе было характерно и для других пиратов, а также весьма оригинальными правилами. В частности, у ликеделеров был установлен запрет на употребление вина, азартных игр, осуждалась и преследовалась роскошь и излишества. Кроме того, пираты после нападения на судно оставляли 1/8 захваченного груза владельцу, хорошо обращались с пленными, которых отпускали на свободу в ближайшем порту, снабдив их при этом одеждой и продуктами. Основная же особенность этой разновидности пиратов заключалась в том, что все члены пиратского сообщества получали равную долю, поскольку, согласно уставу, суда, базы, добыча были общественным достоянием². После того, как пиратская деятельность фактически прервала все торговые связи Ганзы с Англией и Норвегией, против ликеделеров была организована военная экспедиция, в результате которой предводитель пиратов Штертебекер и значительная часть пиратов были взяты в плен и после показательного процесса, который длился в Гамбурге почти полгода, казнены³.

В XVII веке по отношению к пиратам начинают применяться термины «буканьер» и «флибустьер». Буканьерами называли вольных охотников Антильских островов, которые коптили мясо по индейскому способу «букана» и продавали его. Когда же испанцы притесняли и преследовали буканьеров, те нередко пополняли пиратскую вольницу. Французское слово «флибустьер» происходит от голландского «vrijbouter», означающего буквально «свободный добытчик». Флибустьеры, называемые еще и «братья побережья», создали на

¹ См.: Колодкин А. Л., Смирнова Е. В. История борьбы с морским пиратством: от древности до нового времени. С. 47.

² Григорян В. Л. Пиратство, разбой и терроризм на море. С. 13.

³ См.: Ципоруха М. Под черным флагом. Хроники пиратства и корсарства [Электронный ресурс]. URL: http://www.text.tr200.biz/knigi_istorija/?kniga=375611&page=1 (дата обращения: 20.09.2011).

суше и море необычно дисциплинированное сообщество, основанное на принципах общности имущества. Все попытки присвоить себе часть добычи карались исключением из пиратского клана, а порой и еще более сурово. Доходы пиратов были строго дифференцированы и зависели от выполняемых ими функций¹. Флибустьеры вошли в историю не только как отважные, религиозные и вместе с тем свирепые пираты, но и как основатели в конце XVII века собственного государства – флибустьерской республики, называвшейся Либерталией и располагавшейся на севере Мадагаскара.

По мере развития пиратства правители некоторых государств очень хорошо оценили его военный потенциал, который они решили использовать в государственных интересах во время ведения войн за территории. Пиратство, изначально лишённое политической природы, стало использоваться как средство политической борьбы одного государства против другого. Такое явление, когда пиратство пользуется покровительством правительства и направлено против какой-то определенной страны или группы стран получило название в английском языке – приватирство, во французском языке – корсарство, в немецком языке – каперство².

Считается, что в основе каперских свидетельств лежат поручения, которые начал выдавать король Англии Генрих III в 1243 г. строго определенным лицам, о захвате врагов короля в море; добыча при этом делилась между капером и королевской казной. Впервые каперство было нормативно закреплено в 1288 г., когда арагонский король Альфонс III издал устав, предписывающий каперам брать патенты, вносить залог в обеспечение того, что они не будут грабить соотечественников и неприятеля в нейтральных гаванях, а захваченные суда будут приводить в порт, из которого они вышли³.

В Англии первое официальное каперское свидетельство было выдано в период

¹ См.: *Можейко И. В.* Пираты, корсары, рейдеры : очерки истории пиратства в Индийском океане и южных морях (XV – XX века). С. 8.; *Маховский Я.* История морского пиратства. С. 102-104.; *Сниссаренко А. Б.* Властители античных морей. С. 219.; *Гребельский П. Х.* Пиратские истории. С. 128-129.; *Григорян В. Л.* Пиратство, разбой и терроризм на море. С. 20.

² См.: *Можейко И. В.* Пираты, корсары, рейдеры : очерки истории пиратства в Индийском океане и южных морях (XV – XX века). С. 3-4.; *Гаков В.* Джентльмены удачи // Ровесник. 2001. № 9. С. 50-51.

³ См.: Каперы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.traditio-ru.org/wiki/Каперы> (дата обращения: 23.10.2011)

правления Эдуарда I в 1295 г., хотя расцвет каперства пришелся на XVII-XVIII века. Каперское свидетельство представляло собой правительственный документ, которым частному судну разрешалось атаковать и захватывать суда, принадлежащие неприятельскому государству. Вместе с тем, в каперском свидетельстве устанавливалась обязанность капера представлять захваченное судно адмиралтейскому суду для признания и дальнейшей продажи; вырученные от продажи деньги делились между хозяином и командой каперского судна. Таким образом, каперские свидетельства санкционировали проведение репрессалий против судов противника. Но согласно условиям каперского свидетельства каперы были обязаны соблюдать законы военного времени, выполнять положения международных договоров, в частности, касающиеся обращения с военнопленными. Нарушение условий каперского свидетельства могло привести к его аннулированию, отказу в выплате денег и даже к взысканию с команды каперского судна компенсации за причиненный вред.

Учитывая, что до 90% численности каперов составляли пираты, легализовавшие свой промысел путем получения каперской лицензии, не говоря уже о том, что по своему морскому и военному опыту пираты были наиболее подготовлены для каперских действий, многие государства стремились всеми мерами преобразовать пиратство в каперство¹. Более того, в этот период времени каперство и пиратство противопоставляются друг другу; насколько пиратство осуждалось, настолько одобрялось и поддерживалось каперство (приватирство, корсарство).

В период морских войн XVI – XVIII в.в. каперы оказались прекрасной военной силой, способной к захвату неприятельских торговых судов и нарушению торговых путей, хотя на разграбление каперов предоставлялись не только неприятельские, но и суда нейтральных государств². После окончания войны команды корсарских кораблей обычно расформировывались. Однако

¹ См.: *Скрицкий Н.* Пираты и каперы России // Морской флот. 2006. № 6. С. 93-95.

² См.: *Сидорченко В. Ф.* Морское пиратство. С. 271.

привыкшие к достатку и легкому заработку корсары не хотели расставаться со своей привольной жизнью и зачастую становились пиратами. Каперы не состояли на постоянной военной службе: государство могло отказать им в продлении или выдаче нового каперского свидетельства. В результате этого «отказники» нередко переходили на сторону государства, находившегося в состоянии войны с государством, которому каперы служили прежде¹.

Само по себе каперство явление противоречивое. С одной стороны, это проявление пиратства со всеми присущими ему признаками и последствиями. С другой стороны, каперство стало порождением политики отдельных государств, которые решили использовать в своих интересах пиратство, придав ему некий легальный вид. В период ведения войн каперство стало явлением взаимовыгодным для государств (особенно Англии и Франции, наиболее способствовавших его развитию) и пиратов, но со временем становится ясно, что управлять этим явлением не под силу ни одному государству. Желание наживы невозможно было ограничить условиями каперского свидетельства, а оно (желание наживы) всегда лежало в основе пиратства. Кроме того, от деятельности каперов страдали нейтральные государства, не участвующие в военных действиях, а также сами воюющие государства после окончания войны или в период перемирия. Громадный вред, причиняемый каперскими судами мировой торговле, вызывал желание запретить каперство, которое и было отменено на Парижском конгрессе 16 апреля 1856г., о чем говорилось в ст.1 Декларации о морской войне, которую первоначально подписали только семь государств (включая Россию), а потом к ним присоединились еще 45 стран. Таким образом, каперство, являясь порождением государственной политики, было ликвидировано самими же государствами, но без применения физической силы, а путем принятия консолидированного международного решения. Можно сказать, что это была первая попытка государств объединить свои усилия в борьбе с пиратством, пусть и называемым каперством. Но только попытка, поскольку в Декларации о морской войне 1856 г. за военными

¹ См.: *Моджорян Л. А.* Терроризм на море. М. : Международные отношения, 1991. С. 12-13.

кораблями (крейсерами) сохранялось право захвата торговых судов противника. В таком виде отмена каперства стала выгодной только тем государствам, которые обладали сильным военным флотом, и становилась опасной для стран, таким флотом не обладающим. Именно поэтому США, постоянно высказывавшиеся за отмену каперства, считая свой военный флот еще недостаточным для защиты страны, подписывать Парижскую декларацию отказались¹. Тем не менее, позиция большинства государств привела к тому, что каперство стало сходить на нет, и даже государства, не принявшие Парижскую декларацию 1856 г., фактически каперство при ведении войн не использовали. Например, во время испано-американской войны 1898 г. (Испания подписала Парижскую декларацию только в 1908 г.) правительства воюющих стран заявили, что не станут прибегать к каперству².

Отказ от каперства не означал полный отказ государств использовать возможности пиратства в территориальных войнах и укреплении своей геополитической позиции. На смену каперству пришло рейдерство, название которого происходит от слова «рейдеры»: так назывались надводные военные корабли, вспомогательные крейсера, а также торговые суда, специально переоборудованные для проведения военных операций. Во время войны рейдеры топили вражеский транспорт и торговые суда, тем самым, нарушая транспортное сообщение государства-противника. Начало применения одиночных кораблей для совершения рейдерских действий пришлось на XVI век, само слово «рейдеры» вошло в употребление с XVII в., а наиболее активно рейдерство стало развиваться после принятия Парижской декларации 1856 г. Рейдеры, как и каперы, получали задание захватывать вражеские суда и корабли, но прятали свое истинное лицо под личиной обычных пиратов, чтобы

¹ См.: *Моджорян Л. А.* Терроризм на море. С. 13-14.

² Следует отметить, что право на получение каперских свидетельств и в настоящее время закреплено законодательством США (части 10 и 11 п. 8 ст. 1 Конституции США. пункты 385 и 386 Свода законов США). В связи с этим конгрессмен Рон Пол после событий 11 сентября 2001 г., а также в период всплеска пиратства в районе Сомали выступал с предложением использовать каперские свидетельства в борьбе с террористами и сомалийскими пиратами и вносил соответствующие законопроекты в Конгресс США, которые приняты не были. Однако, идея возрождения каперских свидетельств, которые могли бы выдаваться частным охранным предприятиям, активно обсуждается [Электронный ресурс] // Охота на сомалийских пиратов. URL: http://www.secandsafe.ru/novosti/zarubejnye_novosti/ohota_na_somaliyskih_piratov (дата обращения: 31.05.2010)

их хозяевам-королям и правительствам не надо было оправдываться за выдачу им каперских патентов¹.

Рейдеры снаряжались, экипировались, вооружались собственником находящегося в их распоряжении судна, но признавались состоящими на государственной службе. Если каперам запрещалось топить подвергавшееся их нападению судно, то рейдеры могли потопить судно без ограбления, исходя из предположения, что они находятся на содержании у государства, для которого гибель вражеского судна уже является удачей, так как ускоряла победу над неприятелем². Во время русско-японской войны восемь рейдеров русского флота действовали на японских морских коммуникациях; рейдеры активно и «успешно» использовались Германией в Первую мировую войну, а также во время Второй мировой войны; в период итало-германской интервенции в Испании (1936-1939 г.г.) германские и итальянские подводные лодки топили в Средиземном море торговые суда СССР, которые доставляли продовольствие в Испанию. Исчезновению рейдерства после Второй мировой войны способствовали объективные причины: поражение Германии, которая наиболее активно использовала рейдеров; развитие современных военных технологий, делающих невозможным незаметное нахождение рейдеров в морском пространстве; развитие международного права, давшим оценку этим действиям и установившим ответственность государств за их совершение. Хотя и позднее отдельные государства прибегали к каперству. Так, военно-морские силы США в 1950-1953 г.г. совершали пиратские действия в отношении торговых судов Корейской Народно-Демократической Республики и Китайской Народной Республики³.

Характеризуя каперство (корсарство, приватирство) и рейдерство, можно отметить особенности, которые присущи им и отличают их от обычного

¹ См.: *Сидорченко В. Ф.* Морское пиратство. С. 274.

² См.: *Моджорян Л. А.* Терроризм на море. С. 12.; *Можейко И. В.* Пираты, корсары, рейдеры : очерки истории пиратства в Индийском океане и южных морях (XV – XX века). С. 4.; *Скрицкий Н.* Пираты и каперы России. С. 92-93.

³ См.: История пиратства [Электронный ресурс]. URL: <http://theblackpearl.narod.ru/istoria.htm> (дата обращения: 21.03.2011).

пиратства. Все эти формы пиратской деятельности, по сути, пиратством не являются, поскольку покровительство государства меняет их целенаправленность и придает им совершенно иной смысл. В этом случае все их действия являются продолжением политики соответствующего государства, агрессивной по своей сути; действия же, совершаемые государством, не могут оцениваться как пиратство исходя из этимологического значения этого слова и истории развития пиратства. Следовательно, определение пиратства должно быть дополнено указанием на то, что эти действия совершаются частным лицом (группой лиц).

Как показывает исторический анализ, развитие пиратства имело свои закономерности, знание которых необходимо для правильного понимания современных процессов. Однако прежде чем делать окончательные выводы, необходимо рассмотреть историю пиратства в России, которая достаточно долгое время исчислялась со времен Ионна IV, создавшего корсарскую флотилию в период войны с Литвой. Считается, что поскольку Россия в течение долгих веков не имела выхода к морю, она не считалась морской державой, поэтому и явление пиратства было ей не присуще. Но нужно понимать, что история России начинается не со времен создания централизованного государства, а с появлением славянских племен, ставших основателями древнерусских княжеств. И тогда становится понятным, что история российского пиратства «восходит к отдаленным временам господства славян на Балтийском море»¹. Начиная с IX века славяне начали «осваивать» территорию Балтийского моря, нападая на прибрежные города Швеции, а уже в XI веке ругийские и поморские славяне передвигались по нему во всех направлениях².

Дальнейшая биография пиратства на Руси историками излагается непоследовательно. В частности, остается неясным, какое место в истории

¹ См.: Колодкин А. Л., Смирнова Е. В. История борьбы с морским пиратством: от древности до нового времени. С. 47.

² См.: Колодкин А. Л., Смирнова Е. В. История борьбы с морским пиратством: от древности до нового времени. С. 47.

русского пиратства занимают «ушкуйники» - новгородские воины, получивших такое название из-за своих речных судов «ушкуи», которые вмещали в себя до 30 человек с грузом. Впервые об ушкуйках упомянуто в хронике Эрика в эпизоде, относящемся к 1300 году, когда шведский флот вошел в Неву и сжег новгородские ушкуи¹. По мнению некоторых авторов, целью акций «ушкуйников» являлось обогащение за счет грабежа торговых судов и прибрежных поселений. Так, Н. Скрицкий, описывая данные события, указывает, что «в 1375г. пираты направились к югу и взяли Нижний Новгород, после чего двинулись на Астрахань, грабя все встречные суда. Только астраханскому воеводе удалось обманом перебить разбойников. Однако в 1391г. ушкуйники уже пиратствовали на Вятке, Каме и Волге». Таким образом, новгородские «ушкуйники» представляются нам как древнейшие русские пираты, действовавшие, преимущественно на речном пространстве. Согласиться с таким суждением достаточно сложно, поскольку оценка деятельности новгородских ушкуйников неоднозначна. Существует мнение о том, что ушкуйники действовали в интересах защиты новгородских земель², подтверждение чего содержится в летописях о «Куликовом поле» и «Стоянии на реке Угре»³. Основу ушкуйников составила та часть новгородского населения, которая не хотела примыкать к какой-либо общине и готова была отправиться в поход на свой страх и риск. Особенность походов ушкуйников заключалась именно в том, что они совершались «без новгородского слова»⁴. Ушкуйники были хорошие воины, поэтому их походы, в том числе и на ордынские города, увенчались успехами. Деятельность ушкуйников продолжалась до тех пор, пока Великий Новгород не попал под власть великого московского князя Ивана III. Покинув Великий

¹ См.: *Ворон Н.* Ушкуйники [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rod.h14.ru/a/art003.htm> (дата обращения: 10.04.2011).

² См.: Ушкуйники – Викинги Русских Рек [Электронный ресурс] // Славянские сети: информационный портал. URL: <http://www.slav-seti.ru/?p=1875> (дата обращения: 10.04.2011).

³ Хотя и по этому вопросу единства мнений нет, поскольку по иным сведениям новгородские «ушкуйники» не участвовали в Куликовской битве (см.: Русь Балтийская [Электронный ресурс]. URL: <http://russbalt.rod1.org/index.php?topic=2259.0> (дата обращения: 03.03.2011)

⁴ См.: *Андреев В.Ф.* Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biblioteka.ru/rusNovgStrazh/9.htm> (дата обращения: 05.06.2010).

Новгород, ушкуйники на время обосновались в Хлынове (впоследствии Вятка), а после разгрома Вятского вече одни ушкуйники стали селиться в вятских и пермских лесах, другие ушли на Дон, где и стало формироваться донское казачество, перенявшее традиции ушкуйников. Очернение же ушкуйников произошло из-за их противостояния с московскими князьями, которые велели летописцам исключить все упоминания об «ушкуйниках», а само слово стало ассоциироваться с разбойниками. Таким образом, ушкуйники имели определенное сходство с древними пиратами: совмещение ремесел, желание наживы, специальное оснащение – ушкуй, действия на свой страх и риск. Основное же отличие заключалось в том, что действовали ушкуйники не на море, а преимущественно на речном пространстве (хотя ушкуи были как речные, так и морские), что не сильно отличало их от разбойников, действовавших на суше. Тем не менее, видимо именно деятельность «ушкуйников» позволила сформироваться мнению о речном пиратстве как самостоятельном явлении.

Дальнейшие политические процессы: объединение Руси и расширение ее пределов на восток и юг предопределили освоение территорий Каспийского и Черного морей, где частым явлением стало появление казацкой вольницы. Вот как описывает нападение в 1492 г. казаков на корабль великий князь литовский Александр в своей грамоте крымскому хану Менгли-Гирею: «... кияне и черкасцы, пришедши Днепром под Тягинею, корабль твой разбили»¹. Но все же основным местом действий казаков стали Волга и Каспийское море, где они на своих легких стругах были просто неуловимы. Поскольку до 1695 г. казаки земледелием не занимались, а прокормиться только скотоводством, охотой и рыболовством они не могли, то пиратство стало их привычным делом². Отлучение казаков от пиратства происходило по мере ограничения

¹ Цит. по: *Широкопад А.Б.* Русские пираты [Электронный ресурс]. URL: http://static.booksss.ru/Al/Aleksandr_Borisovich_Shirokorad_Russkie_piratyi.fb2 (дата обращения: 14.05.2011).

² См.: Пиратство и казаки [Электронный ресурс] // Казачий круг. Вестник казачьего народа. URL: <http://www.kazachiy-krug.ru/stati/est-takoe-mnenie/piratstvo-i-kazaki> (дата обращения: 20.05.2011)

государством казачьей вольности и полностью завершилось после поступления казаков на государственную службу.

Развитие пиратства в России связано и с каперством, к которому она начала широко прибегать при Иване Грозном в период войны 1558 – 1583гг.¹ Для руководства каперами Иван Грозный пригласил на службу датского корсара Карстена Роде, которому предписывалось охранять торговые суда Московского государства, поскольку, как сообщает летописец, «польские и шведские каперы разбойным обычаем русские корабли разбивают и из многих земель дорогу нашим торговым судам затворяют».

К. Роде, профессиональному каперу, царем была выдана охранная грамота, в которой определялись задачи нового «атамана» и гарантировалась его безопасность: «Силой врагов взять, а корабли их огнем и мечем сыскать, зацеплять и истреблять согласно нашего величества грамоты...а нашим воеводам и приказным людям того атамана К. Роде и его скиперов, товарищей и помощников в наших пристанищах на море и на земле в береженье и в чести держать».

Прибыв в Нарву, К. Роде оснастил и вооружил несколькими небольшими пушками одномачтовое судно водоизмещением в 40 т и отправился в море. Через некоторое время он уже возглавлял эскадру из семнадцати захваченных у противника судов. Они надежно защищают суда, идущие в Нарву. Однако Россия вынуждена была подписать в 1570 г. трехлетнее перемирие и оставить Нарву. Роде было запрещено заниматься каперством, и он снова стал пиратом, продолжая уже на свой страх и риск грабить и захватывать не только польские и ганзейские суда, но и своих соотечественников – датчан. В течение 1570г. Роде захватывает 22 торговых судна с ценными грузами. Возмущенный этим датский король Фредерик II запретил судам Роде заходить в проливы своей

¹ Ряд специалистов самым известным российским пиратом считают Степана Разина, который весной 1667 г. бросил клич о походе на Волгу и Каспий. Выйдя на Волгу в мае 1667 г., С. Разин напал на торговый караван, в составе которого были и суда, принадлежащие царю и патриарху. Миновав Царицын и Черный Яр, разинцы протоком Бузан вышли в Каспийское море, продолжая захватывать торговые суда, 19 июня 1670 г. Разин захватил Астрахань.

страны и приказал арестовать суда Роде, когда его эскадра была в Борнхольме. Осенью 1570г. Роде был арестован, и дальнейшая судьба его неизвестна¹.

Активно использовал каперов и Петр I во время Северной войны. В частности, каперские паспорта были выданы Сенатским Указом 1716 г. поручику Ладыженскому и подпоручику Лоуренсу Берлогену для совершения нападений на шведские суда, при этом значительная часть приза (62%) определялась в пользу государственной казны. Возможность использования каперов была нормативно закреплена в Морском уставе 1720 г., а также Регламенте адмиралтейской коллегии 1765 г., в которых устанавливалась процедура ареста приза, определение вознаграждения, его раздел между участниками экспедиции, запрет на лишение жизни пленных и др. В период правления Екатерины II российское государство не раз прибегало к услугам каперов: греков, каперствовавших на Средиземном море под русским флагом во время русско-турецкой войны 1787 г.; жителей Ионических островов во время русско-французской войны 1805 г. Во время русско-турецкой войны Екатериной II был приглашен на службу капер Пол Джонс, американец по происхождению, который согласился воевать на стороне Российской Империи при условии присвоения ему чина контр-адмирала. Своим Указом Екатерина II произвела в контр-адмиралы Пола Джонса (Павла Жонеса), в последующем сблизившегося с самим А.В. Суворовым². Но после принятия Парижской декларации 1856 г. каперство оказалось вне закона. Лишь однажды в 1878 г. предпринималась попытка вернуться к нему в связи с обострением отношений между Россией и Англией, когда в России был создан Добровольный флот, который тем не менее состоял из военных моряков, состоящих под командованием флотских офицеров.

Таким образом, российская история свидетельствует, что пиратство было свойственно нашему государству, однако никогда не приобретало таких

¹ См.: *Сидорченко В. Ф.* Морское пиратство. С. 276-277; *Гребельский П. Х.* Пиратские истории. С. 24-25.; *Григорян В. Л.* Пиратство, разбой и терроризм на море. С. 72-73.; *Скрицкий Н.* Пиратство при Иване Грозном // Морской флот. 2007. № 1. С. 92.

² См.: *Дуров В., Поддубный А.* Одиссея адмирала Джонса [Электронный ресурс] // Достоинство. URL: <http://www.dostoinstvo.zolt.ru/?module=articles&c=1&a=40> (дата обращения: 14.01.2011).

масштабов, как в других мировых регионах. Так называемое речное пиратство существовало в период становления централизованного государства и имело больше общего с разбоем, совершаемым на реке.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы:

1. Этимологическое значение пиратства объясняет столь неоднозначное отношение к этому явлению на протяжении долгих веков: первоначально оно не имело негативного смысла и лишь отражало поведение отдельных людей – первооткрывателей, первопроходцев, пробующих, испытывающих что-то новое. Возникновение пиратства обусловлено естественными процессами развития человечества: освоение человеком морского пространства, появление судоходства и, как следствие, морской торговли.

2. Происхождение слова и исторический процесс развития пиратства позволяют определить его как совершаемое частным лицом (группой лиц) в морском пространстве нападение на морское судно с корыстной целью.

3. По своей социальной сути пиратства всегда носило характер агрессии, направленной как против судна, так и людей, и имущества, находящихся на нем. Однако на протяжении определенного периода времени общество достаточно терпимо или даже одобрительно относилось к пиратству, чему в немалой степени способствовало отсутствие четких границ между мореплавателями, торговцами и пиратами.

4. Дальнейшее развитие пиратства происходило под влиянием геополитических процессов: стремление государств расширить свою территорию, укрепить свое политическое и экономическое могущество в определенном регионе; межгосударственные войны стали подпиткой пиратству, которое расцветало в период обострения межгосударственных отношений. Исторический анализ показывает, что государства с ослабленной централизацией власти, распираемые внутренними проблемами, не способны противостоять пиратству; более того, даже могущественные государства

способны прекратить пиратские атаки лишь на время посредством проведения жестких военных операций.

5. В России пиратство не получило столь широкое распространение, как в других странах, не стало традиционным способом существования ни для одной части населения российского государства; другими словами, пиратство для российского государства стало скорее внешней, чем внутренней проблемой.

2. Развитие международного и национального законодательства об ответственности за пиратство

Любое общественно опасное поведение человека, как известно, лишь тогда становится преступным, когда получает форму запрета, т.е. признается противоправным. И если общественная опасность присуща тому или иному поведению объективно, то признание его противоправным целиком и полностью зависит от воли человека (группы лиц), наделенного законодательными полномочиями. Другими словами, установление уголовно-правового запрета на определенное общественно опасное деяние является результатом государственной политики. Отношение государств к пиратству, как было показано выше, было неоднозначным. Со времени своего появления пиратство причиняло огромный физический и материальный вред. Но подрывая экономические основы одних государств, оно обеспечивало обогащение определенных групп людей (пиратов и не только) или даже целых государств. Противоречивое отношение к пиратству было связано не только с тем, что оно тесно переплеталось с легальными сферами деятельности (торговля, мореплавание), и в этой связи не вызывало порицание, но и с тем, что как весьма прибыльная «профессия» пиратство всегда было востребовано, при чем со стороны государств. Интерес того или иного правителя к пиратству зависел от политических, военных, экономических, социальных факторов; изменение обстановки в определенном регионе приводило к тому, что

менялось и отношение конкретного государства к пиратству, но в это же самое время другое государство старалось использовать пиратство для решения своих геополитических задач.

Естественно, что при таком весьма неоднозначном отношении к пиратству не могло быть и речи о последовательном и динамичном формировании и развитии законодательства об ответственности за пиратство. Процесс становления антипиратского законодательства протекал под влиянием вышеуказанных факторов и прошел несколько этапов, выделение которых носит весьма условный характер. Началу формирования антипиратского законодательства предшествовал период, когда пиратство регулировалось наравне с другими, социально одобряемыми, видами деятельности. Поскольку в античные времена пиратство считалось обычным ремеслом, таким же, как торговля, скотоводство или земледелие, то и правила для него устанавливались общие. Например, в «Дигестах» сохранился закон, приписываемый Солону: «*ean de dēmos ē phratores ē hierōn orgiōn ē nautai ē syssitioi ē homotaphoi ē thiasōtai ē epi leian oichomenoi ē eis emporian hoti an tutōn diathōntai pros allēlus kygion einai cau mē apagoreuēi dēmosia grammata*», что при буквальном переводе означало: «если дем, или член фратрии, или совместно совершающие священные обряды, или моряки, или члены сисситии, или совместно хоронящие (в складчину), или совместно исполняющие культ, или отправляющиеся за добычей или ради торговли заключат между собой о чем-то соглашение, то быть посему, если законы общественные сего не запрещают»¹. Очевидно, что в законах Солона пираты были уравнены в правах с моряками, торговцами, членами фратрии и т.д., а стало быть, никакой ответственности за их промысел не существовало.

Однако по мере формирования пиратства как самостоятельного социально-экономического явления стало очевидным его влияние на развитие торговых (и не только) отношений. Оценив весь негативный потенциал

¹ См.: Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества: о. Родос IX-VII вв. до н.э. Л. : Изд-во Ленинградского государственного университета, 1951. С. 156.

пиратства, осознав его вредоносность, государства стали предпринимать первые попытки законодательного противодействия пиратству. Это был первый этап формирования антипиратского законодательства, связанный с принятием примерно в 100 г. до н.э. в Древнем Риме «Закона о преследовании морского пиратства», которым пираты объявлялись «врагами человечества» и подлежали уничтожению. Древний Рим попытался таким образом активизировать борьбу с пиратством, привлекая к ней и другие государства. Вслед за принятием закона последовали военные действия против пиратов, которые имели успех. Однако этот результат носил временный характер, и достаточно быстро пираты восстановили свою мощь, масштабы их деятельности вновь стали расти как в Средиземном море, так и в других регионах. Следует признать такое развитие событий закономерным, поскольку политика Древнего Рима в борьбе с пиратством носила временный и локальный характер и была направлена не против пиратства вообще, а только против тех пиратов, которые нападали на римские суда¹.

На первом этапе формирования антипиратского законодательства аналогичным образом складывалась антипиратская политика и других государств. Императорским указом 862 г. местным властям Японии предписывалось преследовать и арестовывать пиратов в провинциях, прилегающих к Внутреннему морю; аналогичные указы были изданы в 931, 932, 933 гг., однако деятельность пиратов, многие из которых пользовались покровительством буддийских монастырей и синтоистских святилищ, они никак не остановили². Пиратам восточно-азиатских морей также, как и пиратам Средиземноморского пространства, была противопоставлена военная мощь – сословие самураев, которые на определенное время серьезно осложнили жизнь пиратам. Однако в результате внутригосударственных

¹ См.: *Сидорченко В. Ф.* Морское пиратство. С. 363.; *Колодкин А. Л.* Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М., 1973. С 81-82.; *Маховский Я.* История морского пиратства. С. 276.

² См.: *Смертин Ю. Г.* Пираты восточно-азиатских морей: частный бизнес и большая политика // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. С. 182.

политических процессов контроль над японскими пиратами был утрачен, и в первые десятилетия XIII в. они вышли на международную арену¹.

Интересный законодательный опыт борьбы с пиратством имела Англия, которая страдала от отсутствия собственного сильного военного флота. После неудачного опыта заключения договора с Испанией и Францией, согласно которому государства обязались не приглашать на государственную службу пиратов, Генрих IV решил выдавать каперские свидетельства пиратам для борьбы с пиратами. В период правления Генриха V пиратство было приравнено к государственной измене, а в 1536 г. был принят закон по борьбе с морским разбоем, во исполнение которого было повешено пиратов больше, чем в предшествующие три столетия². И тем не менее, уменьшить масштабы пиратства в этом регионе удалось не благодаря закону, а в результате перемещения морских торговых путей в Атлантику. По существу ни одно из государств Древнего мира и Средневековья не могло похвастаться эффективной правовой базой, служившей основой для борьбы с пиратством.

Второй этап развития антипиратского законодательства характеризуется активизацией борьбы с пиратством, которая началась в процессе смены общественно-экономической формации: от феодализма к капитализму. Географические открытия, освоение и колонизация новых земель, рост промышленного производства – все эти факторы обусловили интенсивное развитие межгосударственных торговых отношений, в том числе морской торговли. К этому времени деятельность пиратов приобрела глобальный характер, т.к. охватила практически все мировое морское пространство, и представляло серьезную угрозу дальнейшему развитию международной торговли. Перед государствами встала задача выработки международного правового механизма противодействия пиратству, но краеугольным камнем в развитии антипиратского законодательства стало

¹ См.: *Смертин Ю. Г.* Пираты восточно-азиатских морей: частный бизнес и большая политика. С. 182.

² См.: Пиратство в проливе Ла-Манш [Электронный ресурс] // Путешествия и приключения. URL: <http://www.shishimora.ru/piratstvo-v-prolive-la-mansh> (дата обращения: 04.06.2012)

каперство. Наличие одновременно двух форм пиратства: легального, осуществляемого на основе каперского патента, и нелегального — без какого-либо патента, не способствовало стремлению государств к выработке четких антипиратских законов. Тем не менее, государствами предпринимаются первые попытки принятия международных договоров, направленных на запрет каперства. Одним из первых таких договоров стал договор между США и Пруссией 1785 г., в котором устанавливался запрет на получение каперского свидетельства, а лица, его получившие, приравнивались к пиратам¹.

Для Российской Империи заключение подобных договоров было не свойственно. По мере развития межгосударственной, в том числе морской торговли российское государство пытается регулировать новую сферу взаимодействия путем заключения двухсторонних договоров. Наибольшая активность по заключению Российской Империей так называемых трактатов о торговле и мореплавании пришлась на XIX в., когда были заключены договоры с США (1832 г.), Голландией (1846 г.), Грецией (1850 г.), Италией (1863 г.), Германией (1894 г.), Японией (1895 г.) и другими странами. Основная цель этих международных договоров — установление режима наибольшего благоприятствования для торгующих сторон, а не борьба с пиратством, поэтому конкретных норм о пиратстве они не содержали.

Отсутствовали специальные нормы о пиратстве и в российском уголовном законодательстве того периода, анализ которого позволяет сделать вывод о том, что в ряде статей Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовного уложения 1903 г. имелись нормы, устанавливающие ответственность за действия, только сходные с пиратством. Так, в ст. 1203 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885 г.) определялось: «кто в намерении причинить кораблекрушение, или привлечь в какое-либо место корабль или иное судно, дабы оный ограбить, выставить ложные маяки или знаки, или же сделать что-либо такое, от чего

¹ См.: Конте Э. Морское пиратство и международное право : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 12

корабль или судно должны подвергнуться опасности, тот за сие приговаривается: к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на время от 10 до 12 лет»¹.

В ст. 1267 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных указывалось: «стоящие на страже корабельные служители или водоходцы, которые с умыслом не учинят тревоги и не созовут прочих корабельных служителей, в случае если на корабль придут воры, а равно и те корабельные служители и водоходцы, которые при нападении разбойников на корабль, также с умыслом уклонятся от участия в обороне корабля или находящегося на нем товара или груза, когда защита была возможна, и допустят корабль грабить или причинить какой-либо ему вред...»².

Сам термин «пиратство» в российском уголовном законодательстве исторически не использовался, но можно с уверенностью утверждать, что для описания пиратских действий законодатель прибегал к более понятному и исторически сложившемуся понятию – «разбой». Подтверждением служит содержание ст. 1630 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных: «за разбой на улице, какого-либо города...или же в открытом море или в пристани, или на озере, или служащих для водоходного сообщения реках и каналах, виновные подвергаются: лишению всех прав состояния и ссылки в каторжную работу на время от 8 до 10 лет»³.

Эта законодательная традиция (приравнивания пиратства к морскому разбою) сохранилась и при разработке Уголовного Уложения 1903 г., как известно, так и не вступившего в полном объеме в юридическую силу. Согласно ст. 589 Уложения, «Если разбой учинень: ... 3) въ открытомъ море ..., то

¹ Сводъ законовъ Россійской Имперіи: в 16 т. Т. 15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Уголовное Уложение / под ред. и с примеч. И.Д. Мордухай-Болтовского; сост. Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. С.-Петербург : Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. С. 130.

² Сводъ законовъ Россійской Имперіи: в 16 т. Т. 15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. С. 135.

³ Сводъ законовъ Россійской Имперіи: в 16 т. Т. 15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. С. 183.

виновный наказывается: срочную каторгою»¹. В названном памятнике российского уголовного права разбой определялся как «похищение чужого движимого имущества, с целью присвоения, посредством приведения в бессознательное состояние, телесного повреждения, насилия над личностью или наказуемой угрозы»².

Очевидно, что на данном этапе пиратство не рассматривалось Россией столь существенной национальной проблемой, которая требовала бы принятие специальных уголовно-правовых норм о борьбе с ним. Более того, сам термин «пиратство» не получил законодательного закрепления.

И все же, Российская империя сыграла немалую роль в развитии антипиратского законодательства на международном уровне. Как уже подчеркивалось, основной проблемой для государств, развивающих морскую навигацию и морскую торговлю, в XVIII-XIX вв. стало каперство, и именно на его уничтожение и были направлены усилия ряда государств. Попытки запретить каперство на международном уровне предпринимались в первой половине XIX в. Так, в декабре 1823 г. американский посланник в России Г. Миддлтон внес на рассмотрение российскому правительству предложение о заключении морской конвенции, одним из пунктов которой была отмена каперства. Положительно оценив эту инициативу, правительство Российской Империи признало, что реализация положений конвенции возможна лишь при согласии других морских держав, и запросило их мнение. Единственным препятствием для дальнейшего обсуждения и принятия данного международного акта стала отрицательная позиция Великобритании³.

Но, несмотря на политические разногласия по вопросу запрета каперства, процесс формирования антипиратского законодательства набирал обороты, хотя и пошел несколько в иное русло. С конца XVIII в. начала

¹ Новое Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. С.-Петербург : Издание Каменноостровского Юридического Книжного Магазина В. П. Анисимова, 1903. С. 189-190.

² Новое Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. С. 189

³ См.: *Болховитинов Н. Н.* История США. Т. 1. [Электронный ресурс] // Библиотека учебной и научной литературы. URL: [http:// www.sbiblio.com/biblio/archive/bolhovitinov_istorija/07.aspx](http://www.sbiblio.com/biblio/archive/bolhovitinov_istorija/07.aspx) (дата обращения: 25.08.2012)

формироваться идея о приравнивании пиратства к работорговле. Идея эта возникла в США, затем была подхвачена и узаконена Великобританией¹, но только 20 декабря 1841 г. в Лондоне по инициативе Российской Империи был подписан Большой пятисторонний договор (Россия, Пруссия, Австрия, Франция, Великобритания), запретивший работорговлю и объявивший ее пиратством. Ст. 1 раздела I Договора гласила: «Их величества ... обязуются запретить всю работорговлю именуемую подданных, и объявить такую торговлю пиратством»². Практика приравнивания пиратства к другим преступлениям, а точнее расширения содержания понятия пиратства путем включения в него действий, по существу пиратскими не являющимися, сохранялась еще на протяжении определенного времени³.

Дальнейшее развитие антипиратского законодательства связано с принятием Декларации о принципах морского международного права в 1856 г. (г. Париж). Этот международный договор стал серьезным шагом в становлении международного морского права в целом и антипиратского законодательства, в частности. Декларация начиналась с положения о запрете каперства: «1) Каперство отныне навсегда отменяется»⁴. Парижская декларация была подписана 8 государствами, затем к ней присоединилось еще 6 стран. Среди участников декларации была Россия, Австрия, Франция, Великобритания, Турция и другие государства. Однако ряд стран отказались стать участниками Парижской декларации, среди них были и США, которые предлагали уточнить понятие «военный корабль» и установить запрет на захват чужой собственности военными кораблями. Поскольку это предложение не было воспринято другими государствами (наиболее активно

¹ См.: Конте Э. Морское пиратство и международное право. С. 12

² Конте Э. Морское пиратство и международное право. С. 12

³ К такой практике можно, на наш взгляд, отнести и положения, обсуждавшиеся на Вашингтонской конференции по разоружению (1922 г.). В резолюции, предложенной для подписания странам-участницам, было закреплено: «Державы, подписавшие договор. ... ссылаясь на запрет использования подводных лодок в качестве оружия, признают, что любое лицо, состоящее на службе любой из Сторон, нарушивших любое из этих правил считается нарушителем закона войны и подлежит суду и наказанию как за акт пиратства...».

⁴ Декларация о принципах морского международного права (Париж, 4/16 апреля 1856 г.) // Сборник договоров России с другими государствами. 1856 - 1917 / под ред. Е. А. Адамова, сост. И. В. Козьменко. М. : Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 42-43

возражала Великобритания), то США, посчитав условия международного договора невыгодными для себя, подписывать его не стали¹.

Третий этап развития антипиратского законодательства связан со стремлением международного сообщества кодифицировать международные нормы, касающиеся пиратства. Необходимость кодификации норм об ответственности за пиратство стала очевидной еще в XIX в., в связи с чем учеными (Паскуале Фиоре, Иоганн Каспар Блюнчли) предпринимаются попытки выработать доктринальные дефиниции пиратства. Законодательная же работа активно началась в XX столетии и проводилась в рамках деятельности Лиги Наций, которая в 1926 г. учредила подкомиссию Комитета экспертов для подготовки кодификации «международного права пиратства». Через год проект международного акта о пресечении пиратства (более известный как проект «Matsuda Draft» по имени его автора – Матсуда (Япония)) был подготовлен, однако нужного количества голосов он не набрал². Причиной отрицания данного проекта послужило то, что его авторы не рассматривали в качестве пиратства каперство и признавали пиратами лишь тех лиц, которые совершают насильственные действия на море без поручения властителя или самостоятельного государства³.

Еще одной значимой попыткой кодификации международно-правовых норм о пиратстве стал так называемый Гарвардский проект соглашения о пиратстве 1932 г., разработанный на основе анализа международно-правовой доктрины, практики и национального права. В Гарвардском проекте пиратство определялось как имеющий место вне пределов государственной юрисдикции акт насилия и грабежа, совершенный с намерением ограбления, хищения, заточения или убийства людей, разрушения собственности; все это «в личных целях без намерения доказать свое право»⁴. Данный проект также не получил

¹ См.: Каперы – Традиция [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.traditio-ru.org/Каперы](http://www.traditio-ru.org/Каперы) (дата обращения: 11.10.2012)

² См.: *Зелинская Н. А.* Морское пиратство как конвенционное преступление // Актуальні проблеми держави та права: збірник наукових праць. Вип. 59 / Редкол.: С.В. Ківалов (гольв. ред.) та ін.; Відп. за вип. В. М. Дрьомін. Одеса : Юридична література, 2011. С. 51

³ См.: *Конте Э.* Морское пиратство и международное право. С. 13

⁴ *Моджорян Л. А.* Терроризм на море. С. 19-20.

одобрения Лиги Наций. Основные разногласия, как видим, сводились к неодинаковому пониманию пиратства и его сущности. Так, например, румынский специалист по международному праву Веспасиан Пелла настаивал на том, что основным признаком пиратства является нажива, поэтому все другие акты, совершенные по соображениям соперничества, мести или акты анархизма, пиратством не являются¹. Именно поиски наиболее точного определения пиратства завели государства в своеобразный тупик и на какое-то время приостановили работу по формированию международного права по пиратству.

Дальнейшее развитие антипиратского законодательства на международном уровне было связано с ухудшением обстановки в Средиземном море, где со второй половины 30-х годов участились случаи нападения на торговые суда кораблей, подводных лодок и самолетов без опознавательных знаков. Во время гражданской войны в Испании нападения на торговые суда СССР и других европейских государств, сопровождавшиеся потоплением судов и гибелью людей, практически парализовали торговое судоходство в этом морском регионе. В поисках наиболее эффективных мер борьбы с этими актами представители средиземноморских и черноморских держав, а также Великобритании встречаются на Средиземноморской конференции по вопросу безопасности судоходства в Швейцарском городе Нионе, по итогам которой подписывают Соглашения о борьбе с пиратством (14 сентября 1937 г.). Преамбула к Соглашению гласила: «Принимая во внимание, что в связи с испанским конфликтом в Средиземном море были совершены подводными лодками повторные нападения на торговые суда, не принадлежащие ни одной из сторон борющихся в Испании, что эти акты являются нарушением правил международного права, изложенных в IV части Лондонского договора от 22 апреля 1930 года, об уничтожении торговых судов, что они противоречат самым элементарным принципам человечности и что они должны быть по всей справедливости квалифицированы как акты пиратства...»². 17 сентября 1937г. в

¹ Конте Э. Морское пиратство и международное право. С. 13

² Нионское соглашение от 14 сентября 1937 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.docs.pravo.ru/document/view/20754151> (дата обращения: 25.04.2012)

том же городе Нионе было подписано Дополнительное соглашение, распространившее постановления о подводных лодках на надводные и воздушные суда. Соглашения, получившие название Нионских, предоставляли государствам, их подписавшим (СССР, Великобритании, Франции, Болгарии, Греции, Египта, Румынии, Турции и Югославии), право контратаковать и, по возможности, уничтожать подводные лодки, нападающие с нарушением правил международного права (ст. II Нионского соглашения). Нионские соглашения предусматривали коллективные меры защиты, поэтому надводным кораблям, участвующим в охране торгового судоходства в открытом море и ставшими свидетелями нападения, вменялось в обязанность открывать огонь по нападающему воздушному судну и пресекать нападение надводного корабля с призывом, по возможности, к подкреплению (ст. III Дополнительного соглашения).

Нионские соглашения стали примером эффективной консолидации сил государств в борьбе с пиратством. И хотя акты нападения, побудившие государства к принятию данных международных документов, под определение пиратства в современном его понимании вряд ли подпадают, мы видим пример успешного международного противодействия преступному поведению. Применение государствами военно-морских сил обеспечило безопасность торгового судоходства в Средиземном море, и нападения на торговые суда в этом регионе почти полностью прекратились.

Вторая мировая война приостановила развитие международного права в области борьбы с пиратством, хотя само явление продолжало существовать¹. Вновь к вопросам формирования правовой базы для противодействия пиратству международное сообщество вернулось спустя значительное время, когда в рамках деятельности ООН была организована первая конференция по морскому праву, на которой в том числе обсуждались

¹ Считается, что во время Второй мировой войны наиболее активно пиратские нападения совершали немецкие надводные рейдеры – «типичные корсары и каперы». Подробнее см.: *Бунич И.* Пираты Фюрера [Электронный ресурс] // LITRUS.NET / онлайн-библиотека. URL: <http://www.litrus.net/book/read/60760> (дата обращения: 25.10.2012)

вопросы международного сотрудничества в области борьбы с пиратством. С принятием на Женевской конференции ООН в 1958 г. Конвенции ООН об открытом море начинается следующий этап развития антипиратского законодательства, когда пиратство впервые получило легальное определение как преступление международного характера.

Согласно ст. 15 Конвенции пиратство исчерпывается тремя составляющими его действиями: 1) любой неправомерный акт насилия, задержания или грабежа, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный в открытом море против какого-либо другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на борту, либо же против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства; 2) любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата, если тот, кто этот акт совершает, знает обстоятельства, в силу которых это судно или этот летательный аппарат являются пиратским судном или пиратским летательным аппаратом; 3) любое действие, которое является подстрекательством или сознательным содействием совершению вышеназванных действий. Как видим, пиратство было определено путем перечисления конкретных действий («любой неправомерный акт насилия, задержания или грабежа...»), «любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата...», «любое действие, являющееся подстрекательством или сознательным содействием...») и признаков, отличающих их от другого неправомерного поведения («с личными целями», «экипажем или пассажирами... частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата», «в открытом море», «в месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства», «против лиц или имущества, находящихся на борту»). Именно такой подход вывал дискуссию

по вопросу определения пиратства и действий, подпадающих под данное понятие. Так, представители стран так называемого социалистического лагеря настаивали на том, что понятие пиратства должно быть распространено и на политически неправомерные акты, совершаемые в открытом море¹. Однако, данная позиция не была поддержана большинством участников конференции. В результате при подписании Конвенции об открытом море 1958 г. правительство СССР сделало заявление о том, что «определение пиратства, данное в Конвенции, не охватывает некоторые действия, которые по современному международному праву должны считаться пиратскими, и не отвечает интересам обеспечения свободы мореплавания на международных морских путях»². Таким образом, вопрос о содержании понятия пиратства, как и ряд других вопросов, касающихся морского права, сохранили свою остроту и актуальность. Для их решения Генеральной Ассамблеей ООН в 1967 г. был создан специальный комитет, впоследствии переименованный в Комитет по мирному использованию дна морей и океанов за пределами действия национальной юрисдикции, разрабатывавший проект Конвенции по морскому праву и Заключительный акт к нему, которые были приняты на третьей Конференции ООН по морскому праву в 1982 г. и подписаны 119 делегациями в Монтего-Бее (Ямайка).

Принятие Конвенции по морскому праву 1982 г. стало важнейшей вехой в развитии международного права в целом и морского права в частности, но следует отметить, что в вопросы борьбы с пиратством данный международный акт каких-либо серьезных изменений не внес. Отличия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. от Конвенции ООН об открытом море 1958 г. заключаются в следующем. Во-первых, согласно ст. 107 Конвенции 1982 г. захват пиратского судна или летательного аппарата могут совершать только военные корабли или военные летательные аппараты либо

¹ См.: Конте Э. Морское пиратство и международное право. С. 15

² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXII. М., 1967. С. 232

другие суда или летательные аппараты, «которые имеют четкие внешние знаки, позволяющие опознать их как состоящие на правительственной службе, и уполномоченные для этой цели». Во-вторых, положения по борьбе с пиратством стали применяться и к исключительной экономической зоне, если они не являются несовместимыми с частью V Конвенции 1982 г. (ч. 2 ст. 58). Здесь же следует отметить, что в данном международном акте, как и в Конвенции об открытом море, пиратство четко отделено от рабства, подтверждением чему является тот факт, что запрет на совершение и того, и другого преступления содержится в разных статьях конвенций.

Конвенция по морскому праву 1982 г. была подписана СССР, но поскольку она вступила в силу с 16 ноября 1994 г., ратифицирована Конвенция была уже Российской Федерацией Федеральным законом от 26 февраля 1997 г. Именно принятие и вступление в силу этого международного акта потребовало от отечественного законодателя принятия решения о криминализации пиратства как самостоятельного преступления. В результате в Уголовном кодексе РФ 1996 г. впервые появилась уголовно-правовая норма, описывающая признаки состава пиратства (ст. 227). Однако имплементация международно-правовых норм в данном случае носила опосредованный характер, поэтому понятие пиратства и его признаки, закрепленные в ст. 227 УК РФ, имеют больше различий, чем сходства с признаками пиратства, описанными в ст. 15 Конвенции об открытом море и ст. 101 Конвенции по морскому праву. Суть этих различий будет рассмотрена ниже, здесь же мы хотим отметить следующее. Анализ развития международного права и отечественного законодательства показывает, что формирование норм об ответственности за пиратство на международном и национальном уровне происходило разными темпами и в разных направлениях. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что пиратство никогда не было для российского государства тем злом, на борьбу с которым требовались особые усилия. Общественная опасность пиратства безусловна была очевидна российскому законодателю, но для борьбы с ним, как уже

указывалось выше, он прибегал к традиционному и более понятному термину «разбой», уточняя лишь место его совершения – «открытое море». Следовательно, сам термин «пиратство» является чуждым российскому уголовному праву и появление его в отечественном уголовном законе есть результат сближения двух систем права – международного и национального. Неудивительно, что норма, закрепленная в ст.227 УК РФ, до сих пор вызывает много вопросов, на которые законодатель ответить не может; более того, при практически тотальном изменении действующего уголовного законодательства данная норма подвергалась изменениям лишь в части санкций и в связи исчезновением признака неоднократности из УК РФ. Другими словами, современное состояние российского уголовного законодательства в части ответственности за пиратство можно охарактеризовать как статичное, чего нельзя сказать о международном праве.

В последней четверти XX столетия мировое сообщество столкнулось с новой глобальной угрозой – международным терроризмом, борьба с которым потребовала принятия ряда международно-правовых актов, в том числе Конвенции ООН о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства и Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (г. Рим, 10 марта 1988 г.)¹. В преамбулах данных международных актов подчеркивается, что разработаны они в целях противодействия актам терроризма, совершаемым на море, однако, по мнению ряда специалистов, в сфере действия Конвенции и Протокола находится и пиратство². Эту позицию поддержал и Совет

¹ Конвенция и Протокол вступили в силу 01.03.1992 г. СССР подписал Конвенцию 02.03.1989 г. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию и Протокол 1988 г. с оговоркой (Федеральный закон от 06.03.2001 г. №22 ФЗ). Названная оговорка обусловлена тем, что ст. 60 Конституции Российской Федерации предусматривает запрет выдачи граждан РФ другим государствам. Конвенция вступила в силу для России 02.08.2001г. // Собрание законодательства РФ. 2001. №48. Ст. 4469.

² См.: *Моджорян Л. А.* Терроризм на море. С. 37; *Марков С. Н.* Терроризм на море – угроза национальной безопасности России // *Обозреватель.* 2011. № 4. С. 38-39.

Безопасности ООН в своих резолюциях по ситуации в Сомали¹. Объяснить такой подход можно следующим.

Во-первых, ни в Конвенции, ни в Протоколе не указаны цели совершения преступных актов, из чего следует, что они применимы и к актам, совершенным в корыстных целях. Так, ответственности, согласно ст. 3 Конвенции ООН о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, подлежит любое лицо, «если оно незаконно и преднамеренно:

a) захватывает судно или осуществляет контроль над ним силой или угрозой силы или путем любой другой формы запугивания; или

b) совершает акт насилия против лица на борту судна, если этот акт может угрожать безопасному плаванию данного судна; или

c) разрушает судно или наносит судну или его грузу повреждение, которое может угрожать безопасному плаванию данного судна; или

d) помещает или совершает действия в целях помещения на борт судна каким бы то ни было способом устройство или вещество, которое может разрушить это судно, нанести этому судну или его грузу повреждение, которое угрожает или может угрожать безопасному плаванию данного судна; или

e) разрушает морское навигационное оборудование или наносит ему серьезное повреждение, или создает серьезные помехи его эксплуатации, если любой такой акт может угрожать безопасному плаванию судна; или

f) сообщает заведомо ложные сведения, создавая тем самым угрозу безопасному плаванию судна; или

g) наносит ранения любому лицу или убивает его в связи с совершением или попыткой совершения какого-либо из преступлений, указанных в подпунктах «а» - «f»».

¹ См: п. 15 Резолюции 1846 (2008), принятой Советом Безопасности на его 6026-м заседании 02 декабря 2008 года; преамбула Резолюции 1851 (2008), принятой Советом Безопасности на его 6046-м заседании 16 декабря 2008 года; преамбула Резолюции 1897 (2009), принятой Советом Безопасности на его 6226-м заседании 30 ноября 2009 года

Во-вторых, сам характер современных пиратских нападений наталкивает на мысль о сближении пиратства и терроризма: с одной стороны, пиратство приобретает террористическую направленность, с другой – террористические организации используют пиратство как инструмент своей преступной деятельности. В результате на практике, как отмечают специалисты, границы между пиратством и терроризмом оказываются настолько размытыми, что разобраться, где одно явление, а где другое, становится все сложнее¹. На наш взгляд, смешению двух понятий способствует отсутствие четкого определения пиратства как самостоятельного преступления, поэтому в конце XX столетия в международном праве вновь наметилась тенденция «пристегивания» пиратства к тому преступлению, борьба с которым приобретает наиболее актуальный характер (вспомним начало XX века, когда пиратство пытались приравнять к работорговле). Следует вместе с тем отметить, что эта тенденция имеет свои положительные последствия: возможности государств в борьбе с морским терроризмом и одновременно пиратством были значительно расширены. Согласно ст. 6 Конвенции, государства – участники конвенции устанавливают свою юрисдикцию в отношении преступлений, указанных в Конвенции, когда преступление совершено:

«а) против или на борту судна, плавающего под флагом данного государства во время совершения этого преступления; или

б) на территории данного государства, включая его территориальное море; или

с) гражданином данного государства».

Установление данного положения вполне естественно, так как соответствует идее государственного суверенитета, принципам территориальности и гражданства, определяющим пределы действия национального законодательства. Однако в Конвенции предусмотрена

¹ См.: Чатурведи А. Пиратство и терроризма – две стороны одной медали [Электронный ресурс]. URL: <http://www.flot.com/nowadays/tasks/piracy/twofaces> (дата обращения: 20.09.2010).

возможность установления универсальной юрисдикции, когда государство получает право применить национальное законодательство независимо от места совершения преступления и гражданства лица, его совершившего. Так, государствам предоставлено право установить свою юрисдикцию в отношении предусмотренных преступлений в тех случаях, когда:

«а) оно совершено лицом без гражданства, которое обычно проживает в данном государстве; или

б) во время его совершения гражданин данного государства захвачен, подвергался угрозам, ранен или убит; или

с) оно совершено в попытке вынудить данное государство совершить какое-либо действие или воздержаться от него».

Тенденция на расширение юрисдикции государств в сфере противодействия международным преступлениям в начале XXI века усилилась; особенно ярко это проявилось в вопросах международного сотрудничества в борьбе с пиратством. Считается, что активизация пиратских нападений произошла в 2008 г., когда было зафиксировано 293 случая совершения этого преступления. Однако по данным Международного морского бюро уже в 2002 г. количество пиратских нападений составило 370 случаев, всплеск их произошел в 2009 г. – 406¹; а с января по сентябрь 2012 года было зафиксировано более 290 актов пиратских нападений². Основным местом преступной деятельности пиратов стал район Аденского залива близ территории Сомали. Именно нападения сомалийских пиратов наглядно показали, что государства в XXI столетии оказались не готовы противостоять этому злу, а международная правовая база недостаточна для проведения эффективной борьбы с пиратством и имеет ряд пробелов.

¹ См.: Хорьяков С. Н., Климов А. С. К вопросу о привлечении к уголовной ответственности за пиратство по международному и национальному уголовному законодательству [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс : Юридическая пресса».

² См.: Борьба с пиратством требует многоаспектного подхода [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID...> (дата обращения: 20.11.2012).

Поскольку ситуация в районе Сомали носила столь острый характер, что требовала принятия срочных решений, государства использовали полномочия Совета Безопасности ООН для принятия мер по противодействию пиратству. По нашим подсчетам в период с 2008 г. по 2012 г. Советом Безопасности ООН было принято 11 резолюций по проблеме борьбы с пиратством у берегов Сомали, содержание которых позволяет говорить о качественно новом этапе развития международного права в сфере противодействия пиратству. Основная особенность резолюций – постепенное расширение полномочий государств в борьбе с пиратством и установлении уголовной юрисдикции в отношении пиратов; при этом наблюдалось весьма серьезное отступление от принципов суверенитета и территориальной целостности государства, но происходило это с согласия руководства Сомали (президента и переходного федерального правительства). На основе анализа резолюций можно в обобщенном виде перечислить те основные меры, которые были выработаны и предприняты государствами для борьбы с пиратами, действующими у берегов Сомали. Итак, в соответствии с решениями Совета Безопасности ООН государства в целях пресечения актов пиратства и вооруженного разбоя на море:

а) могут входить в территориальные воды Сомали (резолюция 1816 (2008) от 02 июня 2008 г.);

б) могут использовать в территориальных водах Сомали все необходимые средства (резолюция 1816 (2008) от 02 июня 2008 г.);

в) могут заключать специальные соглашения или договоренности со странами, готовыми содержать пиратов под стражей, с тем чтобы принимать на борт сотрудников правоохранительных органов из этих стран с целью содействия проведения расследований и судебного преследования (резолюция 1851 (2008) от 16 декабря 2008 г.);

г) могут направлять военные корабли, вооружения и военную авиацию, конфисковывать катера, суда, оружие и другие подобные средства, которые использовались или могут использоваться для совершения актов пиратства и

вооруженного разбоя на море у берегов Сомали, и распоряжаться ими надлежащим образом (резолюция 2020 (2011) от 22 ноября 2011 г.);

д) должны принимать активное участие в борьбе с пиратством против судов в открытом море у побережья Сомали, в частности путем развертывания военных кораблей и военной авиации (резолюция 1838 (2008) от 07 октября 2008 г.);

е) должны сотрудничать в установлении юрисдикции, в проведении расследований и в судебном преследовании лиц, ответственных за акты пиратства и вооруженного разбоя у побережья Сомали (резолюция 1846 (2008) от 02 декабря 2008 г.);

ж) должны выполнять свои обязательства в части создания судебного потенциала, позволяющего успешно осуществлять судебное преследование лиц, подозреваемых в совершении актов пиратства и вооруженного разбоя у побережья Сомали (резолюция 1846 (2008) от 02 декабря 2008 г.);

з) должны предусмотреть в своем внутреннем законодательстве уголовную ответственность за пиратство и рассмотреть возможность судебного преследования задержанных у берегов Сомали лиц, подозреваемых в пиратстве, а в случае осуждения – их заключения в тюрьму (резолюция 1918 (2010) от 27 апреля 2010 г.);

и) должны обеспечить судебное преследование тех, кто незаконно финансирует, планирует и организует пиратские нападения у берегов Сомали или извлекает из них незаконные доходы (резолюция 1976 (2011) от 11 апреля 2011 г.);

к) должны проанализировать внутренние процедуры обеспечения сохранности доказательств, которые могут использоваться в уголовных разбирательствах, чтобы гарантировать допустимость таких доказательств (резолюция 1976 (2011) от 11 апреля 2011 г.);

л) должны принять надлежащие меры в рамках внутригосударственного законодательства для пресечения незаконного

финансирования актов пиратства и отмывания полученных в их результате доходов (резолюция 1950 (2010) от 23 ноября 2010 г.);

м) должны активизировать усилия по расследованию и судебному преследованию «ключевых фигур, причастных к пиратству преступных сообществ, которые незаконно планируют, организуют, поддерживают или финансируют такие нападения и извлекают из них доходы» (резолюция 2077 (2012) от 21 ноября 2012 г.).

Как видим, в течение нескольких лет государства смогли выработать целый комплекс достаточно жестких по своей сути мер, которые, безусловно, дали определенный результат – количество пиратских нападений в районе Аденского залива постепенно стало уменьшаться. Это обстоятельство было отмечено в докладе Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна о ситуации с пиратством и вооруженным разбоем на море у берегов Сомали, который он представил 22 октября 2012 г. Совету Безопасности¹. Хотя говорить о полном прекращении пиратской деятельности в этом регионе, конечно, нельзя. Более того, в настоящее время местом активизации пиратов становятся другие регионы, где положения резолюций Совета Безопасности уже не действуют. Так, например, серьезную проблему для судоходных компаний, работающих в Европе, представляют «дунайские» пираты, которые действуют в речном пространстве Сербии и Румынии². Кроме того, регионы, исторически освоенные пиратами (Южно-Китайское море, Малаккский залив, Карибское море, Амазонка), также остаются весьма опасными для морского судоходства. Поэтому вновь приходится констатировать, что последствия принятых международных актов носят временный и локальный характер, поскольку мировое сообщество остановилось на полумерах, противодействуя пиратству как явлению не глобального, а регионального свойства.

¹ См.: Доклад Генерального секретаря, представленный во исполнение резолюции 2020 (2011) Совета Безопасности [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/549/87/PDF/N1254987.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.03.2011)

² См.: Сомалийские пираты: меньше, да лучше? [Электронный ресурс] // Радио ООН / Отдел новостей и СМИ. URL: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/104565> (дата обращения: 24.01.2012)

Не останавливаясь на более подробном анализе резолюций с точки зрения их международно-правового значения, обратим внимание на еще одну особенность, имеющую значение для нашего исследования. Ни в одной из резолюций не предпринята попытка определить понятие пиратства, что вполне естественно, поскольку цель принятия резолюций была иной, однако в них в отличие от других международно-правовых актов используется два понятия: «пиратство» и «вооруженный разбой на море». Каковы критерии отграничения этих явлений в резолюциях не указывается, попытки выявить их будут предприняты нами чуть позже, но сам подход позволяет сделать вывод о том, что вопрос о понятии и сущности пиратства и в настоящее время остается дискуссионным.

Принятые в последующем международные акты не имели своей целью внести ясность в дефиницию пиратства, но были направлены на координацию международного сотрудничества государств в части организационных мероприятий по предупреждению пиратских нападений. Одним из таких документов является принятый на дипломатической конференции (г. Лондон, 9-13 декабря 2002 г.) Международный кодекс по охране судов и портовых средств (Кодекс ОСПС), который вступил в силу с 01 июля 2004 г. Кодекс принят как дополнение к Конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 г.¹ в виде дополнительной главы XI-2 «Специальные меры по усилению охраны на море». Одной из целей Кодекса названо выявление угрозы и принятие мер, предупреждающих происшествия, связанные с нарушением охраны судов или портовых средств, используемых в международной торговле (п/п. 1 п. 1.2.). Таким образом, Кодекс ОСПС не имеет своей основной задачей борьбу с пиратством, поэтому и само слово «пиратство» в нем отсутствует, но, безусловно, к «происшествиям, связанным с нарушением охраны судов или портовых средств», в том числе, относятся и пиратские атаки.

¹ Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС/SOLAS) (заключена в г. Лондоне 01.11.1974 г.) (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Особенностью Кодекса ОСПС является то, что он одновременно рассматривает охрану судов и портовых средств. Это вполне естественно, так как зачастую судам и портовым средствам угрожает одна и та же угроза. Большинство противоправных актов против судов планируется, а иногда и осуществляется на берегу или вблизи побережья.

После принятия поправок к Конвенции СОЛАС-74 и Кодекса ОСПС в России сразу началась работа по выполнению требований этих международных документов. В связи с этим был принят ряд нормативных актов, регламентирующих вопросы обеспечения безопасности морского судоходства, в частности, Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года¹, Федеральный закон «О транспортной безопасности» от 09.02.2007 г. № 16-ФЗ², Федеральный закон «О морских портах в РФ и о внесении в отдельные законодательные акты РФ» от 08.11.2007 г. № 261-ФЗ³, Положение о федеральной системе защиты морского судоходства от незаконных актов, направленных против безопасности мореплавания⁴, Положение о федеральном агентстве морского и речного транспорта⁵. Слово «пиратство» упоминается лишь в одном из них – Морской доктрине РФ, в других нормативных актах используется более широкие по содержанию понятия: «незаконные акты, направленные против безопасности мореплавания», «акт незаконного вмешательства», которые, если исходить из их легального определения, включают в себя, в том числе, и пиратство.

¹ Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденная Президентом РФ 27.07.2001 г. (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс: ВерсияПроф».

² О транспортной безопасности : [федер. закон от 09 февраля 2007 г. № 16-ФЗ : по состоянию на 03 февраля 2014 г.] // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 837; 2014. № 6. Ст. 566.

³ О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : [федер. закон от 08 ноября 2007 г. № 261-ФЗ : по состоянию на 23 июля 2013 г.] // Собрание законодательства РФ. 2007. № 46. Ст. 5557; 2013. № 30 (часть I). Ст. 4058.

⁴ Положение о федеральной системе защиты морского судоходства от незаконных актов, направленных против безопасности мореплавания : [постановление Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2000 г. № 3] (утратило силу) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 16. Ст. 1714.

⁵ Положение о федеральном агентстве морского и речного транспорта : [постановление Правительства Российской Федерации от 23 июля 2004 г. № 371 : по состоянию на 02 ноября 2013 г. № 988] // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3261.

Так, согласно п. 3 Положения о федеральной системе защиты морского судоходства от незаконных актов, направленных против безопасности мореплавания, «незаконные акты, направленные против безопасности мореплавания – общественно опасные деяния, запрещенные законодательством РФ и международными договорами, посягающие на безопасность морского судоходства». Несмотря на то, что данный нормативный акт утратил свою юридическую силу, понятие «незаконные акты, направленные против безопасности мореплавания» и сегодня используется в Положении о федеральном агентстве морского и речного транспорта (п. 5.3.2.), где, однако, его содержание не раскрывается. Данное определение, на наш взгляд, имело существенный недостаток. Норма носила бланкетный характер, т.е. отсылала к международным договорам и другим нормативным актам, прежде всего, УК РФ. Вместе с тем, в УК РФ нет ни самостоятельной статьи, ни отдельной главы, где описывались бы признаки общественно опасных деяний, посягающих на безопасность морского мореплавания. Следовательно, речь шла о группе преступлений, запрещенных различными статьями Особенной части УК РФ, основным или дополнительным объектом которых выступала безопасность морского мореплавания. К таковым, конечно, можно отнести и пиратство, и террористический акт, и захват заложников и т.д. Другими словами, данное понятие никак не согласовывалось и не согласуется с действующим уголовным законодательством РФ. Однако введение его в российское законодательство не случайно: оценивая сложившуюся ситуацию в области обеспечения безопасности морского судоходства, необходимо признать, что вред данному объекту правовой охраны может быть причинен целым рядом деяний, объединяемых общим понятием – «незаконные акты, направленные против безопасности мореплавания». Пиратство является лишь одним из преступлений, входящих в эту группу, отличающееся от других по своим объективным и субъективным признакам. Отказ от использования данного понятия, на наш взгляд, является ошибочным. Напротив, законодателю

следовало бы использовать его для совершенствования уголовного законодательства.

Второе понятие, которое встречается в национальном законодательстве, - «акт незаконного вмешательства» имеет еще более широкое содержание, поскольку под ним понимается «противоправное действие (бездействие), в том числе террористический акт, угрожающее безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекшее за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, материальный ущерб либо создавшее угрозу наступления таких последствий» (ст. 1 ФЗ «О транспортной безопасности»). Данная законодательная дефиниция предполагает отнесение пиратства к числу актов незаконного вмешательства, но, на наш взгляд, она практически полностью стирает границы между пиратством и терроризмом как явлениями социальной действительности. Ни этимология слова «пиратство», ни история развития пиратства, ни социальная суть пиратства не позволяют говорить о том, что вполне конкретное по содержанию «пиратство» и очень размытый «акт незаконного вмешательства» однопорядковые понятия.

Таким образом, современное международное право и национальное законодательство, регламентирующие вопросы ответственности за пиратство, характеризуются отсутствием четких критериев самого определения пиратства как преступлений. Выработать такие критерии возможно лишь на основе сопоставительного анализа соответствующих международно-правовых актов и норм внутригосударственного права, что и будет сделано в следующем параграфе.

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим следующее:

1. Поскольку отношение государств к пиратству как общественно опасному поведению сформировалось не сразу, то и необходимость в создании и закреплении запрета на его совершение появилась после того, как пиратство стало препятствовать безопасному морскому судоходству и морской торговле. Другими словами, общественная опасность пиратства

оценивалась государствами изначально с позиций обеспечения безопасности морского судоходства и экономических интересов общества.

2. Нормы об ответственности за пиратство формировались на двух уровнях: национальном и международном, но первоначально такие нормы стали появляться во внутригосударственном праве. В процессе формирования и развития антипиратского законодательства можно условно выделить несколько этапов. На первом этапе государства посредством принятия собственных законов устанавливают ответственность за пиратство без конкретизации его признаков. Второй этап характеризуется началом международного сотрудничества в борьбе с пиратством, которое выражалось в заключении международных договоров. Однако в связи с разными геополитическими интересами государствам не удается действовать в этом вопросе согласованно, поэтому и национальное законодательство в части установления ответственности за пиратство существенно различается. На третьем этапе государства предпринимают попытки кодифицировать нормы о запрете пиратства и ответственности лиц, его совершивших. Серьезным препятствием этому процессу стало отсутствие единообразного подхода к определению пиратства. И, наконец, на четвертом этапе происходит кодификация международно-правовых норм об ответственности за пиратство. Принятие международных договоров активизировало процесс формирования национальных норм об уголовной ответственности за пиратство.

3. Для российского государства борьба с пиратством никогда не была первоочередной задачей, поэтому в российском уголовном законодательстве нормы об ответственности за пиратство появились только в XIX столетии, однако сам термин «пиратство» в них не использовался. Для обозначения деяния, называемого сегодня пиратство, законодатель того времени прибегал к традиционному и более понятному термину – «разбой», указывая при этом на место его совершения – «открытое море», «пристань», «озеро», «реки», «каналы». Пиратство, по сути, чуждое российскому уголовному праву

понятие, появилось в УК РФ 1996 г. лишь в результате имплементации международно-правовых норм в национальное право.

4. Основная проблема, осложнявшая процесс развития международного права и национального законодательства об ответственности за пиратство, заключалась в формулировании дефиниции пиратства как преступления. Все попытки государств выработать единый подход к определению пиратства оказались безуспешными. Несмотря на принятие международных актов, где описаны признаки действий, охватываемых общим понятием пиратства, разногласия по этому вопросу сохранились. В результате понятие пиратства в международном праве и российском уголовном законодательстве имеют больше различий, чем общих признаков, что значительно затрудняет реализацию уголовной ответственности за совершение данного преступления.

5. В настоящее время понятие пиратства остается дискуссионным; это говорит о том, что процесс развития антипиратского законодательства продолжается. Современный его этап характеризуется терминологическим разнообразием; в международных актах и российском праве используется сразу несколько терминов: «пиратство», «вооруженный разбой на море», «незаконные акты против безопасности мореплавания», «акты незаконного вмешательства».

3. Пиратство в современном международном и российском уголовном праве: сравнительный анализ

На развитие современного мирового сообщества существенное влияние оказывает процесс глобализации, охвативший не только экономику, но и иные области общественной жизни, в том числе сферу правового регулирования. Государства, решая задачи интеграции и унификации правовых норм, все более сближают национальные правовые системы с международно-правовой, при этом сталкиваются с проблемой их

соотношения. В теории международного права обсуждение данной проблемы привело к формированию двух концепций: дуалистической, признающей наличие двух самостоятельных правовых систем, неподчиненных друг другу, и монистической, исходящей из единства двух правовых систем, одна из которых должна иметь примат над другой¹. В настоящее время ни одна из этих концепций не стала общепризнанной; соотношение международного и внутригосударственного права определяется как взаимодействие, взаимосогласование, взаимодополнение двух систем². Вместе с тем, ряд авторов утверждают, что в современном международном праве устоялась концепция примата норм международного права над нормами внутригосударственного права³. Отчасти с данной позицией следует согласиться, поскольку она подтверждается положениями Конституции РФ. Так, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Более того, в нашей стране (как и в ряде других государств) действует правило о преимущественном применении международных договоров Российской Федерации в случаях, когда они устанавливают иные правила, чем предусмотрены внутригосударственными законами (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

Таким образом, проникновение международно-правовых норм во внутригосударственное законодательство сегодня происходит на конституционной основе и затрагивает практически все отрасли права, но, пожалуй, наиболее сложно этот процесс протекает в области международного противодействия преступности. Международное сотрудничество в сфере борьбы с преступлениями международного

¹ См.: Международное право : учебник / отв. ред. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчиков. М. : Междунар. отношения, 2000. С. 10; Международное публичное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. К. А. Бекайшева, М. : ТК Велби, Проспект, 2003. С. 81-82.

² См.: Международное право : учебник / отв. ред. Е. Т. Усенко, Г. Г. Шинкарецкая. М. : Юристъ, 2003. С. 25-26.

³ См.: *Каламкарян Р. А., Мигачев Ю. И.* Международное право : учебник. М. : Эксмо, 2004. С. 192.

характера одно из интенсивно развивающихся направлений межгосударственного взаимодействия. В его рамках страны пытаются выработать общие подходы к установлению преступности и наказуемости ряда деяний, представляющих общественную опасность интересам не одной страны, а группе стран либо мировому правопорядку в целом. В результате формируется двухуровневая система правового противодействия преступности, которая включает в себя систему мер, разрабатываемых и применяемых государствами (национальный уровень) и международным сообществом (международный уровень). Очевидно, что эффективность данной системы зависит от согласованности ее уровней.

Борьба с пиратством в настоящее время также осуществляется на указанных двух уровнях, однако несогласованность международно-правовых и внутригосударственных норм в части определения существенных признаков состава пиратства, а также в других вопросах уголовно-правового и уголовно-процессуального характера, резко снижают ее эффективность. Для решения данной проблемы необходимо проведение сравнительного анализа, который позволит выявить основные противоречия в регулировании вопросов уголовной ответственности за пиратство в международном и российском уголовном праве и определить способы их устранения.

Имея многовековой опыт борьбы с пиратством, в XXI веке мировое сообщество оказалось не способным противодействовать ему в рамках существующего правового механизма. Прежде всего, необходимо признать высокий уровень латентности пиратства, совершаемого в открытом море или в значительном удалении от прибрежных вод, которая связана с трудностями по выявлению и регистрации актов пиратских нападений. В настоящее время единственным учреждением, получающим известия о пиратских атаках круглосуточно со всего мира, является Центр регистрации пиратских атак Международного морского бюро. Однако, данные, представляемые Центром для официального обсуждения, также вызывают сомнения у специалистов. По общему признанию, официальная статистика не отражает реальное

состояние проблемы, поскольку далеко не обо всех случаях пиратских нападений сообщается в Центр. Владельцы судов не стремятся информировать о нападениях пиратов, прежде всего, в связи с нежеланием нести материальные убытки: потери, связанные с задержкой выхода судна в море на период расследования, могут достигать 25 000 долларов США в сутки¹. Кроме того, владельцы судов с охраной на борту не желают предавать огласке факт пиратского нападения из страха быть обвиненными в превышении пределов обороны². Таким образом, данные официальной статистики не отражают реальные масштабы проблемы, которую государства правовыми средствами решить пока не в состоянии.

Низкую эффективность механизма противодействия пиратству подтверждают и данные мировой статистики, согласно которым только один из десяти задержанных пиратов подвергается уголовному преследованию и осуждению³. Так, например, в 2011 г. в США состоялся судебный процесс по обвинению в пиратстве, в результате которого сомалийский пират был приговорен к двадцати пяти годам лишения свободы⁴ (в США этот процесс стал первым за почти 200 лет, т.к. последний раз приговор по таким обвинениям был вынесен в Нью-Йорке во время войны Севера и Юга). В июне 2010г. в Нидерландах окружной суд Роттердама приговорил пятерых сомалийских пиратов к тюремному заключению сроком на 5 лет за попытку захвата в 2009 г. голландского торгового судна в Аденском заливе. Голландские моряки отбили атаку пиратов, которые, оказавшись за бортом, были подобраны командой датского военно-морского судна, потопившего их катер. В феврале того же года Дания экстрагировала их в Нидерланды⁵. Немногочисленная практика привлечения к уголовной ответственности за

¹ См.: *Куришев М.* Международные проблемы борьбы с морским пиратством // Уголовное право. 2001. №4. С. 105-107.

² См.: *Войтенко М.* Сомалийское пиратство на спаде. Благодаря кому? [Электронный ресурс] / Сомалийское пиратство 2012. URL: <http://www.odin.tc/articles/piracy2012ru.htm> (дата обращения: 11.02.2013).

³ См.: *Русинова В. Н.* Трибунал для сомалийских пиратов? Проблемы и перспективы уголовного преследования пиратства и вооруженного разбоя на море // Международное правосудие. 2011. № 1. С. 111.

⁴ См.: *Русинова В. Н.* Трибунал для сомалийских пиратов? Проблемы и перспективы уголовного преследования пиратства и вооруженного разбоя на море. С. 113.

⁵ См.: Суд приговорил сомалийских пиратов к 5 годам тюрьмы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.2010/06/17/sud-anons.html>. (дата обращения 28.03.2011).

пиратство имеется и в Российской Федерации. В марте 2011 г. Архангельским областным судом по ч. 3 ст. 227 УК РФ были осуждены шестеро членов организованной группы, совершивших нападение на судно, находившееся в Балтийском море вне территориальных вод какого-либо государства¹.

Однако, это немногие случаи, которые не решают проблему в целом. Более того, перед судом предстают в основном исполнители, в то время как организаторы, стоящие за этой преступной деятельностью, остаются вне досягаемости закона. При этом в большинстве случаев успешного отражения пиратского нападения и задержания пиратов последние отпускаются без каких-либо юридических последствий. Ярким примером является захват 05 мая 2010 г. сомалийскими пиратами нефтетанкера «Московский университет», который произошел в Аравийском море в 350 морских милях к востоку от острова Сокотра. На следующее утро большой противолодочный корабль «Маршал Шапошников» Тихоокеанского флота осуществил успешную силовую операцию по освобождению нефтетанкера и его экипажа, в составе которого было 23 гражданина России. В ходе операции один пират был убит, 10 задержаны, однако, впоследствии отпущены командиром корабля «Маршал Шапошников», который приказал посадить пиратов в лодку с запасом питьевой воды, провизией и спасательным маячком. В Управлении пресс-службы и информации Министерства обороны РФ по данному поводу сообщили, что решение отпустить пиратов было принято в связи с отсутствием международно-правовой базы, которая предусматривала бы меры по наказанию лиц, причастных к пиратской деятельности, а также в связи с невозможностью установления их гражданства².

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 22.06.2011 г. № 1-О11-20 «Действия лиц, совершивших нападение на морское судно в целях завладения чужим имуществом. квалифицированы по ст. 227 УК РФ (пиратство)» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Решения высших судов».

² См.: Названа причина освобождения сомалийских пиратов, захвативших «Московский университет». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/05/07/prichina-anons.html> (дата обращения 17.05.2011).

Описанная ситуация (далеко не единичная) служит ярким доказательством неэффективности механизма привлечения к уголовной ответственности за это преступление. Одна из причин сложившейся ситуации – рассогласованность норм международного права и национального законодательства, касающаяся, прежде всего, понятия пиратства.

Как уже отмечалось, до середины XX века понятие пиратства в международном праве отсутствовало, и лишь с принятием в 1958 г. Женевской Конвенции об открытом море пиратство получило легальное определение как преступление международного характера. Спустя почти четверть века аналогичная формулировка пиратских действий была закреплена в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (ст. 101). Итак, согласно ст. 15 Конвенции 1958 г. и ст. 101 Конвенции 1982 г., пиратство – это любой неправомерный акт насилия, задержания или грабежа, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный:

- в открытом море против какого-либо другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на борту, либо
- против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства.

Здесь следует отметить, что имплементация международно-правовых норм в отечественное уголовное законодательство может происходить двумя способами. Во-первых, путем инкорпорации, что предполагает текстуальное воспроизведение нормы в УК РФ без ее изменения. Во-вторых, путем трансформации, когда в международно-правовую норму вносятся изменения и в таком виде она включается в российский уголовный закон, но при этом суть нормы сохраняется. Поскольку международно-правовая дефиниция пиратства изначально вызывала возражения со стороны советских специалистов еще при обсуждении Женевской Конвенции 1958 г., то

неудивительно, что имплементация нормы об ответственности за пиратство в российское уголовное законодательство произошла путем ее трансформации. Согласно ч. 1 ст. 227 УК РФ, под пиратством понимается «нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения». Даже поверхностное сравнение данных определений позволяет выявить их несовпадение по целому ряду признаков. Не случайно А.Л. Колодкин подчеркнул, что «положение о пиратстве в Кодексе, в целом соответствующее Конвенции, все же изложено не совсем точно...»¹. На наш взгляд, подход российского законодателя к определению пиратства имеет мало общего с международно-правовой позицией, закрепленной в ст. 15 Конвенции 1958 г. и ст. 101 Конвенции 1982 г. Хотя при сопоставительном анализе рассматриваемых норм и можно выделить четыре общих для них признака: «насилие», «судно», «имущество» и «в целях», надо отметить, что в контексте определения пиратства на национальном и международном уровне они использованы по-разному.

«Насилие» в составе пиратства, согласно ч. 1 ст. 227 УК РФ, является конструктивным признаком, отражающим суть пиратства, включение которого естественно, поскольку пиратство в российском уголовном законе определяется как нападение. Нападение подразумевает применение насилия либо угрозу его применения, без чего осуществление нападения невозможно. Такое толкование характерно и для российской судебной практики, где под нападением понимаются «действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения»². В составе пиратства как преступления международного характера насилие выступает лишь одним из альтернативных действий наряду с захватом и грабежом.

¹ Международное право / под ред. В. И. Кузнецова, Б. Р. Тузмухамедова. М. : Норма, 2007. С. 594.

² П. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 2-3.

Такая конструкция, на наш взгляд, заслуживает критической оценки, поскольку захват по своей сути есть насильственное преступление; указание же на грабеж как проявление пиратства бессмысленно, т.к. совершить открытое хищение в обстановке, характерной для пиратства, без применения насилия (физического или психического) объективно невозможно.

Обязательным признаком состава пиратства и в международном, и в национальном праве является предмет преступления, в качестве которого выступает «судно» и «имущество». И если в отношении «имущества» разногласий между рассматриваемыми нормами не наблюдается, хотя российский законодатель здесь оказался точнее, указав на признак «чужое имущество», то использование термина «судно» вызывает серьезные вопросы как к международному правотворчеству, так и к российскому законодателю. На международном уровне понятие судна раскрывается в Конвенции ООН о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г. Согласно ст. 1 названного международного договора, под судном понимается «любое судно, не закрепленное постоянно на морском дне, включая суда с динамическим принципом поддержания, подводные аппараты или любые другие плавучие средства». Данное определение ограничивается лишь случаями, перечисленными в ст. 2 Конвенции, согласно которой Конвенция не применяется к военному кораблю; судну, которое используется в качестве военно-вспомогательного либо для таможенных или полицейских целей; судну, выведенному из эксплуатации или поставленному на прикол. Таким образом, в международном праве понятие судна имеет весьма широкое содержание и включает в себя любое плавучее средство независимо от его типа, технических характеристик и возможностей.

Российский законодатель к описанию данного признака состава пиратства подошел иначе, указав в диспозиции ч. 1 ст. 227 УК РФ на то, что предметом пиратства может быть морское или речное судно, понятие и характеристики которых, вполне естественно, в уголовном законе не

содержатся. Такой подход вызывает многочисленные споры в теории уголовного права и трудности в толковании, а следовательно, и в применении уголовно-правовой нормы. Во-первых, определение судна содержится сразу в двух нормативных актах Российской Федерации: Кодексе торгового мореплавания РФ 1999 г. и Кодексе внутреннего водного транспорта РФ 2001 г. Согласно ст. 7 Кодекса торгового мореплавания РФ, под судном понимается самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях торгового мореплавания. Несколько иное определение содержится в ст. 3 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ: «судно - самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях судоходства, в том числе судно смешанного (река-море) плавания, паром, дноуглубительный и дноочистительный снаряды, плавучий кран и другие технические сооружения подобного рода». Даже более детальное описание термина «судно», данное в Кодексе внутреннего водного транспорта РФ, оказывается «уже» по сравнению с его международно-правовым определением («...любые другие плавучие средства»).

Рассогласованность норм международного и национального права при описании предмета пиратства проявляется еще и в том, что российский законодатель посчитал необходимым указать в ст. 227 УК РФ на тип судна – «морское или речное». Легального определения ни морского, ни речного судна в российском законодательстве не существует. В ст. 3 Кодекса торгового мореплавания РФ наряду с морскими судами содержится указание на суда внутреннего плавания и суда смешанного (река-море) плавания. В Кодексе внутреннего водного транспорта РФ также отсутствует термин «речное судно» (впрочем, как и «морское судно»), зато содержатся понятия «внутреннего водного транспорта», «самоходного транспортного судна», «судна смешанного (река-море) плавания», «маломерного судна», «прогулочного судна», «спортивного парусного судна». Интересно, что и в УК РФ «речное судно» упоминается лишь однажды (ст. 227 УК РФ), в других же нормах законодатель использовал понятия, согласующиеся с

иными нормативными актами – «внутренний водный транспорт» (ст. 263 УК РФ), «водный транспорт» (ст. 211 УК РФ).

Вышеизложенная позиция российского законодателя представляется весьма уязвимой как в теоретическом, так и правоприменительном аспектах. Использование в уголовном законе терминов, содержание которых не раскрывается в специальных нормативных актах, неизбежно вызывает дискуссии в теории и сложности при квалификации преступных деяний. Единственное, чем можно объяснить включение в ст. 227 УК РФ «морского и речного судна», это попыткой законодателя указать, таким образом, на место совершения преступления – море, река, озеро, канал и т.д. И здесь проявляется основное разногласие национального права с международным, явившееся серьезным препятствием уголовному преследованию пиратов. Согласно ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву пиратскими признаются действия, совершенные в открытом море либо в месте, находящимся вне юрисдикции какого бы то ни было государства. Такой подход в международном праве объясняется необходимостью соблюдения суверенитета государств, но именно она породила ситуацию безнаказанности пиратов, которая проявляется двояким образом.

Во-первых, в случае совершения пиратского нападения в «открытом море либо в месте, находящимся вне юрисдикции какого бы то ни было государства» и задержания их в этой территории, наблюдается нежелание государств осуществлять уголовное преследование пиратов. Причины следующие. Прежде всего, международно-правовые акты, направленные на борьбу с пиратством, предусматривают право, а не обязанность государств устанавливать юрисдикцию в отношении актов пиратства, совершенных иностранным гражданином или лицом без гражданства. Так, в ст. 105 Конвенции ООН по морскому праву установлено, что в открытом море или в любом другом месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства любое государство *может* захватить пиратское судно или судно, захваченное посредством пиратских действий и находящееся во власти

пиратов, арестовать находящихся на них лиц и захватить находящееся на нем имущество. При этом судебные учреждения того государства, которое совершило этот захват, могут выносить постановления о наложении наказаний и определять, какие меры должны быть приняты в отношении таких судов, летательных аппаратов или имущества, не нарушая прав добросовестных третьих лиц.

В соответствии с этим вся ответственность за проведение следственных действий и организацию судебного преследования возлагается на то государство, чей корабль совершил захват пиратов. Захватывают пиратов, как правило, военные корабли, командиры которых сталкиваются с многочисленными трудностями процессуального характера, в частности, сбор и оформление доказательств, содержание задержанных под стражей, установлением личности задержанных, предоставление им переводчиков, адвокатов, последующей транспортировкой подозреваемых и др. Не меньшие затруднения испытывают и лица, проводящие следствие в дальнейшем, например, обеспечение участия в следственных действиях моряков с захваченного пиратами корабля, когда они постоянно находятся в плавании. Кроме того, для любого государства задержание пиратов предполагает и значительные материальные издержки, связанные с содержанием задержанных и осужденных, возвращением их на родину после отбытия наказания и т.д.

С учетом этого многие государства уклоняются от привлечения пиратов к уголовной ответственности на своей территории, даже если это позволяет их законодательство. Задержанных по подозрению в пиратстве лиц, зачастую освобождают на месте. Так, французский корабль *La Fayette* захватил пиратское судно-базу и две быстроходные лодки, нагруженные оружием. Захватил — и отпустил, отобрав оружие и боеприпасы¹. Аналогичным образом поступил командир корабля ВМФ Нидерландов в

¹ См.: Зарубежная практика [Электронный ресурс] // Право[№]. URL: <http://www.pravo.ru/interpravo/praktice/> (дата обращения 12.06.2011).

отношении 13 захваченных сомалийских пиратов. Поскольку ни одно государство не согласилось судить преступников на своей территории, то пираты по решению руководства Евросоюза были освобождены. Сомалийцев вернули на их лодку, снабдив запасом еды и топлива. Однако впоследствии эти пираты были опять задержаны, после того как они совершили попытку захвата другого грузового судна¹.

Во-вторых, специфика действий современных пиратов заключается в том, что почти все нападения совершаются в пределах территориального моря какого-либо государства (наиболее проблемным регионом в этом отношении является территориальное море Сомали). Применение международно-правовых норм в этом случае невозможно в виду отсутствия рассматриваемого признака; реализация национального права зависит от наличия в нем соответствующей нормы и возможностей государства по уголовному преследованию виновных лиц. При отсутствии этих факторов либо одного из них все мировое сообщество оказывается бессильным перед пиратским нашествием. Такую ситуацию (бессилия) мы наблюдали с 2001 г. в районе Аденского залива. Как известно, повлиять на нее государства смогли только посредством универсальной международной организации – ООН, способной в определенных случаях ограничивать суверенитет государства. Так, своей резолюцией S/RES/1816 (2008) от 02 июня 2008 г. Совет Безопасности ООН предоставил государствам право пресекать акты пиратства военно-морскими силами не только в территориальном море Сомали, но и на сухопутной территории и в воздушном пространстве. Это беспрецедентное решение, дающее право применять вооруженные силы в территориальном море и на суше чужого государства, на наш взгляд, является абсолютно оправданным. Однако, совершенно очевидно, что это решение носит временный и региональный характер, что неоднократно подчеркивалось в резолюциях Совета Безопасности; к тому же оно было

¹ См.: Нидерланды отпустили сомалийских пиратов без суда [Электронный ресурс] // Право⁸⁸. URL: <http://pravo.ru/interpravo/news/view/22106/> (дата обращения 04.06.2011).

принято относительно конкретного государства с согласия его правительства. Возможно ли будет использовать этот опыт в отношении другого государства в случае, если возникнет такая необходимость, сказать трудно. Понятно, почему сегодня активно обсуждается вопрос о создании международного трибунала по пиратству либо другого международного судебного органа, который будет осуществлять судебное преследование в отношении лиц, обвиняемых в пиратстве¹.

Проблемы создания международного судебного органа по преследованию лиц, виновных в совершении пиратства, не являются предметом настоящего исследования. Но все же следует отметить, что для создания эффективного механизма борьбы с пиратством необходимо, прежде всего, выработать единообразный подход к определению пиратства. При этом следует учитывать, что если опираться на территориальный признак, являющийся «водоразделом» между международно-правовым подходом и национальным, то выработать и закрепить в международном и внутригосударственном праве тождественные определения пиратства невозможно. Видимо, именно по этой причине международное сообщество ввело в оборот еще одно самостоятельное понятие – «вооруженный разбой на море», который используется в международных актах наравне с термином «пиратство» через соединительный союз «и». В резолюциях Совета Безопасности данное понятие не раскрывается, его определение содержится в резолюции Генеральной Ассамблеи Международной морской организации А.922 (22) от 29 ноября 2001 г. «Кодекс практики расследования преступлений, связанных с пиратством и вооруженным разбоем против судов». С учетом дополнений, внесенных на региональной конференции по проблемам пиратства и морского разбоя в Западном Индийском океане,

¹ См.: *Королев Г. А., Семенов Ю. А.* Установление универсальной юрисдикции над преступлениями, нарушающими нормы *jus cogens* (на примере пиратства) // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 96-105; *Русинова В. Н.* Трибунал для сомалийских пиратов? Проблемы и перспективы уголовного преследования пиратства и вооруженного разбоя на море. С. 111-121; *Князева Н. А.* Проблемы уголовной ответственности и международного правосудия по делам о пиратстве // Российский судья. 2012. № 3. С. 31-33 и др.

Аденском заливе и в Красном море (Танзания, 14-18 апреля 2008 г.), под вооруженным разбоем против судов понимается «любой незаконный акт насилия, задержания или любой грабеж либо угроза такого акта, иного чем акт пиратства, совершенный в личных целях, направленный против судна или против лиц или имущества на борту такого судна и совершенный в пределах внутренних вод, архипелажных вод или территориального моря государства»¹. Итак, в международном праве в настоящее время понятия пиратства и вооруженного разбоя против судов практически идентичны, единственным отличием является место совершения преступления. Если нападение на судно совершено в открытом море, то оно оценивается как пиратство, если в территориальном море какого-либо государства, в его внутренних или архипелажных водах, то такое деяние должно квалифицироваться как вооруженный разбой. Все другие признаки, в том числе цель нападения, которая должна носить личный характер, в приведенных дефинициях совпадают.

Цель является обязательным признаком субъективной стороны состава пиратства и по российскому уголовному законодательству. Однако, в диспозиции ст. 227 УК РФ указана иная цель – завладение чужим имуществом; в результате в теории уголовного права и правоприменительной практике возникает вопрос о разграничении пиратства и разбоя, совершенного на водном объекте. Ввиду отсутствия четкого указания в ст. 227 УК РФ на место совершения пиратства, данный вопрос является дискуссионным. Проблема отграничения пиратства от смежных составов преступления будет рассмотрена в отдельной главе работы, сейчас только подчеркнем, что при ее решении необходимо, на наш взгляд, использовать международно-правовой опыт. Но в данном случае этот опыт можно воспринять лишь частично. Личные цели – понятие чрезвычайно широкое, характеризующее абсолютно любое поведение человека. При

¹ Цит. по: *Каюмова А. Р.* Современное пиратство : некоторые правовые и практические проблемы противодействия // *Российский следователь.* 2010. № 23. С. 27.

буквальном толковании данного понятия к актам пиратства следует отнести любое нападение на судно, в том числе совершенное с политической целью, например, террористический акт или захват заложника. Такому толкованию способствует также указание в международных актах на то, что пиратство может быть совершено как против имущества, так и против лиц, находящихся на судне. Как следствие, в международной практике возникают сложные ситуации, когда один и тот же акт нападения государствами оцениваются по-разному. Наиболее ярким примером служит дело о захвате итальянского теплохода «Акилле Лауро» в 1985 г. членами Палестинского фронта освобождения. Поскольку нападавшими был убит один из пассажиров судна – гражданин США, между США и Италией возник спор об уголовной юрисдикции. Официально представители США квалифицировали совершенный акт нападения как пиратство, власти Италии – как терроризм. Спор был разрешен в пользу юрисдикции Италии, которая осудила четверых нападавших за совершение террористического акта к длительным (от 20 до 30 лет) срокам лишения свободы¹. Проблема отграничения пиратства и терроризма в международном праве активно обсуждается и сегодня², и существовать она будет, полагаем, до тех пор, пока не будут уточнены признаки пиратства, прежде всего, цель его совершения.

Здесь нам представляется три возможных варианта развития международных норм, определяющих пиратство. Вариант первый: «личные цели» как признак пиратства сужаются до корыстных целей; в этом случае пиратство четко отграничивается от терроризма и захвата заложника по целям совершения нападений, а от вооруженного разбоя на море – по месту совершения. Вариант второй: содержание понятия «личные цели» уточняется путем включения формулировки «в том числе политические», что приведет к

¹ См.: «Акилле Лауро» : неудавшийся круиз [Электронный ресурс] // Флот – 21 век. URL: http://www.blackseafleet-21.com/news/17-06-2011_akille-lauro (дата обращения: 22.04.2011).

² См.: Григорян В. Л. Пиратство, разбой и терроризм на море; Моджорян Л. А. Терроризм на море; Куманев Д. С. Проблема пиратства как разновидности терроризма и ее влияние на региональную безопасность в АТР // Ойкумена. 2010. № 2. С. 17-22; Крикунов А. В. Морской терроризм : вызовы и угрозы для национальной безопасности // Морской сборник. 2011. № 2. С. 16-19 и др.

официальному уравниванию на международном уровне пиратства, терроризма и захвата заложника. Вариант третий: определение пиратства остается неизменным, а значит, сохраняет свою актуальность проблема разграничения пиратства, вооруженного разбоя против судов и терроризма.

С точки зрения унификации норм международного права и российского уголовного законодательства первый вариант кажется нам наиболее предпочтительным, поскольку он требует наименьших усилий по изменению действующего Уголовного кодекса в части установления ответственности за пиратство. Вторым вариантом предполагается внесение более существенных изменений уже в ряд статей Особенной части УК РФ, в том числе ст. 205, 206 Кодекса, а также иные нормативные акты РФ, в частности, регламентирующие вопросы противодействия терроризму. Однако наиболее реалистичным нам представляется третий вариант. Во-первых, изменение и дополнение международно-правовых актов – это очень длительный и трудоемкий процесс, требующий значительных усилий со стороны государств и международных организаций. Во-вторых, принятие любого международно-правового акта предполагает согласование волей государств, которое означает совпадение (хотя бы частичное) их интересов в определенной сфере. На сегодняшний день совершенно очевидно, что отсутствие четких дефиниций в области противодействия пиратству соответствует политическим интересам ряда государств, т.к. оставляет место для маневрирования при решении вопроса об установлении уголовной юрисдикции.

В рамках международного сотрудничества в борьбе с преступлениями международного характера государства выработали правило так называемой универсальной юрисдикции, позволяющей им привлекать лиц, совершивших такие преступления, к уголовной ответственности по национальному законодательству независимо от того, на территории какого государства совершено преступление и гражданами какого государства являются виновные лица. В отношении пиратства, равно как и терроризма, и захвата

заложников, универсальная юрисдикция была установлена еще Конвенцией об открытом море 1958 г. Согласно ст. 19 Конвенции любое государство имеет право захватить пиратское судно (пиратский летательный аппарат либо судно, захваченное пиратами и находящееся под их властью), арестовать находящихся на нем людей и захватить находящееся на нем имущество, если судно находится в открытом море или на другой территории вне юрисдикции какого-либо государства. Аналогичное правило закреплено и в ст. 105 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Одновременно в названных международных актах предусмотрена ответственность государств за захват судна без достаточных оснований и обязанность возместить любой ущерб и любые убытки, причиненные захватом (ст. 20 Конвенции 1958 г. и ст. 106 Конвенции 1982 г.).

Несколько иные правила универсальной юрисдикции установлены в отношении международного терроризма. Например, согласно Конвенции ООН о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г. юрисдикцию в отношении лица, совершившего захват, может осуществить не только то государство, интересы которого были непосредственно нарушены в результате преступления, но и государство, на территории которого находится преступник. Последнее обязано привлечь виновного к уголовной ответственности, если оно не выдает его другому государству (ст. 4 Конвенции 1970 г.). Таким образом, в международном праве реализуется принцип *aut dedere aut iudicare* – либо суди либо выдай. Аналогичное положение содержится в большинстве международно-правовых актов, направленных на борьбу с преступлениями международного характера, но ни в Конвенции об открытом море, ни в Конвенции по морскому праву оно не предусмотрено. Поэтому разные государства в зависимости от конкретной политической ситуации и своих собственных интересов могут квалифицировать акт нападения на судно неодинаково, стремясь установить собственную юрисдикцию в отношении лиц, его совершивших.

Сохранение сложившейся ситуации, когда понятие пиратства в международном и национальном праве не идентично по сути, ставит перед правоприменителем задачу выбора нормы либо международного либо национального права. Выше мы уже говорили о проблеме приоритета международного и внутригосударственного права, которая в нашем государстве фактически решена в пользу международного права. Поэтому ряд специалистов (Кузнецова Н.Ф., Панов В.П., Шибков О.Н., Тарханов И.А. и др.) стали признавать источниками российского уголовного права не только уголовный закон, но и общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры. В частности, Н.Ф. Кузнецова подчеркивала, что нормы международного уголовного права участвуют «в квалификации преступлений в качестве: а) бланкетных норм высшей юридической силы, к которым отсылает УК; б) непосредственно действующим временно и в случаях неусиления и неустановления уголовной ответственности, пока не будут имплементированы в УК»¹. Очевидно, что эти рассуждения относились к нормам Общей части УК РФ. Что же касается квалификации содеянного по нормам Особенной части, то надо признать, непосредственное применение положений международного договора в этом процессе затруднительно, а точнее невозможно, т.к. будет противоречить принципам российского уголовного права, прежде всего, принципу законности. На это обращает внимание и Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении № 5 от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». В п. 6 названного постановления разъясняется, что «международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить

¹ Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В. Н. Кудрявцева. М. : Издательский Дом «Городец», 2007. С. 71.

выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом»¹. В абзаце третьем этого же пункта постановления Пленум Верховного Суда указывает на обязанность российских судов применять международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, в тех случаях, когда в УК РФ прямо установлена необходимость применения международного договора РФ.

В ст. 227 УК РФ ссылки на международные договоры отсутствуют, поэтому применять непосредственно международно-правовую дефиницию пиратства российский правоприменитель не может. В случае противоречия между международно-правовыми нормами и нормами российского уголовного законодательства приоритет остается за последними. Полагаем, однако, что поиск правильного решения должен осуществляться не путем установления приоритета одной системы права над другой, а в извлечении из существующих дефиниций, закрепленных на международном и национальном уровнях, признаков, наиболее точно отвечающих сути такого преступного деяния, как пиратство. «Взаимообмен» же другими признаками вполне оправдан. Так, из международного определения пиратства, на наш взгляд, необходимо исключить указание на летательный аппарат как предмет пиратства, т.к. исторически действия, совершаемые в отношении летательных аппаратов, понятием пиратства не охватывались; отсутствует какая-либо практика такого понимания пиратства и в настоящее время. В свою очередь российскому законодателю следует, по нашему мнению, отказаться от конкретизации типа судна (морское или речное), но более точно описать место совершения пиратства – «открытое море либо место, находящееся вне юрисдикции какого-либо государства». При этом место совершения преступления, учитывая современные тенденции развития

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2013 г. № 4) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12. С. 5.

международных норм о противодействии пиратству, должно стать критерием разграничения понятий пиратства и вооруженного разбойного нападения на судно. Наконец, российскому законодателю необходимо, на наш взгляд, четко определить место пиратства в группе преступлений, нарушающих безопасность морского судоходства. Современные реалии таковы, что заставляют признать: пиратство лишь одно из проявлений преступной деятельности на море наравне с терроризмом, угоном судна и т.д. При этом пиратство отличается от других преступлений своей агрессивно-корыстной сущностью, которая должна быть отражена в признаках данного состава преступления.

Конечно, борьба с пиратством носит многоаспектный характер и требует объединения усилий государств во всех направлениях, но выработка общих правовых критериев к определению пиратства это первый и необходимый шаг к созданию эффективного механизма защиты национальных и международных интересов от пиратства.

Подводя итог вышеизложенному, отметим следующее:

1. Сближение двух правовых систем – международной и национальной – является частью общего процесса глобализации, в который втянуты многие сферы межгосударственного взаимодействия, в том числе в области противодействия преступлениям международного характера.

2. Признание преступности пиратства на международном и внутригосударственном уровнях ставит перед государствами задачу создания эффективного механизма международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Необходимым условием формирования такого механизма выступает гармонизация норм международного и национального права, прежде всего, в части определения понятия и признаков пиратства. Однако имплементация международно-правовых норм, устанавливающих преступность пиратства, в российское уголовное законодательство произошло путем их трансформации, при этом российский законодатель внес значительные изменения в определение пиратства.

3. Сравнительный анализ дефиниций пиратства, закрепленных в международно-правовых актах (ст. 15 Женевской Конвенции об открытом море 1958 г., ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.) и российском уголовном законодательстве (ст. 227 УК РФ), позволяет сделать вывод об их различии по существу. И хотя в составах пиратства как преступлении международного характера и как преступлении по российскому уголовному законодательству имеются общие признаки, их содержание значительно разнится. Наиболее значимо с позиций правоприменения несовпадение таких конструктивных признаков, как предмет, место и цель совершения пиратства.

4. Устранение разногласий между нормами международного права и российского уголовного законодательства, определяющих пиратство, должно, на наш взгляд, происходить путем внесения изменений и дополнений в национальное уголовное законодательство в той степени, в какой это не нарушит его систему.

5. С учетом современных тенденций развития международного права пиратство необходимо четко отграничить от вооруженного разбоя на море по месту совершения преступления. Если нападение на судно совершено в открытом море, то оно должно оцениваться как пиратство (ст. 227 УК РФ). Если местом совершения нападения выступает территориальное море какого-либо государства, его внутренние воды, исключительная экономическая зона или континентальный шельф, то такое деяние должно квалифицироваться как вооруженный разбой (ст. 162 УК РФ).

6. В настоящее время пиратство является не единственной опасностью для безопасности морского судоходства. Поскольку на море совершаются и иные общественно опасные деяния, то можно говорить о системе преступлений против безопасности морского судоходства, среди которых пиратство отличается своей агрессивно-корыстной сущностью.

Глава 2. Уголовно-правовая характеристика пиратства по уголовному законодательству России

1. Объект пиратства

Традиционно анализ любого состава преступления начинают с исследования его объективных признаков, прежде всего, объекта преступного посягательства. Само понятие объекта преступления относится к числу дискуссионных в теории уголовного права, и анализ современной юридической литературы позволяет предположить, что окончания дискуссии в ближайшее время не предвидится. Сегодня происходит процесс переосмысления традиционно сложившейся теории объекта преступления как общественных отношений, формируются новые подходы к его пониманию, каждый из которых имеет как своих сторонников, так и оппонентов.

Не вдаваясь (в рамках данной работы) в детальный анализ всех научных концепций, отметим, что понимание объекта преступления как общественных отношений, на наш взгляд, сохраняет свою актуальность и позволяет наиболее точно охарактеризовать не только конкретный состав преступления, но и само преступное деяние как поведенческий акт человека, т.к. «объект преступления выражается в совершенном лицом деянии»¹. Придерживаясь этой точки зрения, трудно не согласиться с В.Н. Кудрявцевым в том, что объект преступления охватывает: «а) фактические общественные отношения между людьми; б) их правовую форму или «оболочку»; в) материальные формы, условия и предпосылки существования этих отношений»². Таким образом, под объектом преступления мы будем понимать общественные отношения, охраняемые уголовным законом,

¹ Уголовное право России : курс лекции: в 6 т. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «СГАП». 2004. Т. 2 / [Б.Т. Разгильдиев, Н.А Лопашенко, Ю.И. Бытко и др.]. 2008. С. 225.

² Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист. 2001. С. 130-131.

которым в результате совершения преступления причиняется или создается угроза причинения существенного вреда.

Не менее спорным, чем понятие объекта преступления, является вопрос о его классификации. В связи с изменившейся (по сравнению с Уголовным кодексом РСФСР 1960 г.) структурой уголовного законодательства в уголовно-правовой литературе стали выделять четыре вида объекта «по вертикали»: общий, родовой, видовой и непосредственный¹. Осуществляя классификацию «по горизонтали» на уровне непосредственного объекта преступления, авторы, как правило, указывают на основной, дополнительный и факультативный объекты². Однако приведенная классификация «по вертикали» не является общепризнанной, поэтому в юридической литературе можно встретить различные позиции по данному вопросу. Например, Г.П. Новоселов, рассматривающий в качестве объекта преступления индивида, полагает, что вычленение видов объекта по вертикали классификацией по сути не является, поскольку объект преступления всегда конкретен, и «в реальной действительности в посягательстве нет никакого иного объекта, кроме того, который сторонниками классификации объектов преступления по вертикали называется непосредственным»³. Другие авторы не столь категоричны, но придерживаются не четырехзвенной, а трехзвенной классификации объекта преступления: общий, родовой (специальный) и непосредственный⁴. Ряд авторов, соглашаясь с четырехзвенной классификацией, выделяют иные виды объектов: общий, типовой (подобный, надродовой), родовой

¹ См.: *Галиакбаров Р. Р.* Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: конспекты лекций и иные материалы. Краснодар : Изд-во Краснодарского государственного аграрного университета, 1999. С. 70-71; Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. А. С. Сенцова. Волгоград : ВА МВД России, 2001. С. 123; Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. А. Н. Тарбагаева. М. : Проспект, 2012. С. 102-103.

² См.: *Галиакбаров Р. Р.* Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: конспекты лекций и иные материалы. С. 73-74; Уголовное право России. Часть Общая : учебник для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М. : Издательство БЕК, 2000. С. 126-127; Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. А. Н. Тарбагаева. М. : Проспект, 2012. С. 104-105.

³ *Новоселов Г. П.* Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М. : НОРМА, 2001. С. 22.

⁴ См.: Российское уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. М. : Спарк, 1997. С. 94; Уголовное право России. Часть Общая : учебник для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. С. 123-125.

(специальный, групповой), непосредственный (видовой)¹. Суть разногласий, очевидно, заключается в разном понимании основания классификации: виды объектов преступления рассматриваются либо с позиций соотношения философских категорий («общее», «особенное», «единичное»), либо по степени их обобщения². Поскольку эта проблема не является объектом нашего исследования, то ее всестороннее рассмотрение в рамках данной работы затруднительно. Отметим лишь, что на наш взгляд, правы те авторы, которые осуществляют классификацию объектов преступления на основании соотношения «общее» - «особенное» - «единичное». Такой подход позволяет наиболее точно раскрыть содержание общественной опасности конкретного преступления, определить его место в системе других преступлений.

Итак, родовым объектом пиратства являются общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка (раздел IX УК РФ), а видовым объектом - общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения общественной безопасности (глава 24 УК РФ). Следовательно, для раскрытия содержания объекта пиратства необходимо рассмотреть понятия общественной безопасности и общественного порядка. Вопрос о соотношении данных категорий и их содержании также относится к числу спорных в уголовно-правовой науке. Немаловажную роль в формировании разных теоретических подходов к решению этого вопроса сыграла позиция законодателя, указавшего на общественный порядок как объект уголовно-правовой охраны в ч. 1 ст. 2 УК РФ и наименовании раздела IX УК РФ. Как отмечается в юридической литературе, «заголовки основных рубрик УК РФ являются вспомогательными элементами уголовного закона, демонстрирующими качество формальной отделки правового материала»³. Отсутствие упоминания общественного порядка в наименовании главы 24

¹ Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений : закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и дополн. М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. С. 79-80.

² См.: Мальцев В. В. Учение об объекте преступления : в 2-х т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. Волгоград : ВА МВД России, 2010. С. 184-185.

³ Тихонова С. С. Юридическая техника в уголовном праве : курс лекций. Нижний Новгород, 2008. С. 36.

УК РФ не только указывает на некачественное оформление этого структурного элемента уголовного закона, но и естественным образом порождает дилемму: «то ли общественная безопасность включает в себя общественный порядок в качестве своей неотъемлемой части, то ли общественный порядок выступает самостоятельным видовым объектом»¹.

В процессе обсуждения указанной проблемы специалисты пришли к выводу о необходимости рассматривать категории «общественная безопасность» и «общественный порядок» в широком и узком смыслах. В самом широком значении общественная безопасность была определена как «система мер, направленных на охрану государственного и общественного порядка, на обеспечение нормальных условий для трудовой деятельности и отдыха граждан»². При таком подходе общественная безопасность выступает категорией, поглощающей все иные объекты уголовно-правовой охраны, в том числе и общественный порядок. Вместе с тем, под общественным порядком в широком смысле понимается упорядоченность, урегулированность всей совокупности общественных отношений, складывающихся в обществе³, а это означает, что общественный порядок включает в себя общественную безопасность и другие сферы общественных отношений, охраняемых уголовным правом. Очевидно, что в широком понимании ни общественная безопасность, ни общественный порядок не могут выступать в качестве типового объекта, иначе они «поглощают» типовые объекты всех других групп преступлений. Поэтому в теории уголовного права при характеристике составов преступлений, включенных в раздел IX УК РФ, общественная безопасность и общественный порядок рассматриваются в узком значении.

¹ Разгильдиев Б. Т. Категория «общественная безопасность» в уголовном праве Российской Федерации // Общественная безопасность и ее законодательное обеспечение : материалы Всероссийской науч.-практ. конф., Астрахань, 19-20 апреля 2001 г. Астрахань : Изд-во АГТУ, 2001. С. 14.

² Гришаев П. И. Преступления против порядка управления, общественной безопасности и общественного порядка : лекция для студентов ВЮЗИ / под ред. В. В. Здравомыслова. М., 1957. С. 57.

³ См.: Данышин И. Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. М. : Юрид. лит., 1973. С. 29.

Общественная безопасность в узком смысле ассоциируется с определенным уровнем защищенности общества от общественно опасных посягательств, неприкосновенности основных социальных благ общества. Так, по мнению В.С. Комиссарова, общественная безопасность представляет собой определенную совокупность общественных отношений, регулирующих безопасные условия жизни общества¹. Б.Т. Разгильдиев определяет общественную безопасность «как состояние, не вызывающее у граждан опасение за свою жизнь, здоровье на территории России, основанное на совокупности нравственных, экономических, национальных, социальных, экологических, идеологических и правовых условий, характеризующих Российское общество»². В целом соглашаясь с данной дефиницией, особенно с той ее частью, где речь идет о совокупности условий, обеспечивающих общественную безопасность, все же отметим следующее. Акцент здесь сделан на интересах граждан, при этом ничего не сказано о государственных и общественных интересах, что вряд ли оправдано. Любой акт пиратства, совершенный, например, в отношении российского судна, формирует состояние опасения по поводу соблюдения своих интересов не только у граждан, но и общества в целом (аналогичная ситуация складывается в связи с совершением террористического акта, захвата заложника и т.д.).

Более точной нам представляется позиция, когда под общественной безопасностью понимают «необходимый и достаточный уровень правовой защищенности интересов общества, обеспечивающий безопасные условия его существования»³. Вместе с тем, и данное определение не в полной мере отражает суть тех общественных отношений, которым причиняется вред в результате совершения пиратского нападения. Анализ преступной деятельности современных пиратов показывает, что практически каждая

¹ См.: Комиссаров В. С. В центре внимания – безопасность общества // Человек и закон. 2000. № 4. С. 60.

² Разгильдиев Б. Т. Категория «общественная безопасность» в уголовном праве Российской Федерации. С. 16.

³ Гегамов А. Р. Насильственные преступления против общественной безопасности и общественного порядка и уголовно-правовой механизм назначения справедливого наказания : дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 35.

пиратская атака затрагивает интересы как минимум двух государств (того, к чьему порту приписано судно, и того, в чей порт оно направляется, как правило, с грузом), а чаще всего, более двух государств (если учитывать, что состав команды достаточно часто интернационален). В таком случае, указание в определении общественной безопасности на интересы одного общества, на наш взгляд, некорректно. Собственно говоря, эти рассуждения относятся и к ряду других преступлений, запрещенных разделом IX УК РФ, например, террористической направленности (ст. 205, 205¹, 205²), захвату заложника (ст. 206), организации преступного сообщества (ст. 210) и др. Другими словами, когда речь идет о совершении преступлений международного характера, то ограничить понятие общественной безопасности рамками интересов одного общества невозможно.

Решение этого вопроса видится в двух направлениях. Первое: расположить нормы, описывающие признаки преступлений международного характера, в разделе XII УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества». Именно такую позицию занял законодатель ряда государств, в частности, Боливии, Венесуэлы, Гондураса, Кирибати, Кубы, Македонии, Мексики, Хорватии. В уголовном законодательстве этих стран пиратство рассматривается как посягательство на международный правопорядок, поэтому нормы, описывающие признаки данного состава, включены в главы о преступлениях против международного права¹. В УК Украины ст. 446 «Пиратство» также размещена в разделе 20 «Преступления против мира и безопасности человечества и международного правопорядка»². Реализация такого подхода в России затруднительна, т.к. потребует существенного пересмотра критериев построения структуры Особенной части. Более того, перечень преступлений международного характера постоянно пополняется за счет расширения международного сотрудничества в сфере борьбы с

¹ См.: Додонов В. Н. Ответственность за пиратство (морской разбой) в современном уголовном праве // Транспортное право. 2008. № 4. С. 32.

² Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III (по состоянию на 28 января 2014 г.) [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Законодательство стран СНГ. URL: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8679 (дата обращения: 16.02.2014).

преступностью, а это означает, что со временем значительная часть составов преступлений может «перекочевать» в один раздел (главу) о преступлениях против международного правопорядка.

Правильнее, по нашему мнению, будет уточнение научного содержания категории «общественная безопасность», которое должно рассматриваться на двух уровнях: международном и национальном. При этом речь не идет о том, чтобы охватить понятием общественной безопасности международную безопасность; последняя имеет более широкое содержание и рассматривается в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Но в связи с активным вовлечением государства в международные отношения общественную безопасность нельзя оценивать только по национальному уровню защищенности, особенно это касается тех сфер деятельности, которые изначально требуют международно-правового регулирования, например, международное судоходство. На основании изложенного считаем возможным определить общественную безопасность как необходимый и достаточный уровень международно-правовой и национально-правовой защищенности интересов общества, обеспечивающий безопасные условия его существования.

Общественный порядок в узком смысле определяется как система установившихся в обществе взаимоотношений между гражданами, регулируемые нормами права и морали и обеспечивающих осуществление гражданами, государственными и общественными организациями своих прав, защиту их законных интересов и выполнение ими своих обязанностей¹. Более емко определила общественный порядок Н.Ф. Кузнецова: закрепленный в нормах права и морали определенный порядок отношений в общественных местах². В современной учебной литературе под общественным порядком понимается «система общественных отношений,

¹ См.: *Ефимов М. А.* Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. Минск : Вышэйш. шк., 1971. С. 5.

² См.: *Кузнецова Н. Ф.* Уголовная ответственность за нарушение общественного порядка. М. : Госюриздат, 1963. С. 3.

сложившихся на основе соблюдения норм права, направленных на поддержание общественного спокойствия и нравственности, взаимного уважения, надлежащего поведения граждан в общественных местах, отношений в сфере социального общения»¹. При таком подходе следует признать, что общественный порядок является типовым (родовым), а также и родовым (видовым) объектом преступлений, запрещенных разделом IX и главой 24 УК РФ. Отсутствие упоминания его в наименовании главы 24 УК РФ, как уже говорилось, лишь говорит о качестве юридической техники современного законодателя. Ряд авторов считают, что законодатель тем самым хотел показать соотношение общественной безопасности и общественного порядка как общего и части, зависимость общественного порядка от общественной безопасности² (хотя в этом случае законодателю логичнее было бы не указывать на общественный порядок и в наименовании раздела). Действительно, без поддержания общественного спокойствия, нравственного поведения граждан в общественных местах трудно представить обеспечение достаточного уровня защищенности интересов общества. Но и общественный порядок как часть общественной безопасности обеспечивается на двух уровнях: международном и национальном. При совершении пиратского нападения на судно в открытом море нарушается система взаимоотношений, установленных не только нормами российского, но и международного права. Например, Конвенцией ООН по морскому праву закрепляется такой правовой режим морей и океаном, который способствует международным сообщениям и содействует использованию морей и океанов в мирных целях³. Следовательно, общественный порядок можно определить как систему общественных отношений, сложившихся на основе соблюдения

¹ Курс уголовного права. Т 4. Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. М. : Зерцало-М, 2002. С. 299.

² См.: *Иванов Н. Г., Косарев И. И.* Хулиганство и хулиганские побуждения как уголовно-правовой феномен. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. С. 53.

³ См.: Преамбула Конвенции ООН по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 48. Ст. 5493.

норм международного и национального права, нравственности¹, направленных на поддержание общественного спокойствия и надлежащего поведения граждан в общественных местах.

Таким образом, родовым объектом пиратства выступают общественная безопасность и общественный порядок. Видовым объектом преступления также выступает общественная безопасность как категория, имеющая кумулятивный характер. По тем сферам, которые охватываются общественной безопасностью как видовым объектом, составы преступлений, описанные в нормах главы 24 УК РФ, принято делить на следующие группы²: а) преступления против общей безопасности (ст.ст. 205-211, 227 УК РФ); б) преступления против общественного порядка (ст.ст. 212, 213, 214 УК РФ); в) преступления против общественной безопасности при производстве специальных видов работ (ст.ст. 215 – 217¹ УК РФ); г) преступления против общественной безопасности в сфере обращения общепасных предметов и материалов (ст.ст. 218, 220-226¹ УК РФ). Основываясь на приведенной классификации можно сделать вывод, что видовым объектом пиратства являются общественные отношений, обеспечивающие безопасность в сфере повседневной жизнедеятельности. Преступления, посягающие на данный объект, могут совершаться в любых сферах общественной жизни, причиняя вред или создавая угрозу причинения вреда интересам неопределенному кругу лиц, общества и государства в целом.

Вопрос о непосредственном объекте пиратства в теории уголовного права также не имеет однозначного решения. Так, ряд авторов определяют непосредственный объект пиратства как «международная безопасность мореплавания, жизнь и здоровье людей, межгосударственные отношения», а дополнительный объект как «частная, общественная и государственная

¹ Полагаем, правы те авторы, которые рассматривают нравственность как основу общественного порядка, а не в качестве одной из его составляющих, поэтому в своем определении придаем ей столь же фундаментальнообразующее значение, что и нормам права.

² См.: Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2003. С. 230; Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. И. В. Шишко. М. : Проспект, 2012. С. 399.

собственность»¹. Другие авторы считают, что в качестве непосредственного объекта пиратства могут выступать отношения между государствами в различных областях сотрудничества, честь и достоинство личности, личная свобода, авторитет государства². Некоторые авторы придерживаются мнения о том, что указание в ст. 227 УК РФ определенной цели, а именно – завладение чужим имуществом, позволяет отнести к непосредственному объекту пиратства и отношения собственности. Более того, ими предлагается перенести статью о пиратстве в гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности»³. С таким предложением согласиться трудно по следующим соображениям.

В уголовно-правовой науке под основным непосредственным объектом преступления понимается то общественное отношение, против которого направлено общественно опасное посягательство и которое в первую очередь защищается конкретной уголовно - правовой нормой⁴. При совершении пиратства, прежде всего, нарушается безопасность судоходства, поэтому основным непосредственным объектом пиратства должна признаваться общественная безопасность в сфере обеспечения судоходства⁵. Судоходство, как известно, может быть речным или морским; возникает закономерный вопрос: общественная безопасность какого судоходства подвергается угрозе

¹ Уголовное право. Особенная часть : учебник / отв. ред. И. А. Козаченко, Г. П. Новоселов. 4-е изд., изм. и доп. М. : Норма, 2008. С. 385; Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А. Л. Агафонов, Б. Х. Балкаров, Ю. А. Гладышев и др.; рук. авт. кол. и ред. П. Н. Панченко. В двух томах. Нижний Новгород : НОМОС, 1996. Т. 2. С. 58; Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. А. И. Рарога. М. : Юрист, 2004. С. 488; Уголовное право России. Часть Особенная : учеб. для вузов / под ред. Л. Л. Кругликова. М. : Волтерс Клувер, 2004. С. 217; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. А. Чекалина, В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт-Издат, 2006. С. 364; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. 3-е изд., изм. и доп. М. : НОРМА - ИНФРА-М, 2001. С. 551.

² Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел: научно - практическое пособие / под ред. А. В. Галаховой. М. : Норма, 2006. С. 82; Уголовное право. Часть общая. Часть особенная : учебник / под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. М. : Юриспруденция, 1999. С. 561.

³ Додонов В. Н. Ответственность за пиратство (морской разбой) в современном уголовном праве. С. 16.

⁴ Уголовное право России. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунева, А. В. Наумова. М. : Юрист, 2004. С.117.

⁵ В литературе высказано мнение, что общественная безопасность в сфере обеспечения морского и речного судоходства выступает родовым объектом пиратства (см.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. М. : Инфра-М, Контракт, 2009. С. 273). На наш взгляд, до уровня родового объекта данная группа общественных отношений не «дотягивает», но, конечно, является одной из составляющих общественной безопасности.

при совершении пиратства? З.В. Миронов, например, не уточняет вид судоходства и называет в качестве непосредственного объекта пиратства «свободу и безопасность судоходства как общественно значимые категории»¹. Другие авторы ограничивают содержание основного непосредственного объекта пиратства морским судоходством. В частности, Н.А. Князева считает, что основным непосредственным объектом пиратства являются «конкретные общественные отношения, связанные с нарушением принципов свободы и безопасности морского судоходства (свобода рыболовства, свобода морских научных исследований и др.)»². Мы склонны согласиться с данным суждением. Как показал исторический анализ, пиратство как явление неразрывно связано с морским пространством; именно желание защитить свои интересы в области морского мореплавания побудили государства объединить усилия в борьбе с пиратством. Современная практика пиратских нападений подтверждает, что основным местом своей преступной деятельности пираты избирают морское пространство. Наконец, именно нарушение безопасности морского судоходства подрывает общую безопасность, затрагивая интересы неопределенного круга лиц, общества и государства в целом. Под морским судоходством в российском законодательстве понимается движение судов на море, деятельность по обеспечению движения судов на море, а также деятельность по выполнению возложенных на суда задач (п. 3 Положения о федеральной системе защиты морского судоходства от незаконных актов, направленных против безопасности мореплавания³). Таким образом, основным непосредственным объектом пиратства, на наш взгляд, является общественная безопасность морского судоходства, т.е. такой уровень международно-правовой и национально-правовой защищенности интересов

¹ *Миронов З. В.* Уголовная ответственность за пиратство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. С. 16.

² *Князева Н. А.* Уголовно-правовое противодействие пиратству: современные проблемы правотворчества и правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://lawtheses.com/ugolovno-pravovoe-protivodeystvie-piratstvu> (дата обращения: 10.03.2013).

³ Положение о федеральной системе защиты морского судоходства от незаконных актов, направленных против безопасности мореплавания : [постановление Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2000 г. № 3] (утратило силу) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 16. Ст. 1714.

общества, который обеспечивает безопасные условия движения судов на море, деятельности по обеспечению движения судов на море и выполнению возложенных на суда задач. С таким определением основного непосредственного объекта пиратства согласились 56% из опрошенных нами лиц.

Состав пиратства носит сложный характер, что проявляется, прежде всего, в его многообъектности. Суть пиратских действий такова, что они причиняют вред либо создают угрозу причинения вреда не только безопасности морского судоходства, но и иным объектам уголовно-правовой охраны. Поэтому анализ непосредственного объекта пиратства не ограничивается характеристикой основного объекта, но требует изучения его дополнительного объекта. Под дополнительным объектом в теории уголовного права понимается «неразрывно связанное с основным непосредственным объектом общественное отношение, которое в силу этого охраняется уголовным законом наряду с основным непосредственным объектом»¹. Принимая во внимание данную дефиницию, следует согласиться с теми авторами, которые в качестве дополнительного объекта пиратства называют жизнь и здоровье человека, а также собственность². Действительно, насилие и корыстный интерес всегда были присущи пиратству; характеризуют они и современное пиратство. Соответственно каждый акт пиратского нападения предполагает применение насилия и направлен на захват чужого имущества, что и отражено в диспозиции ст. 227 УК РФ. Вместе с тем, анализ современных актов пиратских нападений показывает, что в подавляющем большинстве случаев они сопряжены с незаконным лишением или ограничением свободы лиц, находящихся на судне. Личная свобода одно из важнейших благ человека, охраняемое уголовным законом; его нарушение при совершении пиратской атаки,

¹ Мальцев В. В. Учение об объекте преступления. Т. 1. С. 242.

² См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Б. Т. Разгильдиева и А. Н. Красикова. Саратов : СЮИ МВД России, 1999. С. 353; Князева Н. А. Уголовно-правовое противодействие пиратству [Электронный ресурс]. URL: <http://lawtheses.com/ugolovno-pravovoe-protivodeystvie-piratstvu> (дата обращения: 10.03.2013); Миронов З. В. Уголовная ответственность за пиратство. С. 16.

соответственно, требует уголовно-правовой оценки. С позиций классификации непосредственного объекта «по горизонтали» данные общественные отношения охватываются понятием факультативного объекта, который при совершении преступления «не обязательно, не всегда терпит ущерб, хотя на практике вред ему может причиняться при посягательстве на основной объект»¹. Поэтому свобода человека выступает факультативным объектом пиратства, причинение или непричинение вреда которому на квалификацию по ст. 227 УК РФ не влияет.

Исследование вопроса об объекте пиратства позволяет нам сформулировать следующие выводы:

1. Родовым объектом пиратства выступает общественная безопасность и общественный порядок. С учетом международного характера преступления и та, и другая категории должны рассматриваться в двух аспектах: международном и национальном.

2. Общественная безопасность как родовой объект пиратства означает необходимый и достаточный уровень международно-правовой и национально-правовой защищенности интересов общества, обеспечивающий безопасные условия его существования.

3. Общественный порядок как родовой объект пиратства – это система общественных отношений, сложившихся на основе соблюдения норм международного и национального права, нравственности, направленных на поддержание общественного спокойствия и надлежащего поведения граждан в общественных местах.

4. Видовой объект пиратства образуют общественные отношения, обеспечивающие безопасность в сфере повседневной жизнедеятельности, обеспечивающая интересы неопределенного круга лиц, общества и государства в целом.

¹ Дуюнов В. К., Хлебушкин А. Г. Квалификация преступлений : законодательство, теория, судебная практика. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2012. С. 52.

5. Основным непосредственным объектом пиратства – это безопасность морского судоходства, т.е. такой уровень международно-правовой и национально-правовой защищенности интересов общества, который обеспечивает безопасные условия движения судов на море, деятельности по обеспечению движения судов на море и выполнению возложенных на них задач.

6. В качестве дополнительного объекта пиратства выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере охраны жизни и здоровья человека, а также собственности. Личную свободу человека следует рассматривать в качестве факультативного объекта пиратства.

2. Предмет и место совершения пиратства

Традиционно предмет преступления в учебной литературе рассматривают в связи с вопросом об объекте преступления, а место совершения преступления – с объективной стороной преступления. Уголовно-правовой анализ состава пиратства заставляет нас отступить от общепринятого правила и рассмотреть данные признаки в связке. Во-первых, в уголовно-правовой науке сложилось и иное понимание предмета преступления – как признака объективной стороны¹. Во-вторых, даже при традиционном подходе к пониманию предмета преступления его исследование во взаимосвязи с местом совершения преступления не слишком противоречит логике построения состава преступления, ведь речь идет об объективных признаках состава преступления, т.е. характеризующих внешнее проявление преступления. Кроме того, и тот, и другой признак относятся к числу факультативных, поскольку, как правило, не влияют на квалификацию преступления. В составе пиратства их значение иное – они

¹ См.: *Трайнин А. Н.* Состав преступления по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1951. С. 184; *Глистин В. К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Ленинград : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1979. С. 46; *Мальцев В. В.* Учение об объекте преступления: монография : в 2 т. Т. 2. Объект преступления : роль в составе преступления, законодательстве и его реализации. Волгоград : ВА МВД России, 2010. С. 22.

приобретают характер обязательных¹, а следовательно, от их установления зависит правильная квалификация.

Под предметом преступления в теории уголовного права понимают «материальный субстрат»², то есть предмет материального мира, на который непосредственно воздействует лицо, осуществляющее преступное посягательство на объект преступления; в связи с которым или по поводу которого и совершается преступление³. Такой подход к определению предмета преступления представляется несколько формализованным и не позволяет отразить качественное содержание данного признака. Более точное определение, на наш взгляд, сформулировал Е.А. Фролов: «под предметом преступления надлежит понимать такие предметы или вещи, которые служат материальным (вещественным) поводом, условием либо свидетельством существования определенных общественных отношений и посредством изъятия, уничтожения, создания либо видоизменения которых причиняется ущерб объекту преступления»⁴. При этом он подчеркнул, что говорить о предмете преступления как самостоятельном признаке состава преступления можно лишь в тех случаях, когда «происходит преступное посягательство на такие общественные отношения, само существование которых тесно связано с наличием соответствующих материальных предметов»⁵. Такое понимание предмета преступления позволяет раскрыть его содержание и значение в конкретном составе преступления, в том числе составе пиратства.

Вопрос о предмете пиратства в теории уголовного права носит дискуссионный характер. В.И. Ткаченко считает, что предметом пиратства следует признавать «любые морские или речные суда независимо от их типа

¹ В учебной литературе обязательность такого признака, как место совершения пиратства, как правило, не признается (см.: Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. С. 242-243; Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. И. В. Шишко. С. 435 и др.). Однако мы не разделяем такую позицию по причинам, которые будут изложены ниже.

² Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений : закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и дополн. М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. С. 82

³ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право : общая часть. Курс лекций : в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2007. Т. 1. С. 310.

⁴ Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Ученые труды Свердловского юр. ин-та. Свердловск, 1969. Вып. 10. С. 222.

⁵ Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. С. 221.

или принадлежности тому или иному владельцу»¹. И.А. Клепицкий, напротив, считает, что «морские суда и суда внутреннего плавания не могут быть предметом хищения, так как указанные объекты недвижимости подчинены принципу публичной (государственной) регистрации прав на них, в связи с чем вряд ли возможно их дальнейшее использование по назначению»². Его позиция основана на положениях ст.ст. 130 и 131 ГК РФ, определяющих понятие недвижимых вещей (недвижимого имущества, недвижимости) и устанавливающих обязательное требование государственной регистрации прав на недвижимые вещи. Вряд ли данное мнение распространяется на состав пиратства. Во-первых, в ст. 227 УК РФ указана цель завладения, а не хищения. Во-вторых, для лица, который стремится завладеть имуществом (в данном случае - судном), совершенно не важны особенности правового статуса этого имущества. В-третьих, сами пиратские действия опровергают эту позицию, поскольку «в международной практике хорошо известны случаи пиратского захвата не только грузов, но и морских судов, на время исчезающих, а затем продолжающих бороздить морские просторы под другим цветом (и корпуса, и флага)»³. Похищенные суда впоследствии перепродаются, используются пиратами для совершения других пиратских нападений. В качестве примера можно привести пиратское нападение на сухогруз «Arctic Sea», которое было совершено в ночь с 23 на 24 июля 2009 г. организованной вооруженной группой лиц. Целью нападения являлось завладение как самим судном, так и находившимся на нем грузом (древесиной). Подтверждением этой цели стали действия самих пиратов, которые после захвата судна принимали меры по изменению названия судна, изменили курс судна, вывели из строя навигационные системы и спутниковую автоматическую систему идентификации судна⁴.

¹ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. М. : Юрист, 2000. С. 281.

² Клепицкий И. А. Недвижимость как предмет хищения и вымогательства // Государство и право. 2000. № 12. С.12.

³ Семенов В. М. О понятии предмета хищения // Российский следователь. 2005. № 9. С. 35.

⁴ См.: Определение Верховного Суда РФ от 22 июня 2011 г. № 1-О11-20 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Решения высших судов».

Другие авторы характеризуют предмет посягательства как чужое имущество, в целях завладения которым происходит нападение на морское или речное судно. В числе этого имущества могут быть как собственно морское или речное судно, на которое произведено нападение, так и иные предметы (груз, судовое оборудование, топливо, личные вещи пассажиров), находящиеся на этих судах¹. Данная позиция основана на уголовном законе. При буквальном толковании нормы, содержащейся в ч. 1 ст. 227 УК РФ, следует вывод, что предметом пиратства является: 1) морское судно; 2) речное судно; 3) иное чужое имущество. Если категория «чужое имущество» хорошо известно российскому законодательству, детально исследована в теории уголовного права и не вызывает серьезных трудностей в правоприменительной практике, то понятие «судно» в составе пиратства достаточно сложно для восприятия как на теоретическом, так и правоприменительном уровнях. Выше мы уже рассматривали данное понятие в контексте сравнения дефиниций пиратства в международном и российском уголовном праве, сейчас остановимся на этом вопросе подробнее.

Анализ и международно-правовых актов, и национального законодательства, а также специальной литературы по вопросам морского права показывает, что в настоящее время отсутствует универсальное понятие судна. В юридической литературе предложены следующие критерии для правового определения понятия «судно»: среда использования, плавучесть (применительно к водной среде), предназначение, валовая вместимость и наличие двигательной установки². Полагаем, что для уголовно-правовой характеристики состава пиратства и определения его предмета – судна наиболее важны такие критерии, как среда использования и плавучесть.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. А. Чекалина, В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. С. 317.; Гаухман Л., Филаненко А. Отграничение хищений чужого имущества от хищений других предметов, предусмотренных специальными нормами // Уголовное право. 2008. № 5. С. 18-19.

² См.: Скрынник А. М. Правовой и содержательный анализ понятий «судно» и «военный корабль» применительно к обеспечению транспортной (морской) безопасности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 1. С. 39.

Отсюда возникает вопрос, которым вполне обоснованно задается ряд ученых, о целесообразности включения в ст.227 УК термина «речное судно»¹.

Как мы уже отмечали, в УК РФ термин «речное судно» нигде, кроме анализируемой нормы, не нашел своего законодательного закрепления, поскольку в других статьях Особенной части использована иная терминология. Так, в диспозиции ч. 1 ст.263 УК РФ содержится указание на «внутренний водный транспорт», а в ст. 211 УК РФ – на «водный транспорт». Однако в данных статьях также отсутствуют какие-либо характеристики приведенных понятий, а мнения авторов в литературе не отличаются единообразием. Так, Т.Ю. Орешкина считает, что «под водным транспортом понимается самоходное судно морского и речного транспорта, подлежащее регистрации в бассейновых судовых инспекциях и морских портах, а также система, обеспечивающая водные перевозки (порты, диспетчерские службы, средства сигнализации и связи и т.п.). К водному транспорту относят и маломерные самоходные морские и речные суда (моторные лодки, катера), кроме гребных лодок и других плавательных средств, приводимых в движение мускульной силой человека»².

Н.А. Зелинская, характеризуя понятие «судно водного транспорта», указывает, что «к ним относят морские, речные, озерные суда (кроме маломерных судов – катеров, моторных лодок, катамаранов, байдарок), в частности, теплоходы, корабли, самоходные баржи, паромы, морские яхты, подводные лодки, а также суда специального назначения (буксирные, спортивные, научные, добывающие и др.)»³. Очевидно, что в понятие судно водного транспорта авторами вкладывается самое широкое содержание, сюда включаются как морские, так и речные суда; разногласия возникают лишь относительно маломерных судов. Но если при характеристике других

¹ Комиссаров В. С. Преступления против общественной безопасности // Человек и закон. 2001. № 6. С. 57; Аксенов О. А. Ответственность за преступления против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности по новому уголовному законодательству Российской Федерации. Ростов-на-Дону : Изд-ий Центр «Комплекс», 1997. С. 70; Миронов З. В. Уголовная ответственность за пиратство. С. 16; Князева Н. А. Уголовно-правовое противодействие пиратству [Электронный ресурс]. URL: <http://lawtheses.com/ugolovno-pravovoe-protivodeystvie-piratstvu> (дата обращения: 10.03.2013).

² Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. А.И. Рагога. С. 403-404.

³ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. А.И. Рагога. С. 329.

составов преступлений такой подход допустим, то применительно к составу пиратства он вряд ли оправдан.

Решение проблемы определения предмета пиратства осложняется отсутствием в российском законодательстве понятия «речное судно». В частности, в ст. 3 Кодекса торгового мореплавания РФ определяется, что «правила, установленные настоящим Кодексом, распространяются на «морские суда; суда внутреннего плавания, а также суда смешанного (река - море) плавания»¹. В Кодексе внутреннего водного транспорта РФ используются следующие понятия (ст. 3)²:

а) внутренний водный транспорт Российской Федерации – «один из видов транспорта, находящегося в ведении Российской Федерации и представляющий собой производственно-технологический комплекс с входящими в него организациями, осуществляющими судоходство и иную связанную с судоходством деятельность на внутренних водных путях Российской Федерации»;

б) судно – «самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях судоходства, в том числе судно смешанного (река-море) плавания, паром, дноуглубительный и дноочистительный снаряды, плавучий кран и другие технические сооружения подобного рода»;

в) судно смешанного (река-море) плавания – «судно, которое по своим техническим характеристикам пригодно и в установленном порядке допущено к эксплуатации в целях судоходства по морским и внутренним водным путям».

Несмотря на отсутствие в законодательстве понятия «речное судно», в специальной литературе оно сформулировано наравне с морским судном. В военно-морском словаре морское судно определяется как самоходное и несамоходное судно, используемое для перевозки морем грузов, пассажиров,

¹ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации : [федер. закон от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ : по состоянию на 03 февраля 2014 г.] // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2207; 2014. № 6. Ст. 556.

² Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации : [федер. закон от 07 марта 2001 г. № 24 : по состоянию на 03 февраля 2014 г.] // Собрание законодательства РФ. 2001. № 11. Ст. 1001; 2014. № 6. Ст. 556.

багажа, почты, для рыбного и иного промысла, добычи полезных ископаемых, спасения, буксировки других судов и иных плавающих объектов, гидротехнических работ, подъема затонувшего в море имущества, несения специальной службы, научных, учебных и культурных целей и т.д.¹. Речное судно используется во внутреннем плавании и предназначено для грузовых и пассажирских перевозок, выполнения путевых или подсобных работ на озерах, реках, каналах². В морском энциклопедическом словаре речное судно характеризуется, как «гражданское судно самоходного или несамоходного типа, предназначенное для эксплуатации на внутренних водных путях»³.

Таким образом, на практике проводится достаточно четкая грань между морскими и речными судами, что позволяет сделать вывод: речное судно – это плавающее средство, которое по своим техническим характеристикам пригодно к эксплуатации лишь по внутренним водным путям (рекам, озерам, каналам и т.д.). Кроме самого морского судна, к эксплуатации в целях морского судоходства допущено только судно смешанного (река-море) плавания.

Кораблестроители указывают, что «район плавания предопределяет прочность и необходимые навигационные качества судна. В зависимости от района плавания суда делятся на морские и речные»⁴. Таким образом, различие морских и речных судов обусловлено, прежде всего, районом плавания, и, в частности, высотой волны, применительно к которой рассчитываются все остальные параметры для судов. Согласно Положению о классификации судов внутреннего и смешанного (река-море) плавания (далее - Положение)⁵ классификация судов осуществляется в соответствии с

¹ Военно-морской словарь / глав. ред. В. Н. Чернавин. М. : Военное издательство, 1990. С. 414.

² Военно-морской словарь / глав. ред. В. Н. Чернавин. С. 414.

³ Морской энциклопедический словарь. СПб. : Судостроение, 1994. - Т.3. Р-Я. С. 204.

⁴ Лесюков В. А. Теория и устройство судов внутреннего плавания : учебник для вузов водного транспорта. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Транспорт, 1982. С. 15.

⁵ Об утверждении Положения о классификации судов внутреннего и смешанного (река-море) плавания : [приказ Минтранса РФ от 01 ноября 2002 г. № 136 : по состоянию 11 января 2009 г.] (зарегистрирован в Минюсте РФ 01 ноября 2002 г. № 3932)] // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2002. № 49.

классификацией водных бассейнов. Согласно п. 7.3. Положения внутренние водные бассейны классифицируются в зависимости от их ветро-волнового режима, при этом минимальная нормативная высота волны составляет 0,6 м при 1% обеспеченности высот волн, а максимальная – 3,0 м при 3% обеспеченности высот волн (приложение № 2 к Положению). Морские районы классифицируются в зависимости от их ветро-волнового режима и обеспеченности местами убежища (п. 7.3. Положения), при этом минимальная нормативная высота волн составляет 2,0 м при 3% обеспеченности высот волн, а максимальная – 3,5 м при такой же обеспеченности высот волн (приложение № 2 к Положению). Важно отметить, что в анализируемом нормативном акте (п. 7.3. Положения) к внутренним водным бассейнам отнесены участки с морским режимом судоходства, которые начинаются от границы внутренних водных путей. В этих участках разрешается эксплуатация судов всех типов, т.е. как внутреннего, так и смешанного плавания.

Различаются суда и по длине корпуса. Суда внутреннего плавания имеют длину корпуса до 140 м.¹, а морские суда до 350 м².

Район плавания предъявляет разные требования и к материалам, применяемым при постройке корпуса судна. Судостроительная сталь применяется при постройке как морских, так и судов внутреннего плавания³, но при постройке морских судов к ней предъявляются требования повышенной прочности⁴.

Различны требования и к оснащенности судов. К морским судам, находящимся на значительном отдалении от берега, предъявляются более строгие требования в этой области. Например, наибольшее количество станковых якорей для морских судов – 3 шт., наибольшая масса каждого якоря

¹ См.: Правила классификации и постройки судов внутреннего плавания : в 4 т. Т. 2. М. : По Волге, 2002. С.12.

² См.: Правила классификации и постройки морских судов : в 5 т. Т. 1. СПб. : Российский Морской Регистр Судоходства, 2012. С. 39.

³ Правила классификации и постройки судов внутреннего плавания. С. 266-269.

⁴ Правила классификации и постройки морских судов / ред. М. Ф. Ковзова. Т. 2. СПб. : Российский Морской Регистр Судоходства, 2012. С. 375-379.

– 46000 кг, суммарная длина станových цепей – 770 м¹. Наибольшее количество якорей для судов внутреннего плавания – 2 шт., наибольшая суммарная масса якорей – 6000 кг, наибольшая суммарная длина цепей – 325 м².

Естественно, это не все характеристики, различающие морские и речные суда. Однако даже по тому небольшому сравнительному анализу качеств данных судов ясно, что речное судно, а точнее судно внутреннего плавания по своим техническим параметрам не может выходить в морской район и в нормальных, типичных условиях к работе в морском районе допущено быть не может. Использование термина «речное судно» в ст. 227 УК РФ представляется, таким образом, некорректным. Аргументы следующие. Во-первых, как мы уже отмечали выше, предметом преступления выступают вещи, являющиеся поводом или условием возникновения тех общественных отношений, которые охраняются уголовным законом и на которые совершается посягательство. Исторический анализ показал, что пиратство явилось следствием возникновения и развития морского судоходства, говоря иными словами, результатом создания человеком морского судна, с помощью которого он смог освоить морское пространство. Следовательно, именно морское судно предопределило формирование новой сферы общественных отношений – морского судоходства, и только оно должно рассматриваться в качестве обязательного элемента данных общественных отношений и, как следствие, предмета пиратства. Но, учитывая современное развитие морских технологий, позволяющих строить и эксплуатировать на море суда смешанного типа, к предмету пиратства следует относить и такие суда в тех случаях, когда они используются в морском судоходстве. Во-вторых, термин «речное судно» отсутствует в специальных нормативных актах, регулирующих отношения в сфере эксплуатации водного транспорта, поэтому его толкование в процессе

¹ Правила классификации и постройки морских судов / ред. М. Ф. Ковзова. Т. 2. С. 252-253.

² Правила классификации и постройки судов внутреннего плавания. Т. 3. С. 184 -187.

квалификации всегда будет вызывать трудности. В-третьих, по своим параметрам судно внутреннего плавания, которое, мы думаем, и имел в виду законодатель, не приспособлено к эксплуатации в морских районах в то время, как «пространственная сфера рассматриваемого преступления ограничена районом открытого моря, и в случае выхода речного судна в морское пространство оно приравнивается к морским судам»¹. Полагаем, что «речное судно» подлежит исключению из диспозиции ст. 227 УК РФ. Данного мнения придерживаются 73 % проанкетированных нами лиц.

В юридической литературе также сформулированы предложения по уточнению на законодательном уровне такого признака состава пиратства, как его предмет. В частности, Миронов З.В. предлагает считать предметом пиратства «любое водное транспортное средство, предназначенное для транспортировки пассажиров или грузов»². По мнению Н.А. Князевой, предметом пиратства должно признаваться «морское судно, под которым понимается сооружение, предназначенное для постоянной работы в плавучем состоянии в водной среде»³. А.А. Тодоров признавая предметом пиратства и морское и речное судно, считает необходимым путем прямого указания в диспозиции ст. 227 УК РФ исключить из предмета пиратства маломерное судно⁴.

Данные предложения, безусловно, заслуживают внимания, но требуют, на наш взгляд, определенной корректировки. Использование понятия «водное транспортное средство» еще больше отдаляет российскую уголовно-правовую норму от международно-правовой дефиниции пиратства. Кроме того, в российском законодательстве оно также отсутствует, а в том значении, в каком его предлагает автор, вновь возникает вопрос о речном

¹ Галиев Р. С., Чугунов А. А. Коллизионные вопросы соотношения положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (в части, касающейся борьбы с морским пиратством) и статьи 227 УК РФ // Современное право. 2013. № 3. С. 137.

² Миронов З. В. Уголовная ответственность за пиратство. С. 16.

³ Князева Н. А. Уголовно-правовое противодействие пиратству : современные проблемы правотворчества и правоприменения [Электронный ресурс]. URL: <http://lawtheses.com/ugolovno-pravovoe-protivodeystvie-piratstvu> (дата обращения: 10.03.2013).

⁴ См.: Тодоров А. А. Уголовно-правовая характеристика пиратства по российскому и зарубежному законодательству : автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 13.

судне как предмете пиратства. В случае применения термина «морское судно» не учитывается существующая классификация судов, где выделяются суда смешанного (река-море) типа.

Правильнее, на наш взгляд, обозначить предмет пиратства термином «водное судно», подчеркнув тем самым и акваторию преступления. В примечании же к ст. 227 УК РФ целесообразнее закрепить легальное толкование данного понятия, основываясь на специальных нормативных актах, а также сформулированных в теории дефинициях судна¹, а также социальной сущности тех общественных отношений, частью которых является предмет данного преступления. Таким образом, водное судно можно определить как самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях судоходства, проведения поисков, разведки и добычи полезных ископаемых, переработки добытых морепродуктов, выполнения иных подводных или надводных инженерно-технических работ. Такое определение позволит включить в предмет пиратства суда, которые используются как в целях торгового мореплавания, так и для государственной некоммерческой службы (поисково-спасательные, гидрографические и т.д.). Водное судно имеет регистрационное название и (или) номер, укомплектовано экипажем, руководимым капитаном (или иным уполномоченным лицом), и отвечает требованиям безопасности мореплавания. Одновременно, становится очевидным, что предметом пиратства не являются маломерные суда, поскольку по своим техническим характеристикам (валовой вместимости, мощности стационарных двигателей²) они не отвечают требованиям безопасности мореплавания. Другими словами, речное судно не должно признаваться предметом пиратства, что и должно быть отражено в содержании рассматриваемой

¹ См., например: *Гуцуляк В. Н.* Международно-правовые проблемы современного торгового мореплавания : автореф. ... докт. юрид. наук. М., 1999. С. 6; См.: *Скрынник А. М.* Правовой и содержательный анализ понятий «судно» и «военный корабль» применительно к обеспечению транспортной (морской) безопасности. С. 42-44.

² Понятие маломерного судна закреплено в п. 1 Правил плавания по внутренним водным путям РФ, утвержденным приказом Минтранса РФ от 14.10.2002 г. № 129 (в ред. приказа Минтранса РФ от 31.03.2003 г. № 114), а также в примечании к ст. 11.7 КоАП РФ.

уголовно-правовой нормы. В этом вопросе с нами согласилось 73 % проанкетированных.

Однако указанием на водное судно при описании предмета пиратства ограничиться невозможно. Как мы уже говорили, в международном праве запрет на совершение пиратства установлен не только Конвенцией по морскому праву, но и Протоколом о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе. Согласно данному протоколу, каждое государство - участник принимает такие меры, которые могут оказаться необходимыми для установления его юрисдикции в отношении преступлений, направленных против стационарных платформ. Однако в уголовном законодательстве России понятие стационарных платформ отсутствует. Н.В. Савельев считает, что это неудивительно, поскольку в момент принятия УК РФ Россия не была участником Протокола¹. Вместе с тем, Россия ратифицировала данный международно-правовой акт еще 02 августа 2001 г., но стационарные платформы в качестве предмета пиратства в ст. 227 УК РФ не указаны до сих пор. Между тем, необходимость такого дополнения демонстрирует сама жизнь. 18 сентября 2013 г. активисты Greenpeace предприняли попытку высадки и закрепления на нефтяной платформе «Приразломная», расположенной в исключительной экономической зоне РФ. Следователи Следственного комитета РФ первоначально квалифицировали эти действия по ст. 227 УК РФ; в последующем квалификация была изменена, и все участники так называемой «мирной» акции были привлечены к уголовной ответственности за хулиганство (ст. 213 УК РФ). К сожалению, официальных объяснений причин переквалификации содеянного общественности представлено не было. Полагаем, уголовно-правовая оценка была изменена по ряду причин, в

¹ Савельев Н. В. Мировое сообщество объединяет усилия в борьбе с преступностью на море [Электронный ресурс] √ Право и безопасность. 2004. № 2. URL: http://www.dpr.ru/pravo/pravo_8_15.htm (дата обращения: 09.10.11).

том числе из-за несоответствия фактического предмета посягательства предмету пиратства, указанному в ст. 227 УК РФ.

Согласно ч. 3 ст. 1 Протокола, стационарная платформа – это искусственный остров, установка или сооружение, постоянно закрепленные на морском дне для разведки или разработки ресурсов или для других экономических целей. Очевидно, что стационарная платформа понятием судна не охватывается, а значит не признается предметом пиратства. При этом применить при квалификации содеянного указанный международно-правовой акт непосредственно невозможно, поскольку это будет противоречить принципу законности, закрепленному в ст. 3 УК РФ. Этот вывод вытекает и из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, который в своем постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» подчеркнул, что «международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом»¹. Налицо пробел в уголовно-правовом регулировании, который не может быть устранен правоприменителем. В целях его устранения считаем необходимым прямо указать на стационарную платформу как предмет пиратства в ч. 1 ст. 227 УК РФ. С этим предложением согласно более 85 % проанкетированных нами лиц. Полагаем, что закреплять определение стационарной платформы в примечании к ст. 227 УК РФ не следует, поскольку при квалификации будет действовать отсылка к

¹ П. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10.10.2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ № 4 от 05.03.2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12. С. 5.

международному договору, подлежащему в данном случае непосредственному применению.

С определением предмета пиратства непосредственно связан вопрос о месте его совершения. В связи с отсутствием в УК РФ нормы, определяющей место совершения преступления, в теории уголовного права этот вопрос относится к числу спорных. Совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечено, что место совершения преступления – понятие сложное, поскольку включает в себя два аспекта¹. Первый аспект предполагает, что место совершения преступления – это часть пространства, на котором действует юрисдикция государства. Применение закона места совершения преступления является неотъемлемым правом государства, основанным на принципе государственного суверенитета. В этом аспекте весьма важен вопрос о том, что считать местом совершения преступления. Законодатель достаточно четко определил, что следует считать временем совершения преступления (ст. 9 УК РФ), но обошел вниманием проблему определения места совершения преступления. Одни авторы считают, что местом совершения преступления является место совершения общественно опасного деяния, в результате которого наступили вредные последствия². По мнению других, местом совершения преступления следует считать место наступления преступного результата, так как преступление не может считаться совершенным до тех пор, пока не наступил преступный результат³. Очевидно, что данная точка зрения не применима к случаям совершения преступлений с формальным составом. Третьи считают, что преступление совершается везде, где была осуществлена хоть какая-либо его часть (эпизод). Применительно к составу пиратства данный вопрос не стоит столь остро, поскольку он носит характер усеченного состава. Следовательно, местом его совершения будет признаваться та часть территории, где

¹ См.: Объективная сторона преступления (факультативные признаки) : учебное пособие / под ред. А. В. Наумова и С. И. Никулина. М. : МЮИ МВД России, 1995. С. 19.

² См.: *Брайнин Я. М.* Уголовный закон и его применение. М. : Юридическая литература, 1967. С. 37; *Келина С. Г.* Советский уголовный закон. М. : Госюриздат, 1961. С. 27.

³ См.: *Дурманов Н. Д.* Советский уголовный закон. М. : Изд-во Московского университета, 1967. С. 218.

произошло нападение. Вместе с тем, для единообразного решения данного вопроса законодателю было бы желательно закрепить положение о том, что местом совершения преступления признается место совершения деяния либо его части.

Второй аспект понятия места совершения преступления включает в себя пространственную характеристику преступления, указанную или подразумеваемую в диспозиции статьи¹. В русском языке слово «место» обозначает, как правило, пространство. Так, С.И. Ожегов определяет «место» как «пространство,... на котором что-либо происходит, находится»². По В.И. Далю место – это «пространство, занимаемое каким-либо телом или предметом; известное пространство вообще, занятое или порожнее; ширь, простор, пустота»³. Кроме того, под местом понимается также «отдельный участок какого-либо предмета»⁴. Значение слова «место» подчеркивает сложный характер такого признака состава пиратства, как место его совершения. С одной стороны, местом совершения пиратства является часть водного пространства, на котором осуществляется нападение. С другой стороны, пиратство предполагает нападение на судно с целью завладения чужим имуществом. Это означает, что действия преступников совершаются на конкретном судне – территории, где происходит завладение имуществом. Таким образом, местом совершения пиратства выступает как само водное пространство, так и пространство конкретного судна. Отсюда следует вывод, что судно, а также стационарная платформа выступают в составе пиратства одновременно в значении двух признаков – предмета преступления и места его совершения.

Наибольшие споры вызывает определение места совершения пиратства как водного пространства, поскольку в диспозиции анализируемой нормы

¹ См.: Объективная сторона преступления (факультативные признаки). С. 19.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1989. С. 281.

³ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М. : ЭКСМО-Пресс, ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. С. 385.

⁴ Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд.. стереотип. М. : Русский язык, 1985-1988. Т. 2. К - О. 1986. С. 257.

отсутствует прямое указание на то, где именно может быть совершено данное преступление. Как уже отмечалось в предыдущей главе, место совершения пиратства является одним из наиболее существенных признаков, отличающих дефиниции пиратства в международном и национальном уголовном праве. Неудивительно, что в отечественной науке уголовного права по данному вопросу высказаны самые различные суждения. И.Я. Козаченко, например, полагает, что «пиратство совершается, как правило, в открытом море или на другом водном пути»¹. Анализируя данную позицию, можно сделать вывод, что автор допускает совершение пиратства не только в открытом море, но и, например, во внутренних водах. Аналогичного взгляда придерживается и О.А. Аксенов, полагая, что местом совершения пиратства «является не только внутренние моря и реки, внешние воды Российской Федерации, но и открытое море в любых географических координатах»². Ф.Р. Сундуков определяет местом совершения пиратства морскую или речную среду; причем «нахождение морского или речного судна в открытом море, на рейде или у причала, - по его мнению, - для квалификации рассматриваемого деяния значения не имеет»³. В.И. Ткаченко не разделяет моря на открытые и внутренние, а лишь указывает, что «хотя место и не названо в качестве признака состава преступления, им может быть море или озеро, либо река, а также рейд, причал или стоянка на берегу реки, озера»⁴.

Правильному решению вопроса об определении места совершения пиратства способствует, на наш взгляд, установление его предмета. Не случайно, в начале параграфа нами была рассмотрена проблема определения предмета пиратства и сделан вывод, им может быть (помимо чужого имущества) только морское, но не речное судно. Отсюда следует логический вывод, что и местом совершения пиратских действий может быть только

¹ Уголовное право. Особенная часть : учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. С. 386.

² См.: Аксенов О. А. Ответственность за преступления против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности по новому уголовному законодательству Российской Федерации. С. 70.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М. : Волтерс Клувер, 2005. С. 695-696.

⁴ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. С. 281.

морское пространство. Но сразу же возникает другой вопрос: какое именно море – открытое или территориальное – может признаваться местом пиратства? В.В. Хомчик считает, что «данное преступление может совершаться, по-видимому, только в открытом море, т.е. в месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства»¹. Аналогичную позицию занимает А.В. Кладков, который считает, что местом пиратства является «нейтральная зона, т.е. не находящаяся под юрисдикцией какого-либо государства»². В.С. Комиссаров, комментируя отсутствие в диспозиции ст. 227 УК РФ такого признака, как местонахождения судна, утверждает, что судно обязательно должно находиться за пределами государственной границы, ссылаясь при этом на международно-правовые акты³. М.С. Позднов, напротив, подчеркивает, что поскольку в уголовном законе России не воспринято ни одно из международных определений пиратства, то и для уяснения содержания его признаков не требуется обращение к Конвенциям по открытому морю и морскому праву⁴. Мнение более чем спорное.

Выше мы уже показали, что появление в российском уголовном законодательстве нормы об уголовной ответственности за пиратство есть результат влияния международного права; сам термин «пиратство» не свойственен отечественному законодательству. Более того, поскольку пиратство относится к преступлениям международного характера, то гармонизация норм международного и национального права просто необходима для достижения цели эффективного противодействия ему. Анализ различных точек зрения показывает, что основная проблема определения места совершения пиратства связана, во-первых, с отсутствием в диспозиции ст. 227 УК РФ прямого указания на этот признак, во-вторых, с

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. 13-е изд., перераб и доп. М.: Юрайт, 2013. С. 227.

² Уголовный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий / под ред. А. И. Рарога. М.: Библиотечка РГ, 2010. С. 390.

³ См.: Комиссаров В. С. Преступления против общественной безопасности. С. 57.

⁴ См.: Позднов М. С. Уголовно – правовые аспекты преступлений против общественной безопасности [Электронный ресурс] // Право и безопасность. 2004. № 4. URL: http://www.dpr.ru/pravo/pravo_10_11.htm (дата обращения: 12.12.2011).

несоответствием данной нормы международно-правовым актам о противодействии пиратству, в-третьих, невозможностью непосредственного применения при квалификации содеянного норм международного договора.

Полагаем, что сложившаяся ситуация является логическим продолжением спора об определении понятия пиратства. Поскольку на момент принятия УК РФ отечественный законодатель не был готов воспринять международно-правовой подход к определению пиратства, он пошел по пути наименьшей конкретизации признаков пиратства, в том числе путем неуказания на место его совершения. По мере развития международного права в части ответственности за пиратство, которое обусловлено масштабным распространением данного преступления, произошло уточнение ряда признаков его состава с целью отграничения пиратства от других преступлений. Включение в международные акты понятия «вооруженный разбой на море», как уже говорилось ранее, произошло не случайно. Именно место совершения преступления стало критерием разграничения пиратства и вооруженного разбоя на море. И если на международном уровне окончательно закрепились позиция, согласно которой местом совершения пиратства признается только открытое море, а также исключительная экономическая зона, а местом совершения вооруженного разбоя на море – территориальное море, то игнорировать этот подход на национальном уровне, по крайней мере, нерационально.

В отечественной уголовно-правовой науке ряд авторов уже давно высказывает мнение о том, что если нападение пиратов совершены в территориальных водах Российской Федерации, то они должны быть квалифицированы как разбой или грабеж либо как иное преступление в зависимости от обстоятельств¹. При этом подчеркивается, что хотя речь и идет «о действиях, тождественных пиратству, тем не менее, обстоятельства

¹ См.: *Нагаева Т. И.* Уголовно-правовая оценка нападения : дис... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 138; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. С. 551; Комиссаров В. С. Преступления против общественной безопасности. С. 57; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М. : ИНФРА-М : КОНТРАКТ, 2004. С. 372.

совершения нападения на судно иные: оно совершается в пространстве, контролируемом силами государства, существует больше возможностей оказать потерпевшим помощь и защиту, у преступников меньше шансов уйти от ответственности. Все это дает основания для вывода о меньшей степени опасности морского разбоя в территориальных водах государства»¹.

Позиция других специалистов, считающих, что местом совершения пиратства должно признаваться как открытое, так и территориальное море, основана на том факте, что большинство нападений на суда происходит именно в территориальном море, проливах, на рейдах портов². Так, М. Куршев утверждает, что за последние 10 лет 80% отмеченных в мире случаев нападений пиратов происходили в пределах территориальных вод, в гаванях, и на якорных стоянках, а отнюдь не в открытом море, что не позволяло ООН и другим международным институтам вмешиваться в развитие событий³. В.Ф. Сидорченко по данному поводу указывает, что «государства сотрудничают там, где совершается меньшая часть пиратских нападений, и не сотрудничают там, где пиратство буквально процветает»⁴. По его мнению, «ограничение захвата пиратских судов только районами открытого моря и морских пространств, находящихся вне государственной юрисдикции, является неоправданным, ибо строится на предположении, что все морские государства имеют возможность обеспечить борьбу с пиратством в своих водах собственными силами»⁵. Действительно, события в Аденском заливе показали, что далеко не все государства готовы и способны противодействовать пиратству собственными силами. Однако, не следует забывать, что международное сотрудничество в борьбе с пиратами, действующими в территориальном море какого-либо государства,

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко. М. : Спарк, 2004. С. 558; *Михеев В. Л.* Международно-правовое обеспечение борьбы с незаконными актами против безопасности морского судоходства : дис... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 107-108.

² См.: *Войтенко М.* Бандиты голубых дорог: преступление без наказания // Морские вести России. 2005. № 23-24. С. 20-21; *Светлова О.* По следам кровожадных флибустьеров // Человек и закон. 2006. № 1. С. 72-81.

³ *Куршев М.* Международные проблемы борьбы с морским пиратством // Уголовное право. 2001. № 4. С. 105.

⁴ *Сидорченко В. Ф.* Морское пиратство. С. 361.

⁵ *Сидорченко В. Ф.* Морское пиратство. С. 361.

осуществляется с учетом положений о государственном суверенитете¹. Даже в случае признания территориального моря местом пиратства (как фактически произошло в УК РФ и на чем продолжают настаивать авторы²) юрисдикция другого государства в отношении лиц, совершивших такие преступления, ограничена и может быть реализована только в случаях, предусмотренных ст. 12 УК РФ.

Решение вопроса об определении места совершения пиратства должно, по нашему мнению, основываться на следующем. Во-первых, исторический анализ показал, что вооруженный разбой на водном пространстве и ранее был известен российскому уголовному законодательству, следовательно, выделение его в современном уголовном законе не будет нарушать традиций развития отечественного уголовного права. Во-вторых, признание местом совершения пиратства открытого моря позволит устранить противоречия как между российским уголовным законодательством и нормами международного права, так и между нормами российского уголовного закона. В этой связи нам представляется необходимым конкретизировать в ст. 227 УК место совершения пиратства. Данный признак должен быть описан таким образом, чтобы не возникло нового противоречия между российским уголовным законодательством и международным правом. Обратим внимание, что в нормах Общей части УК РФ, регламентирующих действие уголовного закона в пространстве (ст. 11 УК), говорится об «открытом водном пространстве вне пределов Российской Федерации». В Конвенции по морскому праву используется термин «открытое море», под которым понимается «части моря, которые не входят ни в исключительную экономическую зону, ни в территориальное море или внутренние воды какого-либо государства, ни в архипелажные воды государства-архипелага» (ст. 86). Очевидно, что введение в уголовный закон (в данном

¹ Решение Совета Безопасности ООН, согласно которому государствам разрешено входить в территориальные воды Сомали в целях задержания пиратов, носит, как мы уже говорили, исключительный характер.

² См.: *Тодоров А. А.* Уголовно-правовая характеристика пиратства по российскому и зарубежному законодательству. С. 10.

случае – в ст. 227 УК) нового термина «открытое море» потребует усилий по его толкованию и приведет к определенному противоречию между нормами Общей и Особенной частей УК. Если же включить в ст. 227 УК термин, использованный в ст. 11 УК – «открытое водное пространство», то обнаружится несоответствие между российским уголовным законом и нормами международного права.

Весьма интересным в этой связи представляется исследование Фроловой А.И., которая пришла к выводу о целесообразности изменения редакции ст. 11 УК. В частности, она предлагает ч. 3 ст. 11 УК изложить следующим образом: «Лицо, совершившее преступление на водном судне, пользующемся правом плавания под Государственным флагом Российской Федерации, либо воздушном судне, зарегистрированном в Российской Федерации, находящемся *вне пределов территории, признанной международным правом в качестве принадлежащей какому-либо государству* (курсив наш – Ю.А.), подлежит уголовной ответственности по настоящему Кодексу, если иное не предусмотрено международным договором»¹. Свое предложение автор сформулировала с учетом положений уголовного законодательства зарубежных стран, в частности, Уголовного кодекса Дании². Соглашаясь в целом с позицией о необходимости конкретизации понятия «открытое водное или воздушное пространство», отметим все же, что предложенная редакция в части описания места нахождения судна не соответствует традициям российского законодательства, представляется нам сложной для восприятия. На наш взгляд, при описании места совершения пиратства необходимо использовать международно-правовой термин «открытое море», учитывая при этом его толкование, данное в Конвенции по морскому праву. Таким образом, местом

¹ Фролова А. И. Действие российского уголовного закона в пространстве : законодательная регламентация и перспективы ее совершенствования с учетом опыта уголовного законодательства зарубежных стран : автореф. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 14.

² См.: Ильина А. И. Действие уголовного закона в пространстве : соотношение национального законодательства и норм международного права // Право и государство : теория и практика. 2012. № 1. С. 123.

совершения пиратства должно признаваться открытое море. С нашей точкой зрения солидарны 68 % проанкетированных. Подкрепляется она и судебной практикой. В уже описанном случае нападения на сухогруз «Arctic Sea» местом совершения пиратства стала территория Балтийского моря вне юрисдикции какого-либо государства¹. Трудно представить вынесение приговора судом Российской Федерации, если бы это нападение было совершено в территориальных водах Королевства Швеция, на чем, кстати, настаивали осужденные по данному делу и их адвокаты.

Подводя итог вышеизложенному, отметим следующее:

1. Обязательным признаком состава пиратства является предмет, в качестве которого выступает водное судно и чужое имущество. Указание на речное судно как предмет пиратства, на наш взгляд, из диспозиции ст. 227 УК РФ необходимо исключить.

2. Водное судно – это самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях судоходства, проведения поисков, разведки и добычи полезных ископаемых, переработки добытых морепродуктов, выполнения иных подводных или надводных инженерно-технических работ. Водное судно имеет регистрационное название и (или) номер, укомплектовано экипажем, руководимым капитаном (или иным уполномоченным лицом) и отвечающее требованиям безопасности мореплавания. Определение водного судна целесообразно, по нашему мнению, закрепить в примечании к ст. 227 УК РФ.

3. Во исполнение международных обязательств Российской Федерации, подписавшей и ратифицировавшей Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе 1988 г., законодатель должен дополнить диспозицию ст. 227 УК РФ указанием на самостоятельный

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 22 июня 2011 г. № 1-О11-20 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Решения высших судов».

предмет пиратства – стационарные платформы. Содержание данного понятия должно раскрываться согласно нормам международного договора.

4. Несмотря на отсутствие в диспозиции ст. 227 УК РФ указания на место совершения преступления, данный признак является обязательной характеристикой объективной стороны состава пиратства. В силу специфики состава пиратства место его совершения можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, местом совершения пиратства признается водное пространство, в котором находится судно или стационарная платформа, являющиеся предметом посягательства. Во-вторых, местом совершения пиратства должно признаваться судно или стационарная платформа, которые подверглись нападению и на территории которых происходит завладение чужим имуществом.

5. Водное пространство как место совершения пиратства должно толковаться ограничительно с учетом положений международных договоров. В целях более точного определения пиратства необходимо конкретизировать территорию совершения нападения - открытое море.

3. Объективная сторона пиратства

Объективная сторона преступления – это тот элемент состава преступления, определение которого в теории уголовного права не вызывает серьезных дискуссий. Под объективной стороной преступления понимают, как правило, внешнее проявление преступного посягательства¹. Другими словами, именно в объективной стороне проявляется само преступное деяние и его антисоциальная суть. Как совокупность признаков, выраженных во вне, т.е. поддающихся восприятию, установлению и фиксации, объективная сторона, по справедливому замечанию В.Н. Кудрявцева, обычно наиболее

¹ См.: Уголовное право России. Часть Общая : учебник для вузов / отв. ред. проф. Л. Л. Кругликов. М. : Издательство БЕК, 2000. С. 137; Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений : закон, теория, практика. С. 86; Уголовное право России / под ред. Ф. Р. Сундунова. Казань : Издательство Казанского государственного университета, 2007. С. 205.

полно отражается в диспозиции статьи Уголовного кодекса¹. Состав пиратства в этом смысле не стал исключением, и его объективная сторона раскрыта в уголовном законе посредством описательной диспозиции. Однако при детальном изучении объективных признаков, указанных в ст.227 УК РФ, возникает ряд вопросов, заставляющих задуматься над необходимостью уточнения их содержания на законодательном и теоретическом уровнях.

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 227 УК РФ, объективная сторона пиратства выражается в нападении на морское или речное судно с применением насилия или угрозой его применения. Из законодательной дефиниции видно, что суть пиратства образуют две категории: «нападение» и «насилие». Они же использованы законодателем при описании признаков объективной стороны составов разбоя (ст. 162 УК РФ) и бандитизма (ст. 209 УК РФ). Но ни в одной из статей Особенной части УК РФ их содержание не раскрыто, поэтому раскрывается оно посредством судебного и доктринального толкования.

Так, понятие «нападение» определено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», согласно которому нападение понимается как «действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения»². Очевидно, что высшая судебная инстанция включила в содержание нападения признак насилия, что вполне соответствует значению слова «нападение» в русском языке. «Нападение» происходит от слова «напасть» - «броситься на кого-нибудь, что-нибудь с целью разгрома, уничтожения, нанесения ущерба»³. По В.И. Далю, «напасть» означает «приступать или наступать с насилием,

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 138.

² П. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. №1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С.2-3.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 310.

бросаться, кидаться»¹. Нападение означает «быстрое, стремительное действие, предпринятое против кого-, чего-либо с целью захвата, нанесения урона, ущерба и т.п.»². Обобщая, можно сделать вывод, что нападение характеризуется внезапным агрессивно-насильственным воздействием на объект нападения, т.е. нападение подразумевает применение насилия, и без насилия осуществление нападения невозможно.

Именно с этих позиций определяется нападение в юридической литературе. Некоторыми авторами нападение характеризуется как «внезапное психическое или физическое насилие, применяемое для захвата судна и преодоления сопротивления экипажа»³. По мнению других, нападение это «активное и неожиданное для экипажа или пассажиров морского или речного судна агрессивное действие, создающее реальную опасность немедленного насилия над личностью подвергшихся нападению с целью завладения чужим имуществом»⁴. А.С. Климов указывает, «что нападение представляет собой стремительные агрессивные действия, направленные на потерпевшего с целью завладения имуществом. Нападение на судно осуществляется внезапно, неожиданно - как открыто, так и тайно, путем заманивания в ловушку и т.д. При этом оно происходит как с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, так и неопасного»⁵. Как видим, большинство авторов проводят неразрывную связь между нападением и насилием, определяя первое через второе. В связи с этим в литературе высказано мнение, что одновременное указание в законе и на нападение, и на насилие объясняется неудачной редакцией закона⁶. Представляется, что для правильного решения вопроса необходимо разобраться с содержанием категории «насилие».

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. С. 446.

² Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 2. К - О. С. 376.

³ Уголовное право России. Особенная часть : учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. С. 385.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. М. : ТК Велби, Проспект, 2009. С. 488.

⁵ Климов А. С. Проблемы квалификации пиратства по Уголовному кодексу РФ // Внешнеторговое право. 2008. № 2. С.38.

⁶ См.: Иванцова Н. Разбой - насильственное хищение чужого имущества // Уголовное право. 2003. № 2. С.35.

В русском языке слово *насилие* означает «принуждение, неволя, нужда силованье; действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное»¹; «принудительное воздействие на кого-либо; притеснение, незаконное применение силы»². Как видим, ключевыми признаками насилия в его этимологическом значении являются совершение противозаконных действий против воли человека, на которого осуществляется воздействие. Поэтому в уголовно-правовой науке *насилие* определяется как «умышленное неправомерное причинение физического вреда другому человеку против или помимо его воли»³. Данное определение представляется неполным, поскольку не охватывает такую разновидность насилия, как психическое *насилие*, обозначаемое в законе словом «угроза». В диспозиции ст. 227 УК РФ слово «угроза» присутствует, а значит *насилие* при пиратстве не ограничивается только физическим. Более широкое понятие насилия предложено А.Р. Гегамовым: «насилие – это общественно опасное, противоправное, осознанное физическое и (или) психическое воздействие на организм другого человека, против или помимо его воли, которое причиняет или может причинять потерпевшему смерть, вред здоровью различной тяжести, физическую боль, или ограничивает личную свободу либо неблагоприятно воздействует на психику потерпевшего»⁴. Если взять за основу данное определение, то следует согласиться с вышеприведенным мнением об излишнем упоминании в законе одновременно двух понятий: нападения и насилия. В этом случае нападение поглощает *насилие*, которое выступает его внешним проявлением.

Однако применение к составу пиратства такой дефиниции насилия будет, на наш взгляд, существенно сужать содержание его объективных признаков. В диспозиции ст.227 УК РФ не указан объект насилия, но назван

¹ *Даль В. И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. С. 406

² *Словарь русского языка* : в 4-х т. Т. 2. К - О. С. 394.

³ *Шарапов Р. Д.* Физическое *насилие* в уголовном праве. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. С. 291.

⁴ *Гегамов А. Р.* Насильственные преступления против общественной безопасности и общественного порядка и уголовно-правовой механизм назначения справедливого наказания : дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 25.

объект нападения – судно. В юридической же литературе сложилось традиционное понимание объекта насилия – человек, хотя прямо из содержания нормы, закрепленной в ст. 227 УК РФ, это не вытекает. Не случайно поэтому, Т.И. Нагаева обращает внимание на то, что «средствами насильственного лишения или ограничения свободы передвижения атакуемого судна могут быть сбрасывание мин по курсу судна, его обстрел, таран, взятие на абордаж и т.д. В любом из этих случаев насилие применяется еще не к физическим лицам, а пока только к судну, однако сам характер нападения указывает на готовность нападающих применить насилие к членам экипажа и пассажирам судна»¹. Из этого она делает вывод, что объектом насилия может быть само судно, его конструктивные элементы, перевозимый судном груз или иное имущество. Данный подход, на наш взгляд, наиболее близок к отражению сущности пиратства как преступного посягательства, однако, он сомнителен в части применения термина «насилие» к судну или другому имуществу. Исходя из значения насилия в русском языке, его объектом трудно признать неодушевленный предмет.

Рассматривая пиратство как антисоциальное явление в историческом аспекте, мы пришли к выводу, что с момента своего возникновения пиратство всегда носило характер агрессии. Именно агрессивность пиратских нападений делало невозможным сопротивление им, чем во все времена пользовались пираты. Современное пиратство не утратило свою агрессивную сущность, напротив, характер агрессии усилился за счет расширения способов и средств нападения. Во время атаки пираты часто ведут себя крайне агрессивно и, не задумываясь, пускают в ход оружие. Нередки случаи убийств или тяжелых ранений, избиений и издевательств над членами экипажей судов и пассажирами². Так, 18 июня 1989 г. тайландские пираты напали на джонку со 150 нелегальными эмигрантами из Вьетнама. Отобрав ценности, пираты утопили беженцев, в том числе и малолетних детей. В

¹ Нагаева Т. И. Уголовно-правовая оценка нападения. С. 140-141.

² См.: Войтенко М. Бандиты голубых дорог : преступление без наказания. С. 20.

сентябре 1989 г. в территориальных водах Малайзии таиландские пираты убили и выбросили в море 35 человек. Чтобы скрыть следы преступления, они разрубили тела своих жертв винтами катеров¹. В марте 1987 г. в результате пиратского нападения на теплоход «Слуцк» Черноморского пароходства, следовавшего в сторону Вьетнама, был ранен старший механик. Один из нападавших глубоко вонзил нож в левое плечо и повернул в ране². 03 декабря 2004г. в Малаккском проливе произошло нападение на торговое судно под панамским флагом. При попытке оказания сопротивления капитан был ранен ножом в горло. Ему чудом удалось выжить³.

Анализ нападений сомалийских пиратов позволил выявить общую схему их действий, которую они используют в отношении неохраняемых судов: «к жертве бандиты подплывают на быстроходных океанских катерах, которые окружают судно со всех сторон. Затем следует короткая предупредительная пулеметная очередь... И все! Корабль можно считать захваченным»⁴.

Слово «агрессия» произошло от латинского «*aggressio*», что в переводе на русский язык означает нападение. Но в отличие от нападения агрессия рассматривается как более сложный социальный феномен, к определению которого сложилось несколько подходов: нормативный, психологический, эмоциональный, целевой, недифференцированный, многоаспектный и др. Несмотря на такое многообразие, можно выявить общую черту, присущую агрессии, признаваемую большинством специалистов: объектом агрессии может быть не только человек, но и неодушевленный предмет. Под агрессией понимается «целенаправленное деструктивное и наступательное поведение, нарушающее нормы и правила сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным или неодушевленным),

¹ См.: *Моджорян Л. А.* Терроризм на море. С. 16.

² *Гребельский П. Х.* Пиратские истории. С. 168-169.

³ *Светлова О.* По следам кровавых флибустьеров. С. 75.

⁴ *Невский И.* Современные пираты и их покровители [Электронный ресурс] // Информационно-аналитическое агентство Посольский приказ. URL: <http://www.postprikaz.ru/2012/08/sovremennye-piraty-i-ix-rokroviteli> (дата обращения: 15.06.2012).

причиняющее физический ущерб людям или вызывающее у них психический дискомфорт (отрицательные переживания, состояния напряженности, страха, подавленности и др.¹. На наш взгляд, именно такое определение агрессии отражает суть пиратства, подчеркивает ее разрушительный характер и неразрывную связь с насилием, позволяет более четко определить момент окончания преступления.

Агрессия как конструктивный признак пиратства признается и на международном уровне. Так, в рекомендациях, которые подготовлены Комитетом по безопасности на море ИМО, пиратское нападение определено как агрессивное приближение пиратского плавсредства к судну и применение пиратами оружия².

С учетом вышесказанного нападение можно определить как агрессивные действия, направленные на захват судна. Одновременное указание в диспозиции ч. 1 ст. 227 УК РФ на нападение и применение насилия излишне, поскольку нападение уже включает в себя насилие; нападение есть агрессия, а значит есть насилие. Признак агрессии подчеркивает разрушительный характер пиратских действий, объектом которых может быть как человек, так и само судно либо иное имущество. В силу прямого указания закона в процессе агрессивных действий, образующих объективную сторону пиратства, может быть применено как физическое, так и психическое насилие.

Ряд авторов, характеризуя нападение как конструктивный признак пиратства, указывают на скоротечность применения насилия к экипажу и пассажирам³. Полагаем, что сегодня данный признак утратил свою актуальность, поскольку пиратство все чаще сопровождается захватом заложников, которые могут удерживаться пиратами в течение нескольких

¹ См.: Ениколопо С. Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1. С. 64.

² См.: Наиболее эффективные методы защиты от пиратства, базирующегося на территории Сомали. 4 – редакция – август 2011 (НЭМ-4) / Циркуляр КБМ MSC.1/Circ/1339 // Сборник № 8 документов Международной морской организации (ИМО) : пиратство и вооруженный разбой против судов. М. : ФБУ «Служба морской безопасности», 2011. С. 175.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева, Ю. И. Скуратова. С. 585.

месяцев, как правило, до выполнения выдвинутого ими требования о выплате выкупа. Так, члены экипажа танкера М/Т *Cherry-2001* удерживались пиратами в течение месяца в ожидании выкупа в сумме 400 миллионов индонезийских рупей. Поскольку владелец танкера – компания PT Musim Masre начала торг по поводу суммы выкупа, то потеряв терпение пираты 4-х заложников застрелил, остальных сбросили за борт¹. Аналогичную позицию занимает М. Куршев, указывающий на «усиливающуюся насильственную составляющую природы современных инцидентов с участием пиратов, которые зачастую принимают форму захвата, и удержания судов на достаточно длительный период времени»².

При характеристике нападения выделяются такие его признаки, как «внезапность» и «неожиданность». П. Агапов считает, что «...данные признаки вовсе не являются обязательными, хотя, безусловно, характерны для большинства нападений. Нельзя не видеть и оценочного подхода к определению этих признаков»³. В.И. Ткаченко также полагает, что нападение «...при погоне может быть и не внезапное»⁴. Так, 25 января 2006 г. в 01 час 52 мин. в южной части Красного моря катер без огней начал преследовать проходящий мимо контейнеровоз, увеличив скорость до 35 узлов, подошел на дистанцию 15 кабельтовых. Контейнеровоз начал маневрировать и навел на катер прожекторы, после чего тот прекратил погоню⁵. В.Л. Григорян и В.И. Дмитриев приводят схожий случай, произошедший с судном «Донья Пасита», а именно «примерно через полтора часа после выхода из Себу где-то далеко впереди на море вдруг засветились два белых ярких огня... Мощные прожекторы вдруг сразу погасли и на их месте, на светлой

¹ См.: *Войтенко М. Д.* Современное пиратство не экзотика, а угроза миру [Электронный ресурс] // Морской бюллетень. URL: <http://www.odin.tc/disaster/terror.asp> (дата обращения: 10.02.2013)

² *Куршев М.* Международные проблемы борьбы с морским пиратством. С.105.

³ *Агапов П.* Уголовно-правовая характеристика нападений при бандитизме // Уголовное право. 2005. № 2. С. 6.

⁴ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. С.281.

⁵ Еженедельная сводка пиратских нападений // Морские вести России. 2006. № 3 - 4. С. 21.

поверхности моря появились темные очертания двух судов..., оба катера, находившиеся теперь совсем близко, замедлили ход»¹.

Представляется, что при обсуждении данного вопроса происходит смешение нескольких понятий: характер пиратского нападения, момент его начала и окончания. Пиратство как агрессия всегда неожиданно для объекта агрессии, что и объясняет его «успех» и результативность. Но после того, как агрессия началась, требуется определенное время для захвата судна. Именно в этот момент капитан и экипаж судна могут предпринять ряд действий, направленных на избежание захвата.

По вопросу окончания пиратства в юридической литературе высказано несколько мнений. Ряд авторов считают, что пиратством будет признаваться уже сам факт задержания судна, даже если иных актов насилия не последовало, и судно вскоре было освобождено. К оконченому пиратству ими приравнивается и попытка нападения на судно или преследование судна с целью его захвата². В качестве примера приводится ситуации с российским теплоходом «Александр Цюрупа», который подвергся пиратскому нападению в Южно-Китайском море. Судно находилось в 30 милях западнее филиппинского острова Лусон, когда его атаковали 5 быстроходных катеров. Искусно маневрируя, капитан теплохода не позволил пиратам приблизиться к судну и высадиться на него. Пираты после безуспешного двухчасового преследования сбавили скорость и отстали от теплохода³.

Другие авторы утверждают, что моментом окончания пиратства является момент окончания нападения, т.е. когда лицо применило физическое насилие к членам экипажа или пассажирам, а равно высказало угрозы о применении такого насилия⁴. С данной позицией трудно согласиться в связи с вышеизложенным пониманием нападения как

¹ Григорян В. Л. Пиратство, разбой и терроризм на море. С. 143-144.

² Коробеев А. И. Уголовно-правовая охрана безопасности мореплавания в СССР / науч. ред. Дагель П. С. Владивосток : Изд-во Дальневос. ун-та, 1984. С. 142-143; Комиссаров В. С. Ответственность за пиратство по Уголовному кодексу РФ [Электронный ресурс] // Сайт Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции НП «Центр научно-правовых инициатив Н.А. Лопашенко». URL: [http://sartraccs.ru/print.php?print_file=Pub/komissarov \(24-10-05\).htm](http://sartraccs.ru/print.php?print_file=Pub/komissarov%20(24-10-05).htm) (дата обращения: 22.07.2011).

³ Опять пираты // Правда. 1993. 19 фев.

⁴ См.: Миронов З. В. Уголовная ответственность за пиратство. С. 17.

агрессивных действий, которые могут быть совершены не только в отношении человека, но и самого судна. Кроме того, мы согласны с мнением о том, что состав пиратства носит не просто формальный, а усеченный характер¹. Под усеченным составом преступления в теории уголовного права понимают такой состав, где момент окончания преступления законодателем связывается с началом совершения самого деяния². Другими словами, момент окончания преступления в таких составах перенесен на стадии неоконченного преступления. Применительно к составу пиратству таким моментом выступает стадия покушения на преступление, поэтому преследование судна с целью его захвата уже свидетельствует об агрессии, т.е. начале нападения, а значит образует окончанный состав рассматриваемого преступления. Свидетельством начала агрессии, на наш взгляд, будут выступать действия капитана судна по маневрированию во избежание опасного сближения судов.

В связи с этим само перемещение судна, планирующего осуществить нападение, к месту нахождения предполагаемого предмета преступления, то есть судна, на которое будет осуществлено нападение, без начала агрессии, следует квалифицировать как приготовление к пиратству. Согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление лишь к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Поскольку основной состав пиратства относится к тяжким, а квалифицированные составы к особо тяжким преступлениям, то приготовительные действия к пиратству влекут уголовную ответственность.

Способы нападения и средства, используемые в его процессе, в законе не указаны, поскольку они могут быть самыми разнообразными. Как правило, для совершения нападения пираты используют другое судно, но не исключены ситуации, когда «пираты могут завладеть судном путем высадки

¹ См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Б. Т. Разгильдиева, А. Н. Красикова. С. 354.

² См.: Уголовное право России / под ред. Ф. Р. Сундунова. С. 180.

воздушного десанта»¹. И.И. Карпец считал, что «действия преступников, уничтожающих корабль и людей, на нем находящихся, путем налета с воздуха, скорее сходны с действиями террористов»². Но, во-первых, он описывал ситуации не по захвату судна, по его уничтожению; последнее, и на наш взгляд, следует оценивать как терроризм. Во-вторых, согласно современным международно-правовым актам, прежде всего, Протоколу о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, объективные признаки пиратства и терроризма совпадают. Следовательно, для правильного решения вопроса необходимо установить содержание целей, которые преследуют виновные, осуществляя нападение с летательных аппаратов. Если цель нападения (например, при обстреле судна с воздуха, с последующей высадкой десанта и захватом) – завладение чужим имуществом, то данные действия следует рассматривать как пиратство. Данное мнение разделяют и другие авторы³.

Таким образом, нападение на судно возможно, как и с других судов, плавающих средств, летательных аппаратов либо подводных судов, так и его пассажирами или членами экипажа. Например, 22 октября 1999 г. пираты захватили судно и экипаж приблизительно через 2 часа после выхода данного судна из индонезийского порта. Помощь пиратам оказал их сообщник, нанявшийся ранее в этом порту на судно⁴. По оценке описанной ситуации существуют и иные мнения. Например, отдельные авторы считают, что «пиратство заключается в нападении на судно лицом (лицами), находящимися вне этого судна. Действия лица из членов экипажа или пассажира, направленные на завладение имуществом, находящимся на судне,

¹ *Моджорян Л. А.* Терроризм на море. С. 36.

² *Карпец И. И.* Преступления международного характера. М. : Юридическая литература, 1979. С. 182.

³ *Комиссаров В. С.* Ответственность за пиратство по Уголовному кодексу РФ [Электронный ресурс] // Сайт Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции НП «Центр научно-правовых инициатив Н.А. Лопашенко». URL: [http://sartracc.ru/print.php?print_file=Pub/komissarov\(24-10-05\).htm](http://sartracc.ru/print.php?print_file=Pub/komissarov(24-10-05).htm) (дата обращения: 22.07.2011).

⁴ См.: *Куршев М.* Международные проблемы борьбы с морским пиратством. С. 125.

либо самим судном, подлежат квалификации по ст.161, 162 или 211 УК»¹. Данный подход объясняется наличием в Особенной части статей, описывающих смежные с пиратством составы (ст.ст. 161, 162, 211 УК РФ). Проблема разграничения данных составов очень непроста для однозначного решения и будет рассмотрена нами в отдельной главе. Здесь же отметим, что в любом случае проводить разграничение между ними по признаку, каким именно лицом совершено преступление (посторонним или членом экипажа), неверно хотя бы потому, что в перечисленных составах описаны признаки общего субъекта, которые не могут служить критерием отграничения одного состава от другого. И в этой связи представляется обоснованным мнение А.И. Коробеева, подчеркивающего, что «морским пиратством необходимо признать как нападение с целью захвата другого судна, лиц, имущества, находящегося на его борту, так и завладение (попытку завладения) данным судном его пассажирами или членами экипажа»².

Очень важными, на наш взгляд, при рассмотрении объективной стороны пиратства являются упоминавшиеся выше рекомендации Комитета по безопасности на море ИМО. Характеризуя объективные признаки пиратства Комитет сформулировал такое понятие, как «незаконное проникновение на судно», под которым понимается высадка пиратов на судно без взятия его под свой контроль, когда управление судном остается у капитана³. Разъяснения весьма интересны как с практической позиции (очевидно, они вызваны конкретными ситуациями, имевшими место во время пиратских нападений), так и с позиций законодательной регламентации объективных признаков пиратства. Полагаем, что действующая редакция ст. 227 УК РФ может создать сложности при оценке таких ситуаций

¹ Комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Л.Л. Кругликов. С. 696.

² Коробеев А. И. Уголовно-правовая охрана безопасности мореплавания в СССР. С. 142-143.

³ См.: Наиболее эффективные методы защиты от пиратства, базирующегося на территории Сомали. 4 – редакция – август 2011 (НЭМ-4) / Циркуляр КБМ MSC.1/Circ/1339 // Сборник № 8 документов Международной морской организации (ИМО) : пиратство и вооруженный разбой против судов. С. 175

(получивших название «цидатель»¹), поскольку в общую характеристику состава преступления они «вписываются» с трудом: нападение как будто бы и произошло, но при этом контроль над судном сохраняет капитан. На наш взгляд, это проявление пиратства требует самостоятельного описания в ст. 227 УК РФ.

Характер применяемого при пиратстве насилия в диспозиции ст.227 УК не указан. При системном толковании уголовно-правовых норм можно сделать вывод, что насилие в уголовном законе делится на не опасное для жизни или здоровья и опасное для жизни или здоровья. В судебной практике под насилием, не опасным для жизни и здоровья, понимаются побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.). Насилие, опасное для жизни и здоровья, предполагает причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности². Представляется, что применительно к составу пиратства законодатель не уточнил характер насилия намеренно, т.к. это преступление может быть сопряжено с любым насилием. Характер насилия, таким образом, на наступление уголовной ответственности не влияет, но имеет значение для квалификации пиратства.

В процессе уголовно-правовой оценки пиратского нападения необходимо решить, требуется ли квалификация содеянного по совокупности преступлений или нет. В теории уголовного права такая ситуация называется конкуренцией части и целого, которая решается в пользу целого³. Норма,

¹ См.: Ромашев Ю. С. Борьба с пиратством и вооруженным разбоем на море (правовые основы и практика). М.: ТрансЛит, 2013. С. 52.

² См.: п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 06 февраля 2007 г. № 7, 23 декабря 2010 г. № 31) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2; 2007. № 5; 2011. № 2.

³ См.: Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. С. 296-297.

закрепленная в ст. 227 УК РФ, с наибольшей полнотой описывает признаки пиратства, следовательно дополнительной квалификации по иным нормам, описывающим тот или иной вид насилия, не требуется. В судебной практике данное правило существенно скорректировано, поскольку решение вопроса о квалификации по совокупности преступлений зависит от характера насилия. Так, применительно к составу изнасилования и разбоя высшей судебной инстанцией сформулированы следующие рекомендации¹. Если в процессе совершения преступления к потерпевшему применялось насилие, не опасное для жизни и здоровья, либо ему причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, то содеянное квалифицируется по статье, описывающей признаки данного преступления. Если же потерпевшему причиняется тяжкий вред здоровью, то содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений (в отношении изнасилования) либо по квалифицирующему признаку (в отношении разбоя). Такая рекомендация основана, скорее, на сопоставлении санкций соответствующих статей Особенной части и стремлении обеспечить соблюдение принципа справедливости.

Эти же правила специалисты предлагают применять и при квалификации пиратства: «если в процессе пиратства, сопряженного с насилием, здоровью причиняется тяжкий вред, то содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ст. 227 и 111 УК»². Другие авторы полагают, что умышленное причинение тяжкого вреда здоровью требует дополнительной квалификации только при наступлении отягчающих

¹ См.: п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2013 г. № 18) // Российская газета. 2004. 29 июня; 2013. 21 июня; п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 06 февраля 2007 г. № 7, 23 декабря 2010 г. № 31) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2; 2007. № 5; 2011. № 2.

² Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. С. 281; Уголовное право России / под ред. А. И. Рарога. С. 489.

обстоятельств (ч.3 и 4 ст.111 УК)¹. Иного мнения придерживается Ф.Р. Сундуров, полагая, что «если при пиратстве причиняется тяжкий вред здоровью, то деяние, по его мнению, необходимо квалифицировать по ч. 3 ст. 227 УК как иные тяжкие последствия»². Согласиться с этим мнением трудно хотя бы потому, что в ч. 3 ст. 227 УК РФ речь идет о неосторожном причинении иных тяжких последствий. Характеризуя основной состав пиратства, мы исходим из целенаправленности преступных действий, что предполагает умышленную форму вины.

В.С. Комиссаров полагает, что применяемое при пиратстве насилие подразумевает причинение тяжкого вреда здоровью³. Некоторые авторы полагают, что дополнительная квалификация необходима, если в ходе пиратских действий был причинен тяжкий вред здоровью двух или более лиц (п. «б» ч. 3 ст. 111 УК), поскольку санкция ч. 3 ст. 111 УК более строгая, чем санкция ч. 1 ст. 227 УК. Другие случаи причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего (в силу того, что санкция ч. 1 ст. 227 УК предусматривает более строгое наказание, чем санкции, указанные в ч. 1 и 2 ст. 111 УК) охватываются понятием насилия при пиратстве⁴.

Действительно, сравнение санкций ч. 1 ст. 227 и ч. 1 ст. 111 УК РФ показывает, что законодатель признает повышенную степень общественной опасности пиратства: наказание за простой состав этого преступления и по нижнему, и по верхнему пределам гораздо строже, чем наказание за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Таким образом, следуя общетеоретическому правилу и принципу справедливости, содеянное

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. С. 489.; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. В.Наумов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2000. С. 567.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный / отв. ред. Л. Л. Кругликов. С. 695.

³ *Комиссаров В.С.* Ответственность за пиратство по Уголовному кодексу РФ [Электронный ресурс] // Сайт Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции НИП «Центр научно-правовых инициатив Н.А. Лопашенко». URL: [http://sartraccc.ru/print.php?print_file=Pub/komissarov\(24-10-05\).htm](http://sartraccc.ru/print.php?print_file=Pub/komissarov(24-10-05).htm) (дата обращения: 22.07.2011); Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. С. 567.

⁴ Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел / под ред. А. В. Галаховой. С. 83.

следует квалифицировать только по ст. 227 УК РФ даже в случае причинения тяжкого вреда здоровью. Однако, тот же принцип справедливости не позволяет одинаково оценить пиратство, сопряженное с побоями, и пиратство, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью. Безусловно, уголовная ответственность за данные преступления должна быть дифференцирована по степени их общественной опасности. Такая дифференциация возможна, на наш взгляд, путем выделения в ч. 2 ст. 227 УК РФ квалифицирующего признака: «повлекшего причинение тяжкого вреда здоровью».

Из судебного толкования понятия «насилие, опасное для жизни или здоровья» следует, что оно не охватывает причинение смерти потерпевшему. Соответственно, убийство, совершенное во время пиратского нападения, требует дополнительной квалификации по соответствующей части ст. 105 УК РФ. Полагаем, что здесь всегда будет присутствовать признак группового совершения преступления (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ); возможны и другие квалифицирующие признаки, например, из корыстных побуждений (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и др.

Понятие насилия ни в его доктринальном, ни судебном толковании не включает в себя совершение насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы (ст.ст. 131, 132 УК РФ). Совершение таких преступлений во время пиратского нападения образует реальную совокупность преступлений и требует дополнительной квалификации по указанным статьям Особенной части.

Вопрос о квалификации по совокупности преступлений возникает и в тех случаях, когда в ходе или после нападения пираты умышленно вывели из строя оборудование судна, повредили или уничтожили судовое имущество (помимо того, которое было захвачено ими) либо затопили судно. Как мы уже отмечали выше, насилие при пиратстве может применяться и в отношении имущества, прежде всего, судна. Отсюда следует, что причинение вреда судну также охватывается составом пиратства, если эти

действия выступают частью пиратской атаки. Если же захват судна осуществлялся с целью завладения другого имущества, а судно было уничтожено (потоплено, взорвано и т.д.) после достижения преступной цели, то содеянное, на наш взгляд, требует дополнительной квалификации по ст. 167 УК.

Как уже подчеркивалось нами выше, пиратство совершается с применением не только физического, но психического насилия, которое в законе выражается словосочетанием «угроза применения насилия». О.В. Коростылев отмечает, что угрозе присуща не только возможность, но и намерение нанесения ущерба¹. Аналогичную позицию высказывает и А.В. Гыскэ, определяющий угрозу как «актуализированную форму опасности в процессе ее превращения из возможности в действительность»².

В юридической литературе предлагается классифицировать угрозу в зависимости от момента возможной реализации на два вида: наличная угроза и угрозой с отсрочкой исполнения³. При этом отмечается, что «вид угрозы не должен иметь значения для квалификации насильственного преступления»⁴. Применительно к составу пиратства с таким суждением согласиться нельзя, т.к. угроза применения насилия при пиратском нападении должна быть наличной. Если угроза не предполагает немедленного применения насилия при пиратстве, то отсутствует та агрессия, которая и образует стержень пиратского нападения. Наша позиция пусть и косвенно, но подтверждается судебной практикой. Ранее мы уже цитировали позицию Пленума Верховного Суда РФ относительно дефиниции «нападение», которую он изложил в своем постановлении № 1 от 17 января 1997 г. Сейчас лишь подчеркнем, что нападение высшая судебная инстанция связывает с действиями, которые направлены на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания *реальной*

¹ См.: Коростылев О. И. Уголовно-правовая характеристика угрозы. Ставрополь, 2007. С. 22.

² Гыскэ А. В. Борьба с преступностью в системе обеспечения внутренней безопасности российского обществ. М. : Прогрессивные биомедицинские технологии, 2001. С. 39.

³ См.: Шаранов Р. Д. Вопросы квалификации преступных угроз // Уголовное право. 2006. № 1. С. 59.

⁴ Шаранов Р. Д. Для чего создается банда? // Российский следователь. 2000. № 3. С. 21.

(курсив наш – Ю.А.) угрозы его немедленного применения¹. Аналогичную позицию занял Пленум Верховного Суда РФ и при толковании норма, устанавливающих уголовную ответственность за изнасилование и насильственные действия сексуального характера. В частности, Пленум пояснил, что при квалификации преступлений по п. «б» ч. 2 ст. 131, 132 УК под угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью следует понимать прямые высказывания и иные угрожающие действия, в которых выражалось намерение *немедленного* (курсив наш – Ю.А.) применения физического насилия к потерпевшему или другим лицам².

Таким образом, если пиратство сопряжено с угрозой применения насилия, то она должна носить наличный и реальный характер и может быть высказана как членам экипажа судна, подвергшегося пиратскому нападению, так и иным лицам (пассажирам, лицам, сопровождающим груз и др.). При этом не имеет принципиального значения форма ее внешнего проявления: словесно, жестами, демонстрацией оружия и т.д. Важно, чтобы угроза, выраженная в той или иной очевидной для потерпевшего форме, оказала такое негативное воздействие на его сознание, что привело к подавлению его воли, вызвало страх и убеждение, что она будет незамедлительно реализована, если виновный встретит какое – либо противодействие.

Подводя итог вышесказанному, отметим следующее:

1. В уголовном законе пиратство как деяние определяется двумя категориями: «нападение» и «насилие», при этом одна из них (насилие) является сутью другой (нападение). Следовательно, упоминание в ч. 1 ст. 227 УК РФ насилия в качестве самостоятельного признака пиратства излишне, поскольку нападение и есть насилие.

¹ П. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2013 г. № 18) // Российская газета. 2004. 29 июня; 2013. 21 июня.

2. Пиратство как преступное деяние во вне проявляется в агрессии – сложном социальном феномене, имеющем многоаспектное содержание. Агрессия предполагает разрушительное, наступательное поведение, насильно воздействующее как на одушевленные, так и неодушевленные объекты.

3. Нападение в составе пиратства можно определить как агрессивные действия, направленные на захват судна. Признак агрессии подчеркивает насильственный характер пиратских действий, объектом которых может быть как человек, так и само судно либо иное имущество.

4. Самостоятельной разновидностью пиратской агрессии является незаконное проникновение пиратов на судно с целью последующего взятия его под контроль. Учитывая специфику проявления пиратства в таких ситуациях, данное деяние, по нашему мнению, должно быть указано в диспозиции ч. 1 ст. 227 УК РФ.

5. Состав пиратства является усеченным, то есть признается оконченным с момента проявления агрессии по отношению к судну. Фактически это проявляется в таких действиях, которые заставляют капитана судна предпринимать маневры, направленные на то, чтобы избежать опасного сближения с пиратским судном.

6. Поскольку насилие включено в состав пиратства, фактическое применение насилия не требует дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против здоровья человека, что подтверждается сравнительным анализом санкций соответствующих статей. Однако для того, чтобы обеспечить соблюдение принципа справедливости целесообразно причинение тяжкого вреда здоровью включить в качестве квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 227 УК РФ.

4. Субъективные признаки пиратства

Исследование объективных признаков состава преступления не позволяет составить его полную всестороннюю характеристику, поскольку

эти признаки не раскрывают внутреннего механизма поведения человека, решившегося на нарушение уголовно-правового запрета. Поэтому состав преступления в теории уголовного права рассматривается не как простой набор признаков, а как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных объективных и субъективных признаков, характеризующих совершенное деяние как конкретное преступление. Субъективные признаки состава преступления обеспечивают формирование четкого представления о его сущности, месте данного состава в системе преступлений, отличии его от других составов преступлений. Сказанное в полной мере относится и к составу пиратства, субъективные признаки которого во многом определяют квалификацию. Рассмотрим, прежде всего, признаки, характеризующие субъекта пиратства.

Из буквального толкования диспозиции ст. 227 УК РФ следует, что состав данного преступления предусматривает так называемого общего субъекта, под которым в науке уголовного права традиционно понимается физическое вменяемое лицо, совершившее общественно опасное деяние и достигшее на момент его совершения установленного уголовным законом возраста¹. Некоторые ученые понятие субъекта преступления связывают со способностью лица нести уголовную ответственность за совершенное преступление². Эта способность зависит от соответствия лица, совершившего общественно опасное деяние, признакам, указанным в уголовном законе. Следовательно, уголовно-правовая характеристика субъекта преступления требует анализа содержания его признаков. И здесь следует отметить, что практически все признаки субъекта преступления, названные в уголовном законе, - физическое лицо, возраст уголовной ответственности, вменяемость - подвергаются переосмыслению, находятся в центре обсуждения, споров.

Самая активная и серьезная дискуссия, которая продолжается уже не

¹ См.: Уголовное право России : курс лекций : в 6 т. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Т. 2. С. 280; Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений : закон, теория, практика. С. 120.

² См.: Рагоз А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. С. 243.

одно столетие, связана с признанием отечественным законодателем в качестве субъекта преступления только физического лица. В противовес догме о личном характере уголовной ответственности в уголовно-правовой науке сформировалась теория уголовной ответственности юридических лиц, которая в настоящее время активно развивается и приобретает вполне конкретные очертания¹. Авторы одной из самых фундаментальных работ по данной проблематике, изданных в последнее время, профессор Ю.И. Бытко и А.Л. Дядькин, весьма убедительно доказывают необходимость законодательного закрепления уголовной ответственности юридических лиц, подчеркивая при этом, что «...институт уголовной ответственности юридических лиц не представляет загадки. Он противоречив лишь в своем внешнем историческом развитии»². Надо отметить, что применительно к составу пиратства проблема признания субъектом уголовной ответственности юридического лица не столь актуальна, как в отношении других групп преступлений (например, экологических или экономических). Однако в рамках борьбы с пиратством данная проблема приобрела определенную специфику, которая проявилась в ситуации нападения на стационарную платформу «Приразломная». Как известно, все нападающие являются либо сотрудниками, либо членами, добровольцами «Гринпис» - международной неправительственной экологической организации, которая руководствуется в своей деятельности принципами независимости, ненасильственности и протеста действием. «Мы верим в протест, который приносит результаты» - так объясняются те формы и методы работы,

¹ В марте 2011 г. Следственным комитетом РФ был разработан и предложен для обсуждения проект ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=1273> (дата обращения: 12.09.2011); ровно через два года Следственный комитет РФ повторно вышел с данной законотворческой инициативой [Электронный ресурс] // Ньюс-НН.ру. URL: <http://www.newsnn.ru/news/100498> (дата обращения: 16.03.2013).

² *Бытко Ю. И., Дядькин А. Л.* Формула уголовной ответственности юридических лиц : история и современность. Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2012. С. 175.

которые используются организацией, на ее официальном сайте¹. Поскольку первоначальная квалификация действий участников нападения по ст. 227 УК РФ была изменена, и их действия переквалифицированы на ст. 213 УК РФ, то наши дальнейшие рассуждения будут носить сугубо теоретический характер. Допуская законодательное закрепление института уголовной ответственности юридических лиц, зададимся вопросом: в случае оставления квалификации без изменения, существовала бы возможность привлечения к уголовной ответственности за пиратство указанной международной организации? Полагаем, что нет, прежде всего, из-за отсутствия механизма реализации любой меры уголовно-правового воздействия на такое юридическое лицо. В частности, ни одна из мер, предусмотренных законопроектом, в данной ситуации применена быть не может. Основная причина заключается в отсутствии международно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность юридического лица за пиратство. Даже изменение национального законодательства не позволит решить этот вопрос положительно. Таким образом, проблема уголовной ответственности юридических лиц выходит за рамки сугубо национальной, по крайней мере, в сфере борьбы с пиратством она требует создания соответствующей международно-правовой базы.

Вопрос о коллективной ответственности за пиратство встает и в тех случаях, когда эта преступная деятельность санкционируется государством. Исторический анализ, проведенный нами выше, позволяет сделать вывод, что государства использовали пиратов для решения своих геополитических задач. И эта практика не ушла в прошлое полностью. В XX в. пиратство в ряде стран имело квазиофициальную природу (например, Филиппины и КНР)². И сегодня, по мнению специалистов, в определенных регионах пиратство процветает благодаря неофициальной поддержке официальных

¹ См.: Greenpeace Гринпис России [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/about/> (дата обращения: 08.10.2013).

² См.: *Атнашев В.* Пиратство в Южно-Китайском море : проблемы и опыт противодействия [Электронный ресурс] // Морские вести России. 2012. № 15. URL: http://www.morvesti.ru/analytics/index.php?ELEMENT_ID=17445 (дата обращения: 18.11.2012).

властей, хотя внешне это выглядит как неспособность противодействовать пиратству¹. Весьма наглядной в этом плане выглядит ситуация в Аденском заливе. Власти сомалийских автономий (Пунтленд, Гальмудуг, Химан и Хеб), с территорий которых и действуют пираты (среди них и служащие береговой охраны), не только не контролируют обстановку на побережье, но и не проявляют активности в борьбе с пиратством². И такая политика дает свои плоды. В частности, город Харадхире, расположенный на расстоянии 400 км от столицы Сомали Могадишо, ранее был маленькой рыбацкой деревней; в настоящее время это стремительно растущий город, который строится и развивается за счет выкупов от захваченных пиратами судов³.

Проблема уголовной ответственности государства носит международно-правовой характер; ее обсуждение привело к формированию доктрины международной уголовной ответственности государства. Один из основоположников доктрины румынский ученый В. Пела еще в первой половине прошлого столетия утверждал, что уголовная ответственность государств в международном праве уже существует, полное ее признание значительно бы повысило эффективность международного права⁴. Однако до настоящего времени нормы об уголовной ответственности государств в международном праве так и не появились, что объясняется сугубо политическими причинами. Таким образом, государственная политика, направленная на поддержание пиратства как преступной деятельности, сегодня остается за рамками уголовно-правовой оценки. Более того, в Конвенции 1982 г. особо подчеркнуто, что субъектом пиратства может быть член экипажа или пассажир только частновладельческого судна или

¹ См.: Дичек А., Бондаренко И. Пиратство – угроза международной стабильности [Электронный ресурс] // Российские вести. 2012. 22-28 ноября. № (31) 2106. URL:<http://www.rosvesty.ru/2106/first/8612-piratstvo-ugroza-mejdunarodnoy-stabilnosti> (дата обращения: 12.12.2012).

² См.: Ромашев Ю. С. Борьба с пиратством и вооруженным разбоем на море (правовые основы и практика). С. 103.

³ См.: Дичек А., Бондаренко И. Пиратство – угроза международной стабильности [Электронный ресурс] // Российские вести. 2012. 22-28 ноября. № (31) 2106. URL:<http://www.rosvesty.ru/2106/first/8612-piratstvo-ugroza-mejdunarodnoy-stabilnosti> (дата обращения: 12.12.2012).

⁴ См.: Смирнова Е. С. Перспективы решения проблем, связанных с морским пиратством в XXI веке // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2013. № 4. С. 16.

частновладельческого летательного аппарата. Таким образом, в международном праве проведена четкая грань между политикой государства и поведением пирата; последний, как вытекает из смысла ст. 110 Конвенции 1982 г., не может действовать от имени и по поручению государства. Другими словами, применительно к субъекту пиратства необходимо устанавливать такой признак, как «частное лицо». При этом «не имеет значения ни принадлежность судна, ни характеристика его собственника»¹, важно установить лишь одно – лицо действует по собственной инициативе, собственному усмотрению, «на свой страх и риск».

По вопросу оценки нападения на судно, которое лицо совершает по специальному полномочию государства, в теории международного права не сложилось единого мнения. Ряд авторов считает возможным квалифицировать такие действия как пиратские², поэтому в юридической литературе используется термин «государственное пиратство»³. Другие, напротив, признают необоснованным введение в международное право данного термина⁴. Большинство ученых склонно оценивать такие действия как акт агрессии. Так, Л.Н. Галенская отмечает, что «невозможно оспаривать противоправность нападений государственных судов и военных кораблей на суда других стран в открытом море. Однако бороться с такими действиями надо не путем подведения их под понятие пиратства, обычного уголовного преступления, а квалифицировать их как акты агрессии, то есть как опаснейшие международные преступления, чреватые угрозой миру и безопасности народов. Как и любые другие акты агрессии, нападения такого рода должны влечь за собой политическую и материальную ответственность государств и уголовную ответственность непосредственных исполнителей»⁵.

¹ Князева Н. А. Пиратство : уголовно-правовая характеристика и вопросы предупреждения / под ред. А. И. Коробеева. М. : КОНТРАКТ, 2012. С. 74.

² См.: Большой юридический словарь / ред. А. Я. Сухарев, В. Д. Зорькин, В. Е. Крутских. М. : ИНФРА-М, 1997. С. 486.

³ См.: Колодкин А. Л. Правовой режим территориальных вод и открытого моря. М. : Морской транспорт, 1961. С. 105

⁴ См.: Брунер Р. А., Галлиев Р. С. Проблема разграничения понятий «морское пиратство» и «государственное пиратство» // Современное право. 2013. № 2. С. 131.

⁵ Галенская Л. Н. Международная борьба с преступностью. М. : Международные отношения, 1972. С. 88

При рассмотрении данного признака субъекта пиратства нельзя обойти вниманием вопрос о квалификации действий повстанцев (в современной терминологии – оппозиционеров), которые, захватив военное судно, совершают нападения на другие суда. По мнению А.И. Коробеева, «военные корабли и государственные суда приравниваются к пиратским только в том случае, если их экипаж поднял восстание и захватил контроль над этим объектом. Не вызывает сомнения, что с момента захвата они теряют статус военных кораблей или государственных судов»¹. Эта позиция не подкреплена международно-правовой практикой, оценивая которую Я. Маховский отмечал, что «военные корабли, находящиеся в руках повстанцев или непризнанного правительства, хотя и не провозглашенные в принципе прежними правительствами пиратскими кораблями, не считались, как правило, таковыми до тех пор, пока они не совершали насильственных действий против граждан и собственности»². Так, в 1929г. государства отказались признать пиратством действия венесуэльских повстанцев, которые захватили германское судно «Фальке», направлявшееся в Венесуэлу с грузом оружия. В 1961г. португальские повстанцы захватили португальское судно «Санта-Мария»; Португалия объявила судно пиратским, однако другие государства не рассматривали его в таком качестве. Таким образом, в межгосударственных отношениях сложилась практика, когда государства не признают повстанческие суда в качестве пиратов в силу только самого факта захвата судна повстанцами³. Но в случае совершения такими лицами нападений на другие суда, их действия должны оцениваться иначе. Не признавать их пиратством оснований уже нет, поскольку статус судна в связи с действиями мятежников (повстанцев, оппозиционеров) изменился; поведение лиц, захвативших судно и совершающих посредством него нападения на другие суда, носит частный характер.

Следующий признак субъекта преступления – возраст – также

¹ Коробеев А. И. Уголовно-правовая охрана безопасности мореплавания в СССР. С. 62.

² Маховский Я. История морского пиратства. С. 279-280.

³ Галенская Л. Н. Международная борьба с преступностью. С. 88-89.

вызывает многочисленные дискуссии, которые в определенной степени затрагивают и состав пиратства. Согласно уголовному закону уголовная ответственность за пиратство наступает с 16 - летнего возраста. Это так называемый общий возраст уголовной ответственности, который с момента принятия УК РФ 1996 г. (да и в процессе его разработки) вызывал противоречивые мнения. Так, в одном из проектов УК, разработчиками которого являлись Министерство юстиции РФ и Государственно-правовое управление Президента РФ, предлагалось установить общий возраст уголовной ответственности с 14 лет; авторы при этом ссылались на «криминологические показатели этой категории преступности и результаты исследования возрастной психологии специалистами»¹. Это предложение, равно как и другие (в частности, установить уголовную ответственность с 12 лет), не были поддержаны в процессе принятия УК РФ, хотя они по-прежнему регулярно озвучиваются учеными² и обсуждаются депутатами³.

Основной аргумент сторонников снижения возраста уголовной ответственности – омоложение преступности, рост числа общественно опасных деяний, совершаемых подростками в возрасте до 14 лет. Среди таких деяний находится и пиратство; факты совершения пиратских нападений малолетними лицами носят не единичный характер. Проблема сомалийского пиратства как социального явления привлекла к себе внимание специалистов и общественности в целом, в том числе и тем обстоятельством, что активными участниками пиратской деятельности в этом районе стали дети. Впервые об этом было упомянуто в СМИ в 2009 г. после задержания ВМС Индии 61 пирата, 25 из которых оказались младше 15 лет, еще 4

¹ См.: Дементьев О. М., Копылова О. П. Проблемы возраста уголовной ответственности : лекции к курсу. Тамбов : Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. С. 21.

² См.: Спасенников Б. А. Субъект преступления : уголовно-правовой и медико-психологический аспекты : автореф. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 17.

³ В частности, в 2012 г. группа депутатов Государственной Думы РФ разрабатывала законопроект о снижении общего возраста уголовной ответственности до 14 лет, за ряд преступлений – с 12 лет (более подробно см.: Гилинский Я. И. Возраст уголовной ответственности [Электронный ресурс] // Crimpravo.ru – научная сеть. URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/1731.html> (дата обращения: 03.04.2012); Козлова Н. Порог детской жестокости [Электронный ресурс] // Российская газета № 5719 от 02 марта 2012 г.. URL: <http://www.rg.ru/2012/03/02/otvetstvinnost.html> (дата обращения: 05.03.2012).

достигли лишь 11-летнего возраста¹. Последующая практика военного противостояния с пиратами и их задержания показала, что совершеннолетние пираты масштабно и вполне «успешно» используют несовершеннолетних лиц в своей преступной деятельности. По неофициальным данным, до 1/3 всех пиратов в Сомали составляют подростки в возрасте до 18 лет². Их вовлечение в пиратскую деятельность очень выгодно взрослым пиратам: для несовершеннолетних пиратство окутано завесой романтики, поэтому они легко соглашаются на совершение преступления за очень скромное вознаграждение. Наиболее же веская причина привлечения к пиратским нападениям детей и подростков – это ненаступление для них уголовной ответственности, поскольку в подавляющем большинстве случаев задержание малолетних пиратов заканчивается тем, что их отпускают без применения каких-либо уголовно-правовых мер.

Однако, описанная ситуация, на наш взгляд, не дает основания для критической оценки позиции законодателя, установившего общий возраст уголовной ответственности с 16 лет. Напротив, нам она представляется хорошо взвешенной и обоснованной, в том числе самим понятием возраста и моментом достижения социальной зрелости, с которым и связывается возможность наступления уголовной ответственности. Под возрастом в возрастной психологии понимается период развития человека, который характеризуется качественными изменениями в физических и психических процессах, подчиненный особым закономерностям в их протекании³. Как показывают исследования и наблюдения к 16-17 годам (период ранней юности или вторая фаза подросткового возраста) у подростка формируется самоопределение, основанное на устойчиво сложившихся интересах и стремлениях, складывающемся мировоззрении⁴. Соответственно в этом

¹ См.: Плеханов И. Дети – пираты [Электронный ресурс] // Альманах «Искусство войны». URL: <http://www.navoine.ru/pirate-kids.html> (дата обращения: 16.03.2013).

² См.: Плеханов И. Дети – пираты [Электронный ресурс] // Альманах «Искусство войны». URL: <http://www.navoine.ru/pirate-kids.html> (дата обращения: 16.03.2013).

³ См.: Щукина Г. И. Возрастные особенности школьника. Л., 1995. С. 3.

⁴ См.: Божович Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе (III) / Психология личности. Т. 2. Самара : Издательский Дом «БАХРАХ», 1999. С. 141-142.

возрасте подросток готов к принятию социально значимых решений, осознавая суть своих поступков и их последствия, т.е. способен правильно оценивать избираемый вариант поведения. Как было показано выше, пиратство носит сложный социально-правовой характер, в связи с чем и обществом, и государством в разные исторические эпохи оно оценивалось неоднозначно. Несмотря на признание общественной опасности пиратства на современном этапе, понять его антиобщественную сущность способна только социально зрелая личность. Этот вывод подтверждается результатами, полученными нами в ходе беседы со школьниками 8-11 классов. Если почти половина (48 %) учащихся 8-9 классов видели в пирате скорее «романтика, ищущего приключений», то больше половины (63 %) учащихся 10-11 классов оценивали пиратов как «опасных людей, насильников, преступников».

Таким образом, вряд ли следует пересматривать позицию законодателя, признавшего субъектом пиратства лицо, достигшее 16-летнего возраста. Однако, факт вовлечения малолетних и несовершеннолетних лиц в совершение пиратских нападений безусловно подлежит уголовно-правовой оценке и требует квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 227 УК РФ и ст. 150 УК РФ. При этом вовлечение несовершеннолетнего в пиратство всегда будет образовывать особо квалифицированный состав преступления, предусмотренный ч. 4 ст. 150 УК РФ, по признакам: «вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу», «вовлечение несовершеннолетнего в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления». Но обращает на себя внимание другое обстоятельство. Чаще всего в пиратскую деятельность вовлекаются малолетние, т.е. лица в возрасте до 14 лет, что, безусловно, объясняется их психофизиологическими особенностями (повышенная внушаемость, доверчивость, авторитет старших и т.д.). Возраст несовершеннолетнего является, по нашему мнению, основанием для дифференциации уголовной ответственности: вовлечение малолетнего в совершение преступления обладает большей степенью

общественной опасности и должно влечь более строгое наказание, чем совершение аналогичных действий в отношении несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет. Поэтому ст. 150 УК РФ следует дополнить ч. 5 с указанием на квалифицирующий признак – «деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей, четвертой, совершенные в отношении лица, не достигшего 14-летнего возраста»¹.

Говорить о полной безнаказанности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет, участвовавших в пиратском нападении, нельзя. Здесь складывается ситуация, аналогичная участию несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет в нападениях, совершаемых бандой. Пленум Верховного Суда РФ в п. 14 постановления «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» разъяснил, что такие несовершеннолетние в случае совершения ими преступления в составе банды подлежат уголовной ответственности за те преступления, ответственность за которые наступает с 14-летнего возраста². Таким образом, лица в возрасте от 14 до 16 лет, участвовавшие в пиратской атаке, подлежат уголовной ответственности за преступления, совершенные в процессе пиратских действий, например, убийство, умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью и другие преступные деяния, перечисленные в ч. 2 ст. 20 УК.

Третий признак субъекта преступления – вменяемость в составе пиратства не имеет, на наш взгляд, каких-либо содержательных особенностей, поэтому не требует детального исследования в рамках данной работы. Но рассмотрение признаков субъекта пиратства будет не полным, если не затронуть вопрос о гражданстве пирата. Как показывает судебная практика различных государств, пиратство совершается гражданами самых

¹ Данная проблема уже обсуждалась в теории уголовного права. Подробнее см.: *Ахмедова С. III. Ответственность за вовлечение малолетних и несовершеннолетних в антиобщественную деятельность : уголовно-правовые и криминологические проблемы : автореф. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 12-13.*

² См.: *О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.*

различных государств, а также лицами, не имеющими гражданства. В частности, по факту пиратского нападения на судно «Арктик Си» были осуждены граждане России, Эстонии, Латвии; трое из осужденных не имели гражданства¹. Привлечение иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно не проживающих на территории РФ, совершивших пиратство в открытом море, к уголовной ответственности в качестве преступления, предусмотренного ст. 227 УК РФ, осуществляется на основании так называемого универсального принципа, предусмотренного ч. 3 ст. 12 УК РФ. Его применение в данном случае объясняется международно-правовым характером пиратства, признанного преступлением Конвенцией ООН об открытом море, а также Конвенцией ООН по морскому праву.

Таким образом, можно сделать вывод, что субъектами пиратства могут быть только вменяемые физические лица, достигшие 16-летнего возраста, независимо от гражданства, действующие без полномочий со стороны государства, по своему собственному усмотрению.

Исследование субъективных признаков состава пиратства мы завершаем рассмотрением субъективной стороны. Субъективная сторона преступления, по образному выражению Н.С. Таганцева, это «внутренний свет преступления, являющий суть его»². В современном уголовном праве под субъективной стороной преступления понимают психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением преступления³. При этом содержание субъективной стороны в теории уголовного права раскрывается по-разному. Ряд авторов относят к признакам субъективной стороны вину, мотив и цель⁴; другие авторы помимо

¹ См.: *Ледяева М.* Перед уходом пираты вымыли «Арктик си» с мылом [Электронный ресурс] // Официальный сайт Архангельского областного суда. URL: <http://www.arhcourt.ru/?Publications/News/2011/201102090911> (дата обращения: 20.03.2011).

² *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции : Часть общая : в 2-х т. Т. 1 / сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. М. : Наука, 1994. С. 234.

³ См.: *Рарог А. И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам. С. 52.

⁴ См.: *Рарог А. И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам. С. 58-59; *Гаухман Л. Д.* Квалификация преступлений : закон, теория, практика. С. 140.

названных выделяют и такой признак, как эмоции¹. Полагаем, что содержание субъективной стороны определяется такими признаками, как вина, мотив, цель и эмоции, поскольку психическая деятельность человека невозможна без эмоций. Трудно не согласиться с Г.В. Вериной, отметившей, что субъективная сторона «раскрывает состояние психики преступника в момент совершения преступления, показывает специфику работы интеллекта, воли и эмоций как трех основных составляющих психики человека».

Поскольку вина, по общему признанию, является обязательным признаком субъективной стороны преступления, то остановимся, прежде всего, на анализе содержания вины в составе пиратства. Основываясь на диспозиции ч. 1 ст. 227 УК РФ, а также характеристике объективной стороны пиратства, можно сделать вывод, что пиратство относится к числу умышленных преступлений. В литературе особо подчеркивается, что «морское пиратство в силу присущих ему специфических особенностей и с точки зрения международного права, и с позиции внутреннего законодательства не может совершаться по неосторожности»². Определение конкретного вида умысла зависит от конструкции состава пиратства (формальный состав) и указания в ст. 227 УК РФ на цель нападения – завладение чужим имуществом. С учетом этих двух факторов можно утверждать, что пиратство совершается только с прямым умыслом.

Интеллектуальное содержание прямого умысла в составе пиратства означает, что лицо осознает общественно опасный характер своих действий, т.е. понимает социальное значение объекта посягательства, фактическое содержание и свойства всех актов, образующих его поведение, в том числе применения насилия к потерпевшим. Волевой аспект прямого умысла в составе пиратства предполагает желание лица совершить действия, образующие объективную сторону преступления. Другими словами, пират

¹ См.: Уголовное право России : курс лекций: в 6 т. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Т. 2. С. 321; Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. А. Н. Тарбагаева. М. : Проспект, 2012. С. 157.

² Коробеев А. И. Уголовно-правовая охрана безопасности мореплавания в СССР. С. 143.

осознает, что он совершает нападение на судно для завладения чужим имуществом и желает действовать таким образом.

Цель преступления определяется в теории уголовного права как мысленная (идеальная) модель желаемого результата, к достижению которого стремится лицо при совершении преступления; мысленное представление лица о конечном результате своего деяния¹. Включение в содержание субъективной стороны пиратства цели как обязательного признака подчеркивает целенаправленный характер поведения пиратов. Само нападение для них это не самоцель, а лишь способ достижения конечного результата, сформировавшегося под влиянием определенных потребностей и побуждений. Именно по содержанию цели состав пиратства, описанный в ст. 227 УК РФ, отличается от международно-правового состава пиратства. Согласно Конвенциям об открытом море 1958 г. и по морскому праву 1982 г., пиратство – это акты, совершаемые только в «личных целях». Содержание данного понятия в Конвенциях не раскрыто, но при буквальном толковании можно сделать вывод, что целью пиратства может быть не только завладение чужим имуществом, но и совершение иных преступлений. Анализируя указанные конвенции, Л.А. Моджорян делает вывод, что «пираты преследуют «личные цели», из которых главной является обогащение, но к их числу могут относиться месть, злоба и др.»². Полагаем, что включение понятия «личные цели» в международно-правовые акты решало задачу отграничить пиратство от действий, совершаемых в рамках государственной политики. Более того, указание конкретной цели в этих документах значительно ограничило бы возможности государств имплементировать нормы международного права в национальное законодательство.

В этой связи нам представляется ошибочным мнение о том, что «российский законодатель, указав на цель нападения, сузил пределы субъективной стороны»³. Исторический анализ пиратства, изучение его

¹ Уголовное право России : курс лекций : в 6 т. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Т. 2. С. 372.

² Моджорян Л. А. Терроризм на море. С. 23.

³ Князева Н. А. Пиратство : уголовно-правовая характеристика и вопросы предупреждения. С. 76.

современных проявлений убедительно доказывают, что в основе пиратства лежат корыстные интересы. Поэтому по своей антисоциальной направленности пиратство мало чем отличается от таких корыстно-насильственных преступлений, как насильственный грабеж и разбой. «Завладение чужим имуществом» - суть пиратства, то, ради чего рискует пират, к чему он тщательно готовится, чем он живет, что заставляет его вновь и вновь переступать черту закона. Этимологически «завладеть» означает «взять в свое полное владение, захватить»¹. В Словаре русского языка слово «завладеть» имеет два значения: «1. Взять силой в результате военных действий, борьбы. 2. Подчинить своему воздействию, влиянию»². И в первом, и во втором значении данное слово очень хорошо раскрывает тот конечный результат, к которому стремится пират, совершая нападение, и объясняет, почему пиратство всегда сопряжено с применением насилия. Прав, на наш взгляд, А.С. Климов, который отмечает, что «завладение включает в себя установление полного господства над вещью и возможно как с целью хищения, так и без таковой. То есть понятие «завладение» более широкое, чем «хищение», и все попытки сужения смысла данного термина будут являться некорректными»³.

По нашему мнению, корыстная цель при грабеже и разбое и завладение чужим имуществом при пиратстве выступают не как равнозначные, но как близкие по смыслу понятия, что и позволяет объединить их в одну группу корыстно-насильственных преступлений. Этот вывод можно подкрепить анализом уголовно-правовых норм. Термин «завладение» используется законодателем, помимо ст. 277 УК РФ, еще и в ст. 166 УК РФ. Но в данной норме, во-первых, речь о завладении конкретным имуществом: «автомобилем или иным транспортным средством»; во-вторых, говорится о неправомерном завладении *без цели хищения*; в-третьих, завладение является действием, а не целью. Пленум Верховного Суда РФ, давая разъяснения по

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. С.345.

² См.: Словарь русского языка : в 4-х т. Т. I. А - Й. 1985. С. 503-504

³ Климов А. С. Проблемы квалификации пиратства по Уголовному кодексу РФ. С. 47.

вопросам квалификации преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ, указал, что под завладением без цели хищения следует понимать завладение транспортным средством и поездка на нем без намерения присвоить его целиком или по частям, а также совершение поездки под управлением владельца или собственника транспортного средства с применением к нему насилия или угрозы применения насилия¹.

Применяя данное судебное толкование к ст. 227 УК РФ, следует согласиться с позицией законодателя, указавшего в качестве цели пиратства именно завладение, а не хищение имущества. Цель завладения имуществом, например, судном объективизируется в агрессивных действиях пиратов, само нападение на судно предполагает завладение им как конечный результат действия. Анализ совершаемых пиратских нападений показывает, что современные пираты зачастую стремятся завладеть имуществом (чаще всего, судном), чтобы в дальнейшем заявить требование о выкупе. По нашему мнению, цель завладения наиболее точно отражает общественную опасность пиратства, которая, прежде всего, связана с нарушением общественной безопасности морского судоходства; в случае завладения пиратами судном степень опасности возрастает в разы, поскольку в морском пространстве появляется нерегулируемый участник движения. Однако отношения собственности потому и охраняются нормой, закрепленной в ст. 227 УК РФ, что они нарушаются всегда при совершении пиратства. Именно необходимость охраны данных интересов и заставляла государства принимать самые жесткие меры в борьбе с пиратством.

Таким образом, в качестве цели пиратства следует рассматривать завладение чужого имущества, которое может выражаться и в хищении, но в любом случае шире по содержанию. Отсутствие при нападении специальной цели исключает ответственность по ст. 227 УК; в таких случаях виновные

¹ См.: п.п. 20, 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 200. № 2; 2011. № 2.

должны нести ответственность за преступление, предусмотренное ст. 211 УК. С другой стороны, если целью пиратства является захват заложников, похищение человека, убийство и т.д., то квалификация по ст. 227 УК РФ также исключается.

В ст. 227 УК РФ отсутствует указание на мотив пиратства, поэтому в теории уголовного права вопрос о том, является ли мотив обязательным признаком субъективной стороны пиратства, носит дискуссионный характер. Ряд авторов вопрос о мотиве пиратства обходят молчанием¹; другие указывают, что мотив – это обязательный признак субъективной стороны совершения пиратских актов и определяют его как корысть². Некоторые авторы занимают промежуточную позицию, подчеркивая, что «мотив пиратства, как правило, корыстный, однако не исключается наличие и других мотивов (например, мести, злобы, желания показать перед другими свою смелость, ловкость)»³.

Для определения мотива пиратства необходимо обратиться к понятию мотива преступления. Под мотивом преступления в теории уголовного права понимается обусловленное определенными потребностями и интересами побуждение, которое не только вызывает у лица решимость совершить преступление, но и проявляется в его совершении⁴. Вновь обращая внимание на историю появления и развития пиратства как социального явления, следует подчеркнуть, что во все времена пиратами двигала, прежде всего, корысть. Она же побудительная сила современных пиратов, что подтверждается данными о суммах, полученных пиратами в качестве выкупа за судно или людей, сведениями о прибыли от данного вида преступной

¹ См.: Уголовное право России : часть общая / под ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. С. 561-562.; Уголовное право России. Части общая и особенная / под ред. А. И. Рарога. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2004. С. 488-489; Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И. А. Козаченко, Г. П. Новоселов. С. 384-385.

² См.: Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А. Л. Агафонов, Б. Х. Балкаров, Ю. А. Гладышев и др.; рук. авт. кол. и ред. П. Н. Панченко : в двух томах. Нижний Новгород, 1996. Т. 2. 1996. С. 58; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Л. Л. Кругликов. С. 430; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. С. 273.; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. С. 197.

³ Коробеев А. И. Уголовно-правовая охрана безопасности мореплавания в СССР. С. 144.

⁴ См.: Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. С. 139

деятельности. Вместе с тем, пиратство сложное по своему содержанию явление. Это подтверждается и анализом мотивации поведения современных пиратов; ее неоднозначный характер подчас делает невозможным разграничить пиратство от терроризма или хулиганства и т.д. Действительно, поведение человека, как правило, обуславливается не одним, а несколькими мотивами, образующими мотивацию. Данная проблема исследовалась в науке уголовного права В.Н. Кудрявцевым, который подчеркнул, что «поведение человека в принципе мотивируется наиболее высокими побуждениями в иерархии ценностей, присущих данному человеку, особенно если это побуждение ближе всего связано с перспективой достижения цели»¹. Соответственно, «мотив остается действенным до тех пор, пока не будет достигнута цель либо выявится ее недостижимость»². Поскольку цель нападения - это завладение имуществом, то, полагаем, доминирующим мотивом пиратов выступает корысть. В теории уголовного права и правоприменительной практике в содержании корыстного мотива выделяют несколько аспектов: стремление к личной наживе; желание избавиться от материальных затрат; стремление обеспечить имущественную выгоду другим лицам³.

Корысть – это доминирующий, но не единственный мотив пиратства, а поэтому нельзя исключить ситуацию, что в какой-то определенный момент развития преступного поведения на первое место выступит мотив мести, стремление получить острые ощущения, желание самоутвердиться и т.д. Поэтому включение мотива в качестве обязательного признака основного состава пиратства нецелесообразно. Во-первых, это внесет еще больший диссонанс между отечественным законодательством и положениями международных договоров. Во-вторых, указание на мотив в диспозиции ч. 1

¹ Кудрявцев В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М. : Норма, 2009. С. 51.

² Кудрявцев В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении. С. 52.

³ См.: Миненок М. Г., Миненок Д. М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. С. 112; п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда от 03 декабря 2009 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3. С. 5.

ст. 227 УК РФ поставит перед правоприменителем дополнительную задачу в процессе квалификации – доказать именно корыстный мотив в действиях виновного. В этом случае стоит лицу заявить о политических, экологических и любых других мотивах совершения своих действий, как квалификация по ст. 227 УК РФ станет затруднительной. Поэтому законодатель, с одной стороны, прав, не указав на корыстный мотив как обязательный признак пиратства. С другой стороны, корыстный мотив, который всегда относился к числу низменных побуждений, существенно повышает степень общественной опасности пиратства. Учитывая это обстоятельство, а также значительное распространение пиратства, совершаемого по корыстному мотиву, следует, по нашему мнению, дополнить ч. 2 ст. 227 УК РФ квалифицирующим признаком: «то же деяние, совершенное из корыстных побуждений».

Подводя итог вышеизложенному, сформулируем основные выводы:

1. Субъектом пиратства является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, независимо от гражданства или его наличия, действующее как «частное лицо», т.е. не по специальному полномочию государства, а по своему собственному усмотрению.

2. Установление уголовной ответственности юридических лиц за пиратство не вызвано объективными причинами ни на международном, ни на внутригосударственном уровнях.

3. Установление уголовной ответственности государств является сложной политико-правовой проблемой, ее отсутствие создает определенные трудности в противодействии пиратству. Однако решение данной проблемы возможно только на международном уровне усилиями всех или большинства государств путем принятия соответствующего международного акта об уголовной ответственности государств за международные преступления, к числу которых следует отнести и пиратство.

4. В связи со значительной распространенностью случаев вовлечения в пиратство малолетних детей необходимо внести изменения в ст. 150 УК РФ,

а именно дополнить ее ч. 5 с указанием на квалифицирующий признак – «деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей, четвертой, совершенные в отношении лица, не достигшего 14-летнего возраста».

5. Субъективная сторона пиратства характеризуется тремя признаками: виной, мотивом и целью. Пиратство может быть совершено только с прямым умыслом, интеллектуальный аспект которого означает осознание лицом общественной опасности совершаемой агрессии, в том числе социальной значимости объекта уголовно-правовой охраны и насильственного характера своих действий. Волевой момент прямого умысла связан с желанием совершить пиратское нападение.

6. Цель пиратского нападения – завладение чужим имуществом, согласно прямому указанию закона, является конструктивным признаком состава пиратства, т.е. выполняет функцию отграничения данного состава от смежных составов преступлений. Под завладением чужим имуществом следует понимать установление контроля над ним, при этом чужое имущество может быть уничтожено, передано на временное хранение и т.д., а может быть и возвращено законному владельцу.

7. Мотив не указан в диспозиции ст. 227 УК РФ, однако он также характеризует содержание субъективной стороны пиратства. В качестве доминирующего мотива поведения пиратов выступает корысть.

Глава 3. Проблемы совершенствования мер уголовно-правового противодействия пиратству

1. Дифференциация уголовной ответственности за пиратство по квалифицирующим и особо квалифицирующим признакам

Дифференциация уголовной ответственности отнесена в юридической литературе к методам уголовно-правовой политики¹, который предполагает учет законодателем при создании уголовно-правовых норм ряда обстоятельств, отражающих различный характер и степень общественной опасности преступления. Целью дифференциации уголовной ответственности «является создание для правоприменителя желаемого режима при определении меры (вида и размера) ответственности за совершенное правонарушение»². Дифференциация уголовной ответственности выражается в конструировании квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений, влекущих более строгое наказание, либо привилегированных составов, за совершение которых предусматривается более мягкое наказание.

За пиратство дифференциация уголовной ответственности проведена законодателем по следующим признакам:

- совершение пиратства с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ч. 2 ст.227 УК РФ);
- совершение пиратства организованной группой (ч. 3 ст. 227 УК РФ);
- пиратство, повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 3 ст. 227 УК РФ).

Все перечисленные признаки отнесены законодателем к отягчающим, поэтому совершение пиратства при их наличии влечет более строгое

¹ См.: Уголовное право России : курс лекций : в 6 т. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Т. 1. С. 282.

² Кругликов Л. Л., Василевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. С. 62.

наказание. Такой подход не вызывает возражений, но сам переченьотягчающих (квалифицированных) признаков требует переосмысления. На наш взгляд, он включает не все обстоятельства, объективно повышающие степень общественной опасности пиратства.

Как было рассмотрено выше предметом пиратства может быть любое имущество, включая само судно и стационарную платформу. Анализ современных пиратских атак показывает, что нередко нападение пиратами совершается с целью завладения оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами, взрывными устройствами, военной техникой и т.д. Так, 25 сентября 2008 г. у берегов Сомали было захвачено украинское судно «Фаина», которое перевозило военный груз. На его борту находился военный арсенал для вооружения целой армии: зенитные установки, гранатометы, боеприпасы и 33 танка «Т-72». Пираты потребовали выкуп за освобождение корабля и членов экипажа в 20 млн. долларов США¹. 29 января 2009 г. в Индонезии четверо пиратов взобрались на борт стоявшего на якоре танкера-химовоза. Однако, услышав сигнал тревоги, пираты вернулись к борту, спустились в свою лодку и скрылись².

В силу специфических свойств данных предметов, целесообразно, на наш взгляд, нападение на судно с целью завладения ими включить в ч. 2 ст. 227 УК в качестве квалифицирующего признака. При этом санкция, установленная в ч. 2 ст. 227 УК, вполне соразмерна степени общественной опасности такого преступления.

В качестве самостоятельного предмета завладения следует, по нашему мнению, выделить нефть и нефтепродукты. В значительном числе случаев нападение пиратами совершается на танкеры с нефтью и нефтепродуктами с целью завладения именно этими природными ресурсами. На это указывает проведенный нами анализ пиратских нападений: в более чем 20% случаев предметом посягательства стали судна, перевозящие нефть и

¹ См.: Военные сокровища «Фаины» // Российская газета. 2008. № 207 (4764). С. 11.

² См.: Морская безопасность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.msecurity.ru/rus/page161/view162/> (дата обращения 13.05.2010).

нефтепродукты); на это же обращается внимание специалистами¹. Захват нефтетанкера, безусловно, представляет повышенную общественную опасность, т.к. может привести к серьезным общественно-опасным последствиям (как колоссальному материальному ущербу, так и экологической катастрофе, учитывая, что судно попадает в руки неквалифицированных специалистов). Поэтому цель завладения нефтью или нефтепродуктами может рассматриваться как основание для дифференциации уголовной ответственности и, соответственно, выполнять роль квалифицирующего признака, который целесообразно включить в ч. 2 ст. 227 УК РФ.

Позиция законодателя, закрепившего в ч. 2 ст. 227 УК РФ такой квалифицирующий признак, как пиратство с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, на наш взгляд, ошибочно. Исторический анализ, а также изучение обстоятельств пиратских нападений, имевших место в конце прошлого – начале нынешнего столетия, показали, что ни одна пиратская атака не обошлась без применения оружия. Как справедливо отмечает Н.А. Егорова, «современное пиратство – это, скорее, не морской разбой, а морской бандитизм»². Уровень агрессии современных пиратов постоянно повышается за счет применения современных видов вооружения. По мнению специалистов, применение огнестрельного оружия стало правилом, а не исключением³, поэтому информация о пиратских нападениях зачастую выглядит как сводка боевых действия. Так, нападение на судно «Панагия», приписанное к порту Украины, пираты совершили с применением миномета. После того, как судно вынужденно встало на якорь, на его борт поднялись 14 пиратов, вооруженные автоматами Калашникова, которые произвели несколько очередей над головами членов экипажа⁴. Танкер «Моннерон», приписанный к Приморскому морскому пароходству 22

¹ Светлова О. По следам кровожадных флибустьеров. С. 75.

² Егорова Н. А. Проблемы уголовно-правовой борьбы с пиратством в современных условиях // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. 2012. № 1. С. 73.

³ Войтенко М. Бандиты голубых дорог : преступление без наказания. С. 20.

⁴ Почти три месяца в плену // Водный транспорт. 2005. № 7-10. С. 3.

февраля 2003г. был обстрелян пиратами из автоматического оружия; в процессе нападения пиратами было произведено также три выстрела из гранатометов¹. 27 января 2006 г. пятеро вооруженных автоматами, пулеметами и гранатометами пиратов на лодке напали на проходящий балкер². 2 апреля 2007 г. пираты, вооруженные автоматами и гранатометами, захватили индийский сухогруз, открыв по нему огонь³. Вооружение современных пиратов позволяет им не боясь вступать в бой и с боевыми кораблями. Так, например, при попытке кораблями ВМС США досмотреть пиратское судно у берегов Сомали, пираты открыли пулеметный огонь, началась перестрелка, в ходе которой пираты вели себя как хорошо подготовленные и оснащенные военные⁴.

Согласно данным Международного бюро по морскому судоходству, пираты во время нападений применяют все виды оружия, а также другие типы вооружения: от ножей до минометов и зенитно-ракетных комплексов⁵. Изучение характера пиратских нападений по опубликованным в материалах периодической печати 76 материалам, исследованных нами, позволяет сделать вывод, что чаще всего пираты применяют автоматы (60 %), в каждом 4 случае (25%) ими используются пулеметы, в более чем 10% случаев были применены гранатометы и ручные гранаты.

В связи с высказанным в юридической литературе высказано мнение, что признак вооруженности следует рассматривать не как квалифицирующий, а как конструктивный признак основного состава пиратства⁶. Полагаем, что данная позиция полностью соответствует агрессивной сущности пиратства и современным реалиям. Высокая степень общественной опасности пиратства определяется в том числе вооруженным характером нападений; при отсутствии признака вооруженности трудно

¹ Пираты обстреляли танкер ПМП // Морские вести России. 2003. № 5-6. С. 3.

² Ежедневная сводка пиратских нападений // Морские вести России. 2006. № 3-4. С. 21.

³ Нападения в Сомали // Морской флот. 2007. № 4. С. 80.

⁴ Бой с пиратами [Электронный ресурс] // Взгляд. URL: <http://vz.ru /society/2006/3/19/26499.html>. (дата обращения 25.09.2010).

⁵ Куришев М. Международные проблемы борьбы с морским пиратством. С. 105.

⁶ См.: Егорова Н. А. Проблемы уголовно-правовой борьбы с пиратством в современных условиях. С. 74.

представить возможность нападения на современные суда и экипаж, состоящий далеко не из физически слабых и плохо подготовленных людей. По сути, оружие «помогало» пиратам во все времена, начиная с античных; ни в одной истории пиратского нападения не упоминается о безоружных пиратах. Таким образом, «вооруженность» - признак, присущий пиратству изначально, определяющий его агрессивную сущность – должен быть включен в конструкцию основного состава преступления (ч. 1 ст.227 УК РФ). Наше мнение разделяет большинство проанкетированных лиц: более 70 % из них считают, что вооруженность должна выполнять роль обязательного признака основного состава преступления.

Еще один квалифицирующий признак – совершение пиратства организованной группой указывает на специфику пиратства, которая заключается в том, что в одиночку совершить его практически невозможно. Совершение пиратства организованной группой, как и применение оружия, стало скорее правилом, а не исключением. По мнению начальника ФГУ «Служба морской безопасности» Министерства транспорта России Н.В.Савельев, «современное пиратство – это детище преступных организаций. ...транснациональные корпорации, занимающиеся торговлей наркотиков, оружием, контрабандой, азартными играми, перешли теперь к пиратству ... Их первая статья доходов - пиратство в традиционном смысле слова. Вторая и, пожалуй, более существенная, – выполнение заказов большого бизнеса. Как известно, монополии ведут между собой жесточайшую борьбу. И нередко, чтобы одолеть конкурента, опередить его с товарами, ослабить, нанеся материальный ущерб, они прибегают к услугам пиратов»¹.

В международной практике борьбы с пиратством это преступление практически уже неразрывно связывается с организованной преступностью. Например, Международным бюро по морскому судоходству выделено три

¹ Савельев Н. В. Мировое сообщество объединяет усилия в борьбе с преступностью на море // Право и безопасность. 2004. № 2. С. 76.

типа нападений и определение каждого из них включает признак организованной группы¹. Современные пираты действуют группами от 3 до 40 человек – исполнителей; на берегу их обычно ждут сбытчики, готовые тут же приобрести захваченное пиратами имущество². Пособниками пиратов выступают также «осведомители в портах и в компаниях морских перевозок. Имея координаты наиболее уязвимых целей, они наводят на них вооруженных коллег на быстроходных катерах. У экспертов, связанных с морскими перевозками, есть сведения, что к пиратству прибегают радикальные исламские группировки и прочие экстремисты, добывая, таким образом, средства для финансирования своей подрывной деятельности. Чаще всего пиратство – лишь «верхушка айсберга», часть более крупной преступной структуры³. Действительный количественный, равно как и качественный состав организованных групп, занимающихся пиратством, специалисты пока оценить не могут.

На наш взгляд, для пиратства характерен групповой способ совершения преступления, и в этом вопросе с нами согласно около 68 % опрошенных. Но в ч. 3 ст. 227 УК РФ содержится указание только на одно из проявления данного способа, при этом не упоминается ни группа лиц, ни группа лиц по предварительному сговору. Полагаем, сделано это не случайно. Признание организованной группы в качестве квалифицирующего признака пиратства означает, что совершение этого преступления при других формах соучастия должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 227 УК РФ. Хотя сразу отметим, что группа лиц без предварительного сговора, на наш взгляд, не присуща пиратству в силу его объективных признаков. Представить же совершение пиратства вне группы лиц по предварительному сговору крайне сложно опять-таки по объективным обстоятельствам. Официальные данные

¹ См.: *Куршев М.* Международные проблемы борьбы с морским пиратством. С. 105.; *Голиков Г. А.* Пиратство и терроризм на море // *Борьба с преступностью за рубежом.* 2005. № 5. С. 15; *Горшков А. Ф.* Морское пиратство – разновидность международного терроризма // *Борьба с преступностью за рубежом.* 2005. № 5. С. 29.

² См.: Еженедельная сводка пиратских нападений // *Морские вести России.* 2006. № 3-4. С. 21.

³ См.: *Бычков А. Ф.* В флибустьерском дальнем море // *Эхо планеты.* 2002. № 9. С. 35.

также не содержат информации о пиратских нападениях, совершенных в одиночку. В связи с этим мы согласны с предложением Н.А. Егоровой считать данный признак конструктивным признаком пиратства¹, который должен быть отражен ч. 1 ст. 227 УК РФ.

Анализ пиратских нападений, совершенных в течение последних 10 лет, показывает появление новой тенденции – значительное распространение случаев захвата заложников пиратами для последующего их освобождения за выкуп. Так, по данным Международного морского бюро, в 2003 г. в заложники было взято 359 человек, в 2004 г. – 148, в 2007 г. – 292, в 2008 г. – 889, в 2009 г. – 1052, в 2010 г. - 194², в 2011 г. – 802, в 2012 г. - 585³. Нередко захват людей осуществляется пиратами с целью их дальнейшей эксплуатации, использование в качестве исключительно производительной силы, раба. Как отмечает О. Светлова, «рабство моряков – еще одна пиратская статья доходов. Найти людей в тайландских или кампучийских джунглях, работающих на сборе опиумного мака, сложнее, чем провести зачистку в рассаднике боевиков»⁴. Отмечена практика похищения моряков, преимущественно капитанов и старших помощников, для дальнейшего их использования в процессе обучения пиратов профессии судовождения⁵.

На наш взгляд, дифференциация уголовной ответственности за описанные деяния не требует включения в ст. 227 УК РФ дополнительного квалифицирующего признака – «пиратство, сопряженное с захватом или похищением человека». Для полной и справедливой оценки содеянного достаточно квалификации по совокупности преступлений: пиратство (ст. 227 УК РФ) и захват заложников (ст. 206 УК РФ) либо похищение человека (ст. 126 УК РФ) либо использование рабского труда (127² УК РФ). Однако то обстоятельство, что мотивом совершения таких преступлений, чаще всего,

¹ См.: *Егорова Н. А.* Проблемы уголовно-правовой борьбы с пиратством в современных условиях. С. 74.

² См.: Статистика по нападениям морских пиратов [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <http://www.ria.ru/spravka/20100522/23646361.html> (дата обращения: 25.05.2011).

³ См.: Статистика пиратских нападений за 2011 год (из доклада Международного морского бюро 16.01.2013) [Электронный ресурс] // Акты пиратства на море - ФБУ «Служба морской безопасности». URL: <http://www.mscurity.ru> (дата обращения: 12.10.2013).

⁴ *Светлова О.* По следам кровожадных флибустьеров. С. 77.

⁵ См.: *Войтенко М.* Бандиты голубых дорог : преступление без наказания. С. 20.

выступает корысть (речь идет, прежде всего, о захвате заложника), должен быть учтен при дифференциации уголовной ответственности. Выше мы уже рассматривали значение корыстного мотива в механизме пиратского поведения и пришли к выводу о том, что его наличие свидетельствует о более высокой степени общественной опасности. Завершая данную мысль, полагаем будет обоснованным включение корыстного мотива в качествеотягчающего пиратство признака.

В ч. 3 действующей редакции ст.227 УК указан и такой особо квалифицированный состав пиратства, как совершение его с причинением по неосторожности смерти человека или иных тяжких последствий. Указание законодателем на такой признак, как причинение смерти по неосторожности, вряд ли можно признать обоснованным. Как было показано выше, пиратство по своей сути агрессия, объектом которой выступает, в том числе и человек. Способ проявления этой агрессии, орудия и средства, которые применяются в ее ходе, указывают на умышленный характер действий, при этом умыслом пиратов охватывается и факт причинения вреда здоровью и жизни потерпевшего. Пираты, даже не задумываясь, применяют оружие, убивая как членов экипажа, так и пассажиров судна. Только по официальным данным в период с 2000 по 2010 гг. пиратами было убито около 200 человек. О фактах причинения смерти по неосторожности в сводках не сообщается. В этой связи нам представляется справедливым замечание Н.А. Егоровой об оправданности существования такого квалифицирующего признака. «Нападение на судно во время его плавания предполагает если не прямой, то, по крайней мере, косвенный умысел на причинение смерти находящимся на судне людям ...»¹. В настоящее время факт умышленного причинения смерти требует квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 227 УК РФ и ст. 105 УК РФ. Существующая законодательная конструкция, когда убийство выведено за рамки пиратства, объясняется, по всей видимостью представлениями о равноценности интересов личности и

¹ Егорова Н. А. Проблемы уголовно-правовой борьбы с пиратством в современных условиях. С. 75.

интересов общества как объектов уголовно - правовой охраны, требующих, следовательно, самостоятельных охранительных норм. Данной точки зрения придерживался Н.И. Загородников, указывая, что «умышленное убийство настолько специфическое, тяжкое и юридически определенное деяние, что при квалификации оно обязательно должно быть отражено применительно к правилам о совокупности преступлений»¹. Но тогда не понятно, почему причинение смерти по неосторожности законодатель рассматривает как квалифицирующий признак пиратства.

Полагаем, что в случае совершения пиратами убийства требуется дифференциация уголовной ответственности в рамках состава пиратства с учетом значительного повышения степени общественной опасности такого деяния и его распространенности в настоящее время. Такая законодательная практика уже имеется, примером могут послужить нормы, закрепленные, например, в п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, ч. 4 ст. 206 УК РФ. Поэтому считаем необходимым предложить внесение изменений в ст.227 УК РФ, а именно дополнить статью ч. 4, включив в нее признак «пиратство, повлекшее умышленное лишение жизни другого человека»², установив за это деяние санкцию, аналогичную санкциям указанных норм.

Понятие «иные тяжкие последствия» как особо квалифицированный вид пиратства носит оценочный характер. Не случайно ряд авторов, комментируя ст. 227 УК РФ, вопрос о содержании этого квалифицирующего признака обходит молчанием³. Существование в уголовном законодательстве оценочных понятий – достаточно серьезная проблема, создающая трудности при квалификации преступлений. Но их включение в уголовный закон объясняется, по мнению Е.В. Кобзевой, как объективными, так и

¹ Загородников Н. И. О квалификации преступлений против жизни // Советское государство и право. 1976. № 2. С. 132.

² Здесь уместно отметить, что дефиниция убийства, содержащаяся в ч. 1 ст. 105 УК РФ, нам представляется не вполне корректной. На наш взгляд, правы те авторы, которые подчеркивают, что «уголовный закон охраняет жизнь человека, но никак не смерть ..., которую защитить нельзя, да и причинить ее невозможно», и предлагают понимать под убийством «умышленное противоправное лишение жизни другого человека» (Кривошеин П. К., Третьяков В. И. Преступления против жизни и здоровья человека. Волгоград : ВА МВД России, 2013. С. 17-18).

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Чучаева. С. 273; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рапог. С. 199.

субъективными причинами¹. Действительно, сложный характер пиратских действий, не менее сложная мотивация поведения пиратов не позволяет точно предопределить вид и характер возможных последствий. Сложившаяся традиция законодательной техники в таких случаях подсказывает современному законодателю выход – использовать понятие «иные тяжкие последствия» как наиболее общую формулировку, позволяющую охватить все возможные последствия пиратского поведения. Полагаем, такое решение не оправданно по следующим причинам.

Под оценочными понятиями Е.В. Кобзева предлагает понимать «неконкретизированные в законе или ином нормативно-правовом акте уголовно-правовые понятия, призванные отражать ... свойства или отношения ... предмета, содержание которых устанавливается лицом, применяющим уголовно-правовую норму, на основе конкретных обстоятельств уголовного дела»². С учетом такого понимания оценочного понятия под иными тяжкими последствиями можно понимать как материальный вред (авария на море, гибель или повреждение судна, загрязнение окружающей среды и др.), так и организационный вред (например, перерыв в судоходстве³), так и физический вред (в частности, причинение вреда здоровью нескольких лиц⁴). Все примеры толкования данного понятия применительно к составу пиратства показывают, что они отнюдь не отражают каких-либо сущностных свойств пиратства как социального феномена либо выступают в качестве квалифицирующих признаков, либо требуют квалификации по совокупности преступлений. Но указание в законе на неосторожную форму вины по отношению к таким последствиям никак не соотносится с объективными и субъективными признаками основного состава пиратства, в связи с чем считаем

¹ См.: Кобзева Е. В. Теория оценочных признаков в уголовном законе. М. : Юрлитинформ, 2009. С. 105-110.

² Кобзева Е. В. Теория оценочных признаков в уголовном законе. С. 101.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. С. 197; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Л. Л. Кругликов. С. 696.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. С. 341.

необходимым данный квалифицирующий признак из ст. 227 УК РФ исключить.

В юридической литературе высказано мнение о целесообразности дополнения ст. 227 УК РФ еще одним квалифицирующим признаком: «если эти деяния повлекли значительный экологический ущерб или иные последствия для окружающей среды»¹. Действительно, обстоятельства совершения пиратских нападений, совершенных в XXI веке, дают повод всерьез задуматься о возможных последствиях пиратской деятельности для окружающей среды. Однако, во-первых, фактически к таким последствиям ни одна пиратская атака еще не привела, т.е. говорить о распространенности данного деяния не приходится. Во-вторых, даже в случае причинения экологического ущерба или наступления иных последствий для окружающей среды, они не останутся без уголовно-правовой оценки, поскольку действия пиратов в этом случае будут квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 227 УК РФ и соответствующими статьями, включенными в главу 26 «Экологические преступления».

Рассмотрение вопросов дифференциации уголовной ответственности по квалифицирующим и особо квалифицирующим признакам невозможно без анализа видов и размеров наказания за них. Существующие в действующей редакции ст. 227 УК РФ санкции, на наш взгляд, не соответствуют характеру и степени общественной опасности пиратства и его квалифицированным и особо квалифицированным видам. Полагаем, максимальные сроки лишения свободы как вида наказания за пиратство должны быть повышены с учетом того, что признаками основного состава пиратства выступают вооруженность и совершение его группой лиц по предварительному сговору. Виды и размеры наказания за квалифицированные и особо квалифицированные виды пиратства должны коррелировать с видами и размерами наказаний, которые предусмотрены

¹ Маймистова И. В. Международно-правовые проблемы защиты от пиратства на море : автореф. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012. С. 12.

нормами, описывающими общие признаки соответствующих составов преступлений (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, бандитизм, убийство).

Наиболее важным шагом в повышении эффективности исследуемых уголовно-правовых норм представляется возвращение в систему уголовных наказаний конфискации имущества и включение данного вида наказания в санкцию ст. 227 УК РФ. Исключение конфискации имущества из системы уголовных наказаний и отнесение ее к иным мерам уголовно-правового характера до сих пор вызывает многочисленные споры. Мы согласны с мнением П.К. Кривошеина об ошибочности такого законодательного решения¹. Полагаем, наиболее действенным средством в борьбе с корыстными преступлениями, каковым является и пиратство, может служить только конфискация имущества. Возвращение данной меры государственного принуждения в систему наказаний, скорее всего, вопрос времени², поэтому предлагаем включить конфискацию имущества в санкцию ст. 227 УК РФ в качестве дополнительного вида наказания.

Рассматривая вопрос о видах наказания за пиратство, необходимо обратить внимание на безальтернативный характер существующих санкций: единственный вид основного наказания, который предусмотрен за совершение данного преступления, это лишение свободы. Учитывая современные тенденции пенитенциарной политики российского государства, выражающиеся в изменении системы наказаний путем включения в нее наказаний, не связанных с лишением свободы, трудно обойти вниманием вопрос о целесообразности или нецелесообразности включения в санкции ст. 227 УК РФ ограничения свободы в качестве альтернативного или дополнительного вида наказания. Введение в действие ограничения свободы,

¹ См.: Кривошеин П. К., Ахмедова С. Ш. Конфискация в УК РФ. Краткий анализ // Правовой аспект. 2008. № 1 (4). С. 29.

² О необходимости возвращения конфискации имущества как вида уголовного наказания в начале этого года заявил и руководитель Следственного комитета РФ А.Бастрыкин (см.: Бастрыкин предложил вернуть в УК конфискацию имущества [Электронный ресурс] // Грани.ру. URL: <http://www.grani.ru/Society/Law/m.223598.html> (дата обращения: 23.01.2014)

как известно, было направлено на сокращение лишения свободы как вида наказания, преобладающего в приговорах российских судов. Включение ограничения свободы в санкции ряда статей УК РФ в качестве дополнительного вида наказания имело цель усилить уголовную ответственность за совершение отдельных тяжких и особо тяжких преступлений, основным или дополнительным объектом которых являются права и интересы человека. Полагаем, эти устремления законодателя вряд ли оправдаются в рамках уголовно-правового противодействия пиратству. Во-первых, характер и степень общественной опасности пиратства с позиций принципа справедливости и цели восстановления социальной справедливости обуславливают установление безальтернативной санкции с включением в нее только одного вида наказания – лишение свободы. Во-вторых, назначение ограничения свободы в качестве дополнительного к лишению свободы наказания, на наш взгляд, будет затруднительно по той причине, что пираты в большинстве своем не имеют гражданство того государства, которое осуществляет в отношении них уголовную юрисдикцию. Так, за пиратское нападение на судно «Arctic Sea» Архангельским областным судом было осуждено шесть человек, из которых лишь один – гражданин Российской Федерации (Дмитрий Бартнев), остальные – граждане других государств (Виталий Лепинс – Латвия, Евгений Миронов – Эстония) либо лица без гражданства (Алексей Андрюшин, Алексей Булев, Игорь Борисов)¹. Согласно ч. 6 ст. 53 УК РФ ни иностранным гражданам, ни лицам без гражданства ограничение свободы не назначается. Таким образом, включение в санкции ст. 227 УК РФ такого вида наказания, как ограничение свободы, видится нам нецелесообразным.

В завершение сформулируем основные выводы:

1. Законодательный перечень квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков пиратства требует переосмысления с учетом

¹ Аналогичная судебная практика, о которой мы упоминали в первой главе работы, складывается и в других государствах, например, Германии и США, где за пиратство были осуждены к лишению свободы граждане Сомали.

современных тенденций проявления данного преступления. Во-первых, перечень требует дополнения рядом признаков, во-вторых, некоторые признаки включены в этот перечень, на наш взгляд, необоснованно.

2. Вооруженность и групповой способ совершения преступления имманентно присущи пиратству, поэтому включение их законодателем в число квалифицирующих признаков неоправданно (вооруженность) или оправданно частично (групповой способ). Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, а равно вооруженность такой группы следует рассматривать в качестве конструктивных признаков основного состава пиратства.

2. Дифференциацию уголовной ответственности за пиратство следует проводить по следующим квалифицирующим признакам:

- пиратство, совершенное с целью завладения оружием, боеприпасами, взрывными устройствами, взрывчатыми веществами, иным вооружением либо военной техникой;

- пиратство, совершенное с целью завладения нефтью и нефтепродуктами;

- совершение пиратства организованной группой;

- пиратство, сопряженное с причинением тяжкого вреда здоровью;

- пиратство, повлекшее умышленное лишение жизни другого человека.

3. На основании анализа объективных и субъективных признаков пиратства, его квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков представляется целесообразным изложить ст. 227 УК в следующей редакции:

«Статья 227. Пиратство

1. Нападение на водное судно или стационарную платформу, а равно проникновение на водное судно или стационарную платформу для установления в последующем над ним контроля в целях завладения этим судном или стационарной платформой либо иным чужим имуществом, совершенное в открытом море вооруженной группой лиц по предварительному сговору, -

наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

2. То же деяние, совершенное:

а) с целью завладения оружием, боеприпасами, взрывными устройствами, взрывчатыми веществами, иным вооружением либо военной техникой;

б) с целью завладения нефтью и нефтепродуктами;

в) организованной группой,

г) с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, -

наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до восемнадцати лет с конфискацией имущества.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они повлекли умышленное лишение жизни другого человека, -

наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет лишения свободы или пожизненным лишением свободы с конфискацией имущества».

2. Разграничение пиратства со смежными составами преступлений

Криминализация пиратства поставила перед законодателем задачу разграничения уголовной ответственности за преступления, имеющие общие с пиратством объективные и (или) субъективные признаки. Трудности, которые возникают при квалификации пиратства, говорят о том, что проблема отграничения его от смежных составов на законодательном и правоприменительном уровне решена не полностью. В данном параграфе мы постараемся указать отличительные признаки состава пиратства от схожих составов преступлений, предусмотренных статьями 161, 162, 360, 205 и 209 УК РФ, что будет способствовать правильной правоприменительной практике в борьбе с пиратскими актами.

Признак «нападение», указанный в ст.227 УК, объединяет объективную сторону пиратства с составом разбоя (ст.162 УК) и нападением на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст.360 УК). Данный признак объединяет состав пиратства и с насильственным грабежом, в диспозиции которого нет непосредственного указания на «нападение». Но в предыдущей главе мы рассмотрели данное понятие и пришли к выводу, что насилие составляет суть нападения, поэтому совершение насильственного грабежа предполагает нападение (п. «г» ч.2 ст.161 УК).

Прежде всего, разграничение пиратства от насильственного грабежа, разбоя и нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой следует проводить по объекту. С учетом системы российского уголовного законодательства основным объектом разбоя и насильственного грабежа ученые признают собственность как экономико-правовое понятие и ограниченные вещные права, производные от права собственности¹. Непосредственным объектом деяния, предусмотренного ст. 360 УК, является состояние защищенности лиц, учреждений и транспортных средств, которые пользуются международной защитой от угроз нападения по разнообразным мотивам, и обеспечение им нормальных условий для деятельности в интересах международного сотрудничества и мирного существования государств и народов². Основной непосредственный объект террористического акта (ст. 205 УК РФ), по мнению В.П. Емельянова, составляют общественные отношения, обеспечивающие предотвращение и устранение общей опасности насильственного причинения вреда правоохраняемым интересам неопределенного числа конкретных участников этих отношений³. Непосредственный объект бандитизма (ст. 209 УК РФ) определяется в юридической литературе как общественная безопасность в

¹ См.: *Лопашенко Н. А.* Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 64.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. Л. Л. Кругликов. С. 1077; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Чучаева. С. 413-414.

³ См.: *Емельянов В. П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. С. 149-150.

узком смысле¹. Непосредственный объект пиратства, как мы определили выше, это общественная безопасность морского судоходства. Соответственно, каждое из названных преступлений имеет самостоятельный объект преступного посягательства, отличный от объекта пиратства.

Как известно, объект при квалификации преступления устанавливается с учетом признаков объективной и субъективной сторон состава. Поэтому важнее с практической точки зрения разграничить рассматриваемые преступления по другим признакам. Здесь большое значение имеет такой признак объекта, как предмет преступления. При сравнении предмета насильственного грабежа и разбоя с предметом пиратства становится очевидным, что этот признак сближает данные составы преступлений, т.к. во всех трех статьях УК РФ назван один предмет – чужое имущество. Но по предмету пиратство четко отграничивается от нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой. Согласно диспозиции ч. 1 ст. 360 УК РФ, предметом данного преступления могут служебные или жилые помещения, транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, а потерпевшими выступают представители иностранного государства и сотрудники международных организаций. Соответственно, нападение на судно, на котором находятся лица, пользующиеся международной защитой, для совершения насильственных действий именно в отношении данных лиц требует квалификации не по ст. 227 УК РФ, а по ст. 360 УК РФ.

Несмотря на одинаковую конструкцию объективной стороны рассматриваемых составов преступлений отличие между ними можно провести по моменту окончания преступного деяния. Грабеж относится к числу материальных составов преступлений, поэтому момент его окончания традиционно связывается с причинением материального ущерба

¹ См.: Дуюнов В. К. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика. С. 277; Уголовное право Российской Федерации (Особенная часть) : учебник / под ред. А. И. Марцева. Омск : Омская академия МВД России, 2000. С. 282.

собственнику¹. В судебной практике этот момент связывается с появлением у виновного реальной возможности пользоваться и распоряжаться похищенным имуществом по своему усмотрению². Пиратство, как мы уже отмечали, относится к усеченным составам, поэтому для признания его оконченным не имеет значение, достигнута ли цель завладения имуществом или нет.

Пиратство, разбой и бандитизм по конструкции объективной стороны относятся к усеченным составам, нападение на лиц и учреждения, пользующиеся международной защитой, - к формальным. Соответственно они признаются оконченными с момента начала совершения действий; общественно опасные последствия, к которым могут привести и приводят эти действия уже «не вписываются» в конструкцию основного состава преступления и требуют дополнительной квалификации. При всей формальной схожести окончания момента нападения фактически в каждом составе преступления он проявляется своеобразно. Если при разбое момент окончания связан с началом применения физического или психического насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, то при пиратстве этот момент, как было отмечено в предыдущей главе, связан с вынужденным маневрированием судна, которые предпринимает капитан для избежания столкновения. Бандитизм признается оконченным с момента создания банды, поэтому нападения, совершаемые бандой, требуют самостоятельной квалификации. При нападении на лиц и учреждения, пользующиеся международной защитой, момент окончания может быть связан как с началом применения насилия к потерпевшему, так и с вторжением в помещение либо вынужденной остановкой транспортного средства.

Изо всех смежных составов преступлений к пиратству наиболее близки разбой и бандитизм. Почти полное, на первый взгляд, сходство составов

¹ См.: *Бойцов А. И.* Преступления против собственности. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. С. 258.

² См.: п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 06 февраля 2007 г. № 7, 23 декабря 2010 г. № 31) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2; 2007. № 5; 2011. № 2. С. 4.

пиратства и разбоя привело к тому, что в литературе ряд авторов называют пиратство «морским разбоем», а пиратов «морскими разбойниками»¹. Однако при более внимательном рассмотрении можно убедиться, что между пиратством и разбоем имеются принципиальные отличия. Прежде всего, пиратство характеризуется нападением на судно, которое включает в себя желание установления контроля над судном. Разбойное нападение не предполагает стремления к установлению контроля над чем (кем-) – либо, все действия направлены на достижение одной цели – хищение чужого имущества. Поэтому применение насилия к лицу, находящемуся на судне, например, к члену экипажа или пассажиру, в целях хищения его личных вещей, должно квалифицироваться как разбой (или насильственный грабеж в случае применения насилия, не опасного для жизни или здоровья).

Составы пиратства и бандитизма на первый взгляд имеют не много общих признаков, но такой вывод можно сделать лишь при формальном подходе. Сравнивая данные составы по существу нельзя не заметить их близость по объекту (не случайно соответствующие нормы расположены в одной главе) и объективным признакам. Как нами было отмечено выше, признаки, которые законодатель признал конструктивными для состава бандитизма – вооруженность и групповой способ, присущи и пиратству, и лишь несовершенством законодательства можно объяснить их отсутствие в ч. 1 ст. 227 УК РФ.

Разграничение между пиратством, разбоем, бандитизмом, насильственным грабежом и нападением на лиц и учреждения, пользующиеся международной защитой, следует проводить и по субъективным признакам. Если в составе разбоя, бандитизма, насильственного грабежа и пиратства субъективная сторона помимо вины характеризуется обязательным признаком – целью, то в основном составе

¹ См.: *Колодкин А. Л.* Морской разбой и международное право // *Международная жизнь.* 1967. № 10. С. 21; *Маховский Я.* История морского пиратства. С. 230; *Гребельский П. Х.* Пиратские истории. С. 5; *Можейко И. В.* Пираты, корсары, рейдеры : Очерки истории пиратства в Индийском океане и южных морях (XV-XX веков). С. 7; *Коробеев А. И.* Уголовно-правовая охрана безопасности мореплавания в СССР. С. 135-136; *Комиссаров В. С.* Преступления против общественной безопасности. С.56.

преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 360 УК РФ, цель не указана, т.е. на квалификацию она не влияет и может быть разной по своему содержанию. Однако в случае совершения нападения с целью провокации войны или осложнения международных отношений, содеянное образует квалифицированный состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 360 УК РФ, и не может быть квалифицировано по другим статьям УК РФ, в том числе как пиратство. Цель разбойного нападения в силу прямого указания закона – хищение чужого имущества, в то время как цель пиратского нападения – завладение чужим имуществом. Соответственно пиратство может быть совершено с целью хищения, но может и не предполагать такую цель. В случае же совершения пиратского нападения с целью хищения чужого имущества проблема разграничения данных составов встает наиболее остро. На наш взгляд, связано это с несовершенством законодательной дифференциации уголовной ответственности за названные преступления. Решение проблемы требует уточнения места совершения пиратства, которое, по нашему мнению, должно быть сделано с учетом норм международного права. Как мы уже предлагали выше, в диспозицию ст. 227 УК РФ необходимо внести изменения, указав на место совершения пиратства – открытое море. Все нападения, которые совершаются на морские и речные суда с целью хищения чужого имущества в территориальном море, внутренних водах, исключительной экономической зоне или континентальном шельфе должны квалифицироваться как разбой. Наше мнение разделяет около 65 % проанкетированных. Для наиболее четкого разграничения разбоя от пиратства с учетом более высокой степени речного или морского разбоя целесообразно в ч. 2 ст. 162 УК РФ включить квалифицирующий признак: «разбой, совершенный в отношении водного судна во внутренних и территориальных водах РФ, исключительной экономической зоне или континентальном шельфе».

Если нападение на судно совершается в территориальных водах РФ, но его целью не является хищение чужого имущества, то возникает ситуация

разграничения пиратства от смежных составов преступлений против общественной безопасности. Общий объект уголовно-правовой охраны – общественная безопасность объединяет пиратство преступлениями, предусмотренными ст.ст. 205, 206, 209 и 211 УК.

С угоном судна водного транспорта (ст. 211 УК РФ) пиратство объединяет, во-первых, общий видовой объект уголовно-правовой охраны – общественную безопасность; во-вторых, и в том, и другом составе предметом преступления является транспортное средство, а именно судно водного транспорта; в-третьих, данные составы имеют схожую объективную сторону преступления. Вместе с тем, непосредственный объект данных преступлений несколько различен, поскольку, по нашему представлению, пиратство нарушает общественную безопасность только в сфере морского судоходства, в то время, как непосредственным объектом угона судна водного транспорта следует признавать общественную безопасность в сфере любого вида судоходства, в том числе и речного. Во-вторых, разграничивать эти преступления необходимо и по предмету преступления: пиратство может быть совершено только в отношении морского судна, а угон – в отношении любого типа судна (морского, смешанного типа, внутреннего плавания). В-третьих, с объективной стороны угон предполагает противоправное завладение судном водного транспорта и использование его по своему усмотрению в качестве транспортного средства для перемещения данного вида транспорта в другое местоположение.¹ Захват – это противоправное насильственное завладение указанными транспортными средствами в целях угона; он предполагает установление контроля над судном водного транспорта, над экипажем². Очевидно, что при угоне и захвате морского судна весьма сложно отличить данное преступление от пиратства.

¹ Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. С. 334 -335.

² Уголовный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий / под ред. А. И. Рарога. С. 329.

Для их разграничения следует устанавливать субъективные признаки преступлений. Основным отличием пиратства от признаков преступления, предусмотренного ст. 211 УК РФ, является наличие в данных составах разных конкретизированных целей. Так, если пираты действуют с целью завладения чужим имуществом, то при угоне цель может любой, а при захвате целью виновного является дальнейший угон данного транспортного средства. Другими словами, виновный стремится использовать судно только для перемещения в качестве транспортного средства. Например, недалеко от Саратова на прогулочный теплоход, совершавший рейс по Волге, было совершено нападение десяти вооруженных лиц, которые заставили капитана судна взять курс на Астрахань, а пассажиров уложили на палубу вниз лицом. Незаметно для нападающих капитан сумел дать сигнал бедствия. Вскоре теплоход стал преследовать милицейский катер с сотрудниками по борьбе с организованной преступностью. Догнав теплоход, они сумели забраться на борт. Преступники, поняв безвыходность своего положения, сопротивления не оказали. По данному делу не было доказано наличие корыстной цели, а также факт применения оружия. Такие действия образуют угон судна водного транспорта, совершенный группой лиц, и они были квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 211 УК¹.

Большую ясность в решение вопроса об отграничении рассматриваемых преступлений смог бы внести законодатель, признав местом его совершения – только открытое море.

По объективной стороне пиратство является схожим и с террористическим актом, ответственность за который предусмотрена ст. 205 УК РФ. Ранее мы отмечали, что характер действий современных пиратов и террористов изменился. Террористы неожиданно «смягчаются» в своих политических требованиях и отпускают заложников за выкуп, пираты же отпускают заложников без выкупа, но веря неофициальным обещаниям официальных должностных лиц (случаи последних лет в Афганистане,

¹ Архив УВД Астраханской области.

Нигерии и у побережья Сомали)¹. Сложность разграничения пиратства и терроризма на международном уровне объясняется еще и тем, что в международно-правовых актах фактически не проводится четкого разграничения признаков данных преступлений.

Согласно российскому законодательству, объективная сторона террористического акта предполагает совершение ряда противоправных действий: взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, а также угроза совершения указанных действий (ч. 1 ст. 205 УК РФ). Любое из перечисленных действий может иметь место и при совершении пиратского нападения. На первый взгляд, провести грань между пиратством и террористическим актом очень трудно. Задачу осложняет и несовершенство действующего уголовного законодательства в части регламентации уголовной ответственности за пиратство, иных нормативно-правовых актов. В результате в научной литературы стало преобладать мнение о срастании и почти неразделимости на практике составов пиратства и терроризма².

В свое время А.И. Коробеев указывал, что «уничтожение или повреждение морского судна, убийство членов экипажа или пассажиров по политическим мотивам лишь внешне напоминает пиратскую акцию и по сложившемуся стереотипу именуется морским пиратством. По существу же указанные действия как представляющие большую степень общественной опасности не укладываются в рамки морского пиратства, а охватываются

¹ См.: *Савельев Н. В.* Мировое сообщество объединяет усилия в борьбе с преступностью на море [Электронный ресурс] // *Право и безопасность.* 2004. № 2. URL: http://www.dpr.ru/pravo/pravo_8_15.htm (дата обращения: 09.10.11).

² См.: *Гуцуляк В. Н.* Международно-правовые проблемы современного торгового мореплавания : дисс.... докт. юрид. наук. М., 1999. С. 239-322; *Коробеев А. И.* Уголовно-правовая охрана безопасности мореплавания в СССР. С. 144; *Моджорян Л. А.* Терроризм на море. С. 37; *Куришев М.* Международные проблемы борьбы с морским пиратством. С. 107; *Савельев Н.* Морской терроризм и сохранность жизни // *Морские вести России.* 2007. № 19-20. С. 21; *Синай Д.* Тенденции мирового морского терроризма // *Азия и Африка сегодня.* 2005. №7. С. 41-43; *Голиков Г. А.* Пиратство и терроризм на море. С. 15-19; *Горшков А. Ф.* Морское пиратство – разновидность международного терроризма // *Борьба с преступностью за рубежом.* 2005. № 8. С. 26-34; *Кацман Ф., Баскаков А.* Морское пиратство – составная часть международного терроризма // *Морской флот.* 2004. № 5. С. 16-17; *Войтенко М.* Терракт, который может развалить мировую экономику // *Морские вести России.* 2004. № 19-20. С. 15-16; *Скиба О.* «Штормовое предупреждение» международному судоходству // *Эхо планеты.* 2004. № 25-26. С. 20-21.

понятием терроризм»¹. Л.А. Моджорян определяла, что «пиратство и терроризм на море подрывают свободу морей и направлены против безопасности мореплавания. Для подвергающихся нападению членов экипажа и пассажиров судов не имеет значения, являются ли они жертвами грабителей или лиц, преследующих политические цели. Проще и логичнее было бы закрыть правовую амбразуру в сфере морского терроризма путем включения этого преступления в концепцию пиратства»².

На взаимное проникновение пиратства и терроризма обращается внимание и специалистов международных организаций. В частности, эксперты Международной морской организации предлагают объединить пиратство и терроризм под общим понятием «международный морской терроризм»³.

Примером объединения на правотворческом уровне пиратства и терроризма является и распоряжение Правительства РФ от 3 сентября 2007г. № 115-р «О подписании меморандума о взаимопонимании между правительством Российской Федерации и правительством республики Индонезии в области сотрудничества в борьбе с терроризмом»⁴. Хотя из наименования меморандума видно, что он касается вопросов только борьбы с терроризмом, в пункте «г» ч. 2 ст. 2 меморандума указано на взаимодействие сторон в противодействии морскому пиратству.

И все же разграничить пиратство и терроризм, на наш взгляд, возможно, более того, это необходимо делать, поскольку по своей социальной сути это разные явления. Трудно не согласиться с мнением С.О. Допилка, предложившей различать понятия «морское пиратство» и «морской терроризм» по субъективной стороне⁵. Мы лишь уточним, что основной

¹ Коробеев А. И. Уголовно-правовая охрана безопасности мореплавания в СССР. С. 144.

² Моджорян Л. А. Терроризм на море. С. 37.

³ Савельев Н. Морской терроризм и сохранность жизни. С. 22.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 03 сентября 2007 г. № 115-р «О подписании меморандума о взаимопонимании между правительством Российской Федерации и правительством республики Индонезии в области сотрудничества в борьбе с терроризмом» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 37. Ст. 4468.

⁵ См.: Допилка С. О. Уголовная ответственность за терроризм и пиратство на море : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1993. С. 12.

разграничивающий признак - цель совершения данных преступлений. Цель пиратства – завладение чужим имуществом. Цель террористического акта – воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях, другими словами – «дестабилизация политической обстановки»¹. Например, в январе 1996 г. чеченские террористы захватили турецкий паром «Avrasia» на пути из Трабзона (Турция) в Сочи с 220 пассажирами из Турции, России, Грузии и Киргизии. Террористы угрожали направить паром в Босфорский пролив и затопить его там, если чеченцы, которые за несколько дней до этого вывезли заложников из захваченной больницы в селе Первомайском, не получат свободного отступления. Однако российские войска уже блокировали село, и 18 января оно подверглось сильной бомбардировке, некоторое количество захватчиков и заложников погибло. Паром несколько дней сопровождался кораблями ВМС Турции по Черному морю. Турецкое правительство сообщило террористам, что оно ни в коем случае не допустит входа парома в Босфорский пролив и что российские подразделения специального назначения готовы к захвату парома. В конце концов происшествие закончилось бескровной сдачей террористов в бухте Рива².

Таким образом, по своей целеполагательной сути пиратство и терроризм – явления не равнозначные. Если после установления контроля над судном или проникновения на судно без установления над ним контроля, виновные заявляют требования к органам власти государства и к международным организациям, то содеянное следует квалифицировать как террористический акт. Если же поведение виновных направлено только на завладение имущества, то их действия образуют состав пиратства.

Подведем итог рассмотрения вопроса о дифференциации уголовной ответственности за пиратство и смежные с ним составы:

¹ *Допилка С. О.* Уголовная ответственность за терроризм и пиратство на море. С. 12.

² *Куришев М.* Международные проблемы борьбы с морским пиратством. С. 127.

1. Разграничение пиратства от насильственного грабежа, разбоя, бандитизма и нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, следует проводить по объекту, предмету, моменту окончания нападения и цели совершения нападения.

2. Момент окончания нападения в составах пиратства, разбоя, бандитизма и нападения лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, лишь формально совпадает, фактически в каждом составе преступления он проявляется своеобразно. При разбое момент окончания связан с началом применения физического или психического насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего; при нападении на лиц и учреждения, пользующиеся международной защитой, момент окончания может быть связан как с началом применения насилия к потерпевшему, так и с вторжением в помещение либо вынужденной остановкой транспортного средства. Бандитизм признается оконченным с момента создания вооруженной устойчивой группы лиц (банды). При пиратстве момент окончания преступления связан с вынужденным маневрированием судна, которые предпринимает капитан для избежания столкновения.

3. Разграничение между пиратством, разбоем, бандитизмом, насильственным грабежом и нападением на лиц и учреждения, пользующиеся международной защитой, следует проводить и по субъективным признакам, а точнее по цели совершения преступного посягательства. Цель разбойного нападения в силу прямого указания закона – хищение чужого имущества, в то время как цель пиратского нападения – завладение чужим имуществом. Соответственно пиратство может быть совершено с целью хищения, но может и не предполагать такую цель. В случае же совершения пиратского нападения с целью хищения чужого имущества проблема разграничения данных составов встает наиболее остро. Решение проблемы требует уточнения места совершения пиратства, которое, по нашему мнению, должно быть сделано с учетом норм международного

права. В диспозицию ст. 227 УК РФ необходимо внести изменения, указав на место совершения пиратства – открытое море. Все нападения, которые совершаются на водные суда с целью хищения чужого имущества в территориальном море, исключительной экономической зоне или континентальном шельфе, должны квалифицироваться как разбой. Для наиболее четкого разграничения разбоя от пиратства с учетом более высокой степени речного или морского разбоя целесообразно в ч. 2 ст. 162 УК РФ включить квалифицирующий признак: «разбой, совершенный в отношении водного судна в территориальных водах РФ, исключительной экономической зоне или континентальном шельфе».

4. Пиратство и угон судна водного транспорта (ст. 211 УК РФ) различаются, во-первых, по непосредственному объекту: пиратство нарушает общественную безопасность только в сфере морского судоходства, в то время, как непосредственным объектом угона судна водного транспорта следует признавать общественную безопасность в сфере любого вида судоходства, в том числе и речного. Во-вторых, разграничивать эти преступления необходимо и по предмету преступления: пиратство может быть совершено только в отношении водного судна предназначенного для эксплуатации в морских районах, а угон – в отношении любого типа судна (морского, смешанного типа, внутреннего плавания). Но основное отличие заключается в целях совершения данных преступлений. Так, если пираты действуют с целью завладения чужим имуществом, то при угоне цель может любой, а при захвате целью виновного является дальнейший угон данного транспортного средства. Другими словами, виновный стремится использовать судно только для перемещения в качестве транспортного средства.

5. Несмотря на объективно существующие сложности, пиратство необходимо разграничивать с терроризмом, поскольку по своей социальной сути это разные явления. Основным признаком, разграничивающим эти составы, являются цели совершения преступлений. Цель пиратства –

завладение чужим имуществом. Цель террористического акта – воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное научное исследование вопросов уголовной ответственности за пиратство позволяет сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Этимологическое значение пиратства объясняет столь неоднозначное отношение к этому явлению на протяжении долгих веков: первоначально оно не имело негативного смысла и лишь отражало поведение отдельных людей – первооткрывателей, первопроходцев, пробующих, испытывающих что-то новое. Возникновение пиратства обусловлено естественными процессами развития человечества: освоение человеком морского пространства, появление судоходства и, как следствие, морской торговли. Но по своей социальной сути явление, получившее название пиратства, всегда носило характер агрессии, направленной как против судна, так и людей, и имущества, находящихся на нем.

2. Дальнейшее развитие пиратства происходило под влиянием геополитических процессов: стремление государств расширить свою территорию, укрепить свое политическое и экономическое могущество в определенном регионе; межгосударственные войны стали подпиткой пиратству, которое расцветало в период обострения межгосударственных отношений. Исторический анализ показывает, что государства с ослабленной централизацией власти, распираемые внутренними проблемами, не способны противостоять пиратству; более того, даже могущественные государства способны прекратить пиратские атаки лишь на время посредством проведения жестких военных операций.

3. В России пиратство не получило столь широкое распространение, как в других странах, не стало традиционным способом существования ни для одной части населения российского государства; другими словами, пиратство для российского государства стало скорее внешней, чем внутренней проблемой.

4. Нормы об ответственности за пиратство формировались на двух уровнях: национальном и международном, но первоначально такие нормы стали появляться во внутригосударственном праве. В процессе формирования и развития антипиратского законодательства можно условно выделить несколько этапов. На первом этапе государства посредством принятия собственных законов устанавливают ответственность за пиратство без конкретизации его признаков. Второй этап характеризуется началом международного сотрудничества в борьбе с пиратством, которое выражалось в заключении международных договоров. Однако в связи с разными геополитическими интересами государствам не удается действовать в этом вопросе согласованно, поэтому и национальное законодательство в части установления ответственности за пиратство существенно различается. На третьем этапе государства предпринимают попытки кодифицировать нормы о запрете пиратства и ответственности лиц, его совершивших. Серьезным препятствием этому процессу стало отсутствие единообразного подхода к определению пиратства. И, наконец, на четвертом этапе происходит кодификация международно-правовых норм об ответственности за пиратство. Принятие международных договоров активизировало процесс формирования национальных норм об уголовной ответственности за пиратство.

5. Для российского государства борьба с пиратством никогда не была первоочередной задачей, поэтому в российском уголовном законодательстве нормы об ответственности за пиратство появились только в XIX столетии, однако сам термин «пиратство» в них не использовался. Для обозначения деяния, называемого сегодня пиратство, законодатель того времени прибегал к традиционному и более понятному термину – «разбой», указывая при этом на место его совершения – «открытое море», «пристань», «озеро», «реки», «каналы». Пиратство, по сути, чуждое российскому уголовному праву понятие, появилось в УК РФ 1996 г. лишь в результате имплементации международно-правовых норм в национальное право.

6. Основная проблема, осложнявшая процесс развития международного права и национального законодательства об ответственности за пиратство, заключалась в формулировании дефиниции пиратства как преступления. Все попытки государств выработать единый подход к определению пиратства оказались безуспешными. Несмотря на принятие международных актов, где описаны признаки действий, охватываемых общим понятием пиратства, разногласия по этому вопросу сохранились. В результате понятие пиратства в международном праве и российском уголовном законодательстве имеют больше различий, чем общих признаков, что значительно затрудняет реализацию уголовной ответственности за совершение данного преступления.

7. В настоящее время понятие пиратства остается дискуссионным; это говорит о том, что процесс развития антипиратского законодательства продолжается. Современный его этап характеризуется терминологическим разнообразием; в международных актах и российском праве используется сразу несколько терминов: «пиратство», «вооруженный разбой на море», «незаконные акты против безопасности мореплавания», «акты незаконного вмешательства».

8. Сравнительный анализ дефиниций пиратства, закрепленных в международно-правовых актах (ст. 15 Женевской Конвенции об открытом море 1958 г., ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.) и российском уголовном законодательстве (ст. 227 УК РФ), позволяет сделать вывод об их различии по существу. И хотя в составах пиратства как преступления международного характера и как преступления по российскому уголовному законодательству имеются общие признаки, их содержание значительно разнится. Наиболее значимо с позиций правоприменения несовпадение таких конструктивных признаков, как судно, предмет, место и цель совершения пиратства.

9. Родовым объектом пиратства выступает общественная безопасность и общественный порядок. С учетом международного характера преступления

и та, и другая категории должны рассматриваться в двух аспектах: международном и национальном. Общественная безопасность как родовой объект пиратства означает необходимый и достаточный уровень международно-правовой и национально-правовой защищенности интересов общества, обеспечивающий безопасные условия его существования. Общественный порядок как родовой объект пиратства – это система общественных отношений, сложившихся на основе соблюдения норм международного и национального права, нравственности, направленных на поддержание общественного спокойствия и надлежащего поведения граждан в общественных местах. Видовой объект пиратства образуют общественные отношения, обеспечивающие безопасность в сфере повседневной жизнедеятельности, обеспечивающая интересы неопределенного круга лиц, общества и государства в целом.

10. Основной непосредственный объект пиратства – это безопасность морского судоходства, т.е. такой уровень международно-правовой и национально-правовой защищенности интересов общества, который обеспечивает безопасные условия движения судов на море, деятельности по обеспечению движения судов на море и выполнению возложенных на них задач. В качестве дополнительного объекта пиратства выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере охраны жизни и здоровья человека, а также собственности. Личную свободу человека следует рассматривать в качестве факультативного объекта пиратства.

11. Обязательным признаком состава пиратства является предмет, в качестве которого выступает водное судно, стационарная платформа и чужое имущество. Указание на речное судно как предмет пиратства, на наш взгляд, из диспозиции ст. 227 УК РФ следует исключить. Водное судно – это самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях судоходства, проведения поисков, разведки и добычи полезных ископаемых, переработки добытых морепродуктов, выполнения иных подводных или надводных инженерно-технических работ. Водное судно имеет

регистрационное название и (или) номер, укомплектовано экипажем, руководимым капитаном (или иным уполномоченным лицом) и отвечающее требованиям безопасности мореплавания. Определение водного судна целесообразно, по нашему мнению, закрепить в примечании к ст. 227 УК РФ.

12. Во исполнение международных обязательств Российской Федерации, подписавшей и ратифицировавшей Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе 1988 г., законодатель должен дополнить диспозицию ст. 227 УК РФ указанием на самостоятельный предмет пиратства – стационарные платформы. Содержание данного понятия должно раскрываться согласно нормам международного договора.

13. Несмотря на отсутствие в диспозиции ст. 227 УК РФ указания на место совершения преступления, данный признак является обязательной характеристикой объективной стороны состава пиратства. В силу специфики состава пиратства место его совершения можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, местом совершения пиратства признается водное пространство, в котором находится судно или стационарная платформа, являющиеся предметом посягательства. Во-вторых, местом совершения пиратства должно признаваться судно или стационарная платформа, которые подверглись нападению и на территории которых происходит завладение чужим имуществом. Водное пространство как место совершения пиратства должно толковаться ограничительно с учетом положений международных договоров - открытое море.

14. В уголовном законе пиратство как деяние определяется двумя категориями: «нападение» и «насилие», при этом одна из них (насилие) является сутью другой (нападение). Следовательно, упоминание в ч. 1 ст. 227 УК РФ насилия в качестве самостоятельного признака пиратства излишне, поскольку нападение и есть насилие.

15. Пиратство проявляется в агрессии – сложном социальном феномене, имеющем многоаспектное содержание. Агрессия предполагает

разрушительное, наступательное поведение, насильно воздействующее как на одушевленные, так и неодушевленные объекты. Нападение в составе пиратства можно определить как агрессивные действия, направленные на захват судна. Признак агрессии подчеркивает насильственный характер пиратских действий, объектом которых может быть как человек, так и само судно либо иное имущество.

16. Самостоятельной разновидностью пиратской агрессии является незаконное проникновение пиратов на судно или стационарную платформу для последующего взятия его под контроль. Учитывая специфику проявления пиратства в таких ситуациях, данное деяние, по нашему мнению, должно быть указано в диспозиции ч. 1 ст. 227 УК РФ.

17. Состав пиратства относится к числу усеченных, то есть признается оконченным с момента совершения действий, направленных на захват судна, независимо от результатов такой агрессии. Фактически это проявляется в таких действиях, которые заставляют капитана судна предпринимать маневры, направленные на то, чтобы избежать опасного сближения с пиратским судном.

18. Субъектом пиратства является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, независимо от гражданства или его наличия, действующее как «частное лицо», т.е. не по специальному полномочию государства, а по своему собственному усмотрению.

19. Установление уголовной ответственности юридических лиц за пиратство не вызвано объективными причинами ни на международном, ни на внутригосударственном уровнях. Установление уголовной ответственности государств является сложной политико-правовой проблемой, ее отсутствие создает определенные трудности в противодействии пиратству. Однако решение данной проблемы возможно только на международном уровне усилиями всех или большинства государств путем принятия соответствующего международного акта об уголовной ответственности

государств за международные преступления, к числу которых следует отнести и пиратство.

20. Субъективная сторона пиратства характеризуется тремя признаками: виной, мотивом и целью. Пиратство может быть совершено только с прямым умыслом. Цель пиратского нападения – завладение чужим имуществом, согласно прямому указанию закона, является конструктивным признаком состава пиратства, т.е. выполняет функцию отграничения данного состава от смежных составов преступлений. «Завладение» по смысловому значению не совпадает с понятием хищения. Завладеть значит установить полный контроль над чужим имуществом, которое может быть уничтожено, передано на временное хранение и т.д., а может быть и возвращено законному владельцу.

21. Законодательный перечень квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков пиратства требует переосмысления с учетом современных тенденций проявления данного преступления. Во-первых, перечень требует дополнения рядом признаков, во-вторых, некоторые признаки включены в этот перечень, на наш взгляд, необоснованно.

22. Вооруженность и групповой способ совершения преступления имманентно присущи пиратству, поэтому включение их законодателем в число квалифицирующих признаков неоправданно (вооруженность) или оправданно частично (групповой способ). Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, а равно вооруженность такой группы следует рассматривать в качестве конструктивных признаков основного состава пиратства.

23. Дифференциацию уголовной ответственности за пиратство следует проводить по следующим квалифицирующим признакам:

- пиратство, совершенное с целью завладения оружием, боеприпасами, взрывными устройствами, взрывчатыми веществами, иным вооружением либо военной техникой;

- пиратство, совершенное с целью завладения нефтью и нефтепродуктами;

- совершение пиратства организованной группой;

- пиратство, сопряженное с причинением тяжкого вреда здоровью;

- пиратство, повлекшее умышленное лишение жизни другого человека.

24. Разграничение пиратства от насильственного грабежа, разбоя, бандитизма и нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, следует проводить по объекту, предмету, моменту окончания нападения и цели совершения нападения.

25. Момент окончания нападения в составах пиратства, разбоя, бандитизма и нападения лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, лишь формально совпадает, фактически в каждом составе преступления он проявляется своеобразно. При разбое момент окончания связан с началом применения физического или психического насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего; при нападении на лиц и учреждения, пользующиеся международной защитой, момент окончания может быть связан как с началом применения насилия к потерпевшему, так и с вторжением в помещение либо вынужденной остановкой транспортного средства. Бандитизм признается оконченным с момента создания вооруженной устойчивой группы лиц (банды). При пиратстве момент окончания преступления связан с вынужденным маневрированием судна, которые предпринимает капитан для избежания столкновения.

26. Разграничение между пиратством, разбоем, бандитизмом, насильственным грабежом и нападением на лиц и учреждения, пользующиеся международной защитой, следует проводить и по субъективным признакам, а точнее по цели совершения преступного посягательства. Цель разбойного нападения в силу прямого указания закона – хищение чужого имущества, в то время как цель пиратского нападения – завладение чужим имуществом. Соответственно пиратство может быть

совершено с целью хищения, но может и не предполагать такую цель. В случае же совершения пиратского нападения с целью хищения чужого имущества проблема разграничения данных составов встает наиболее остро. Решение проблемы требует уточнения места совершения пиратства, которое, по нашему мнению, должно быть сделано с учетом норм международного права. В диспозицию ст. 227 УК РФ необходимо внести изменения, указав на место совершения пиратства – открытое море. Все нападения, которые совершаются на водные суда с целью хищения чужого имущества в территориальном море, исключительной экономической зоне или континентальном шельфе, должны квалифицироваться как разбой. В целях разграничения разбоя от пиратства с учетом более высокой степени общественной опасности речного и морского разбоя целесообразно ч. 2 ст. 162 УК РФ дополнить еще одним квалифицирующим признаком: «разбой, совершенный в отношении водного судна или стационарной платформы во внутренних и территориальных водах РФ, исключительной экономической зоне или континентальном шельфе».

27. Пиратство и угон судна водного транспорта (ст. 211 УК РФ) различаются, во-первых, по непосредственному объекту: пиратство нарушает общественную безопасность только в сфере морского судоходства, в то время, как непосредственным объектом угона судна водного транспорта следует признавать общественную безопасность в сфере любого вида судоходства, в том числе и речного. Во-вторых, разграничивать эти преступления необходимо и по предмету преступления: пиратство может быть совершено только в отношении водного судна предназначенного для эксплуатации в морских районах, а угон – в отношении любого типа судна (морского, смешанного типа, внутреннего плавания). Но основное отличие заключается в целях совершения данных преступлений. Так, если пираты действуют с целью завладения чужим имуществом, то при угоне цель может любой, а при захвате целью виновного является дальнейший угон данного транспортного средства. Другими словами, виновный стремится

использовать судно только для перемещения в качестве транспортного средства.

28. Несмотря на объективно существующие сложности, пиратство необходимо разграничивать с терроризмом, поскольку по своей социальной сути это разные явления. Основным признаком, разграничивающим эти составы, являются цели совершения преступлений. Цель пиратства – завладение чужим имуществом. Цель террористического акта – воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

29. На основании анализа объективных и субъективных признаков пиратства, его квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков представляется целесообразным изложить ст. 227 УК в следующей редакции:

«Статья 227. Пиратство

1. Нападение на водное судно или стационарную платформу, а равно проникновение на водное судно или стационарную платформу для установления в последующем над ним контроля в целях завладения этим судном или стационарной платформой либо иным чужим имуществом, совершенное в открытом море вооруженной группой лиц по предварительному сговору, -

наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

2. То же деяние, совершенное:

а) с целью завладения оружием, боеприпасами, взрывными устройствами, взрывчатыми веществами, иным вооружением либо военной техникой;

б) с целью завладения нефтью и нефтепродуктами;

в) организованной группой,

г) с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, -

наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до восемнадцати лет с конфискацией имущества.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они повлекли умышленное лишение жизни другого человека, - наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет лишения свободы или пожизненным лишением свободы с конфискацией имущества».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Официальные документы и нормативные акты

1.1. Нормативные правовые акты и иные официальные документы Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Федеральными конституционными законами от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря; Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 548.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст] : [федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63 : по состоянию на 03 февраля 2014 г.] // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2014. – № 6. – Ст. 556.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Текст] : [федер. закон от 30 января 2001 г. № 195-ФЗ : по состоянию на 03 февраля 2014 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1; 2014. – № 6. – Ст. 556.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая [Текст] : [федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : по состоянию на 02 ноября 2013 г.] // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2013. – № 44. – Ст. 5641.

5. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации [Текст]: [федер. закон от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ : по состоянию на 03 февраля 2014 г.] // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2207; 2014. – № 6. – Ст. 556.

6. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации [Текст]: [федер. закон от 07 марта 2001 г. № 24 : по состоянию на 03 февраля

2014 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 11. – Ст. 1001; 2014. – № 6. – Ст. 556.

7. Водный кодекс Российской Федерации [Текст] : [федер. закон от 03 июня 2006 № 24 : по состоянию на 28 декабря 2013 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381; 2013. – № 52 (часть I). – Ст. 6961.

8. О транспортной безопасности [Текст] : [федер. закон от 09 февраля 2007 г. № 16-ФЗ : по состоянию на 03 февраля 2014 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 7. – Ст. 837; 2014. – № 6. – Ст. 566.

9. О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Текст] : [федер. закон от 08 ноября 2007 г. № 261-ФЗ : по состоянию на 23 июля 2013 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 46. – Ст. 5557; 2013. – № 30 (часть I). – Ст. 4058.

10. Об оружии [Текст] : [федер. закон от 13 декабря 1996 г. № 150 : по состоянию на 02 апреля 2014 г.] // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 51. – Ст. 5681; 2014. – № 14. – Ст. 1555.

11. Положение о федеральном агентстве морского и речного транспорта [Текст] : [постановление Правительства Российской Федерации от 23 июля 2004 г. № 371 : по состоянию на 02 ноября 2013 г. № 988] // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3261.

12. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации [Текст] : утверждена Президентом Российской Федерации 20 ноября 2013 г. (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: ВерсияПроф».

13. Морская Доктрина Российской Федерации до 2020 года [Текст] : утверждена Президентом Российской Федерации 27 июля 2001 г. // Российская газета. – 2009. – 13 мая.

14. Об утверждении Правил плавания по внутренним водным путям Российской Федерации [Текст] : [приказ Минтранса РФ от 14 октября 2002 г.

№ 129 : по состоянию на 31 марта 2003 г.] (зарегистрирован в Минюсте РФ 30 декабря 2002 г. № 4088) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. № 9.

15. Об утверждении Положения о классификации судов внутреннего и смешанного (река-море) плавания [Текст] : [приказ Минтранса РФ от 01 ноября 2002 г. № 136 : по состоянию на 11 января 2009 г.] (зарегистрирован в Минюсте РФ 01 ноября 2002 г. № 3932) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2002. – № 49.

16. Положение о федеральной системе защиты морского судоходства от незаконных актов, направленных против безопасности мореплавания [Текст] : [постановление Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2000 г. № 3] (утратило силу) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 16. – Ст. 1714.

1.2. Международно-правовые нормативные акты

17. Конвенция Организации Объединенных Наций об открытом море [Текст] : заключена в Женеве 29 апреля 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1962. – № 46. – Ст. 457.

18. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву [Текст] : заключена в Монтего-Бей 10 декабря 1982 г. // Бюллетень международных договоров. – 1998. – № 1. – С. 3-168.

19. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства и Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе [Текст] : заключена в г. Риме 10 марта 1988 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 48. – Ст. 1032.

20. Международная Конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г. (СОЛАС / SOLAS) [Текст] : заключена в г. Лондоне 01 ноября 1974 г. // Бюллетень международных договоров. – 2011. Ч. 1. С. 3-211.

21. Международный кодекс по охране судов и портовых средств (Кодекс ОСПС) [Текст] : принят на дипломатической конференции (9-13 декабря 2002 г., г. Лондон) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 43. – Ст. 5081.

22. Резолюция 1846 (2008), принятая Советом Безопасности на его 6026-м заседании 02 декабря 2008 года // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org.ru>.

23. Резолюция 1851 (2008), принятая Советом Безопасности на его 6046-м заседании 16 декабря 2008 года // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org.ru>.

24. Резолюция 1897 (2009), принятая Советом Безопасности на его 6226-м заседании 30 ноября 2009 года // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org.ru>.

25. Соглашение между Правительствами государств – участников Черноморского экономического сотрудничества о сотрудничестве в борьбе с преступностью [Текст] : заключено в г. Керкира (о. Корфу) 02 октября 1998 г. // Дипломатический вестник. – 1998. – № 11. – С. 42-45.

26. Декларация о принципах морского международного права (Париж, 4/16 апреля 1856 г.) // Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / под ред. Е.А. Адамова, сост. И.В. Козьменко. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952. – С. 42-43.

27. Договор от 23 апреля 2002 года о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Туркменистаном [Текст] : заключен в г. Ашхабаде. // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 17. – Ст. 1558.

28. Заявление регионального форума АСЕАН о сотрудничестве в борьбе с пиратством и другими угрозами безопасности на море [Текст] : подписано в г. Пномпене 17 июня 2003 – 19 июня 2003. // Дипломатический вестник. – 2003. – № 7. – С. 44-46.

29. Меморандум о взаимопонимании между правительством Российской Федерации и правительством республики Индонезии в области

сотрудничества в борьбе с терроризмом [Текст] : распоряжение Правительства РФ № 115-р от 3 сентября 2007г. // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 37. – Ст. 4468.

II. Научная и учебная литература

30. *Аксенов, О. А.* Ответственность за преступления против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности по новому уголовному законодательству Российской Федерации [Текст] / О. А. Аксенов. – Ростов-на-Дону : Изд. центр «Комплекс», 1997. – 256 с.

31. *Антонян, Ю. М.* Преступность в истории человечества : монография [Текст] / Ю. М. Антонян, О. Ю. Звизжова. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2012. – 208 с.

32. *Брайнин, Я. М.* Уголовный закон и его применение [Текст] / Я. М. Браинин. – М. : Юрид. лит., 1967. – 240 с.

33. *Боголюбов, Н.* История корабля [Текст] / Н. Боголюбов. – М. : Типография Л.Ф. Снегирева, 1879. – 354 с.

34. *Бойцов, А. И.* Преступления против собственности [Текст] / А. И. Бойцов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 775 с.

35. *Божович, Л. И.* Этапы формирования личности в онтогенезе (III) [Текст] / Л. И. Божович // Психология личности. Т. 2. Хрестоматия. – Самара : Изд. дом «БАХРАХ», 1999. – С. 95-144.

36. *Бытко, Ю. И.* Формула уголовной ответственности юридических лиц: история и современность [Текст] / Ю. И. Бытко, А. Л. Дядькин. – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «СГЮА», 2012. – 400 с.

37. *Галенская, Л. Н.* Международная борьба с преступностью [Текст] / Л. Н. Галенская. – М.: Международные отношения, 1972. – 161 с.

38. *Галиакбаров, Р. Р.* Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: конспекты лекций и иные материалы [Текст] / Р. Р. Галиакбаров. – Краснодар : Изд-во Краснодарского гос. аграрного ун-та, 1999. – 280 с.

39. *Гаухман, Л. Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и дополн. [Текст] / Л.Д. Гаухман. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. – 448 с.

40. Геродот. Поликрат (отрывки) (пер. Ф.Г. Мищенко) [Текст] / Хрестоматия по античной литературе. В 2 т. Для высших учебных заведений. Т. 1. Н. Ф. Дератани, Н. А. Тимофеева. Греческая литература. – М. : Просвещение, 1965.

41. *Глистин, В. К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений) [Текст] / В.К. Глистин. – Ленинград : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1979. – 125 с.

42. *Граветт, К.* Норманны. Рыцари и завоеватели [Текст] / К. Граветт, Д.Николь. – М.: Эксмо, 2007. – 256 с.

43. *Гребельский, П. К.* Пиратские истории [Текст] / П.К. Гребельский. – СПб.: ТОО «Санта», 1994. – 183 с.

44. *Григорян, В. Л.* Пиратство, разбой и терроризм на море [Текст] / В. Л. Григорян, В. И. Дмитриев. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2004. – 224 с.

45. *Гришаев, П. И.* Преступления против порядка управления, общественной безопасности и общественного порядка [Текст] / П.И. Гришаев : лекция для студентов ВЮЗИ / под ред. В.В. Здравомыслова. – М., 1957. – 94 с.

46. *Гыскэ, А. В.* Борьба с преступностью в системе обеспечения внутренней безопасности российского общества [Текст] / А. В. Гыске. – М. : Прогрессивные биомедицинские технологии, 2001. – 99 с.

47. *Даньшин, И. Н.* Уголовно-правовая охрана общественного порядка [Текст] / И. Н. Даньшин. – М. : Юрид. лит., 1973.

48. *Дементьев, О. М.* Проблемы возраста уголовной ответственности: лекции к курсу [Текст] / О. М. Дементьев, О. П. Копылова. – Тамбов : Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. – 80 с.

49. *Дурманов, Н. Д.* Советский уголовный закон [Текст] / Н. Д. Дурманов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 319 с.

50. *Дуюнов, В. К.* Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика [Текст] / В.К. Дуюнов, А.Г. Хлебушкин. – М. : РИОР: ИНФРА-М, 2012. – 372 с.

51. *Емельянов, В. П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования [Текст] / В. П. Емельянов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 291 с.

52. *Ефимов, М. А.* Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения [Текст] / М. А. Ефимов. – Минск : Вышэйш. шк., 1971. – 234 с.

53. *Иванов, Н. Г.* Хулиганство и хулиганские побуждения как уголовно-правовой феномен: монография [Текст] / Н. Г. Иванов, И. И. Косарев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 119 с.

54. *Каламкарян, Р. А.* Международное право: учебник [Текст] / Р. А. Каламкарян, Ю. И. Мигачев. – М. : Изд-во Эксмо, 2004. – 688 с.

55. *Карпец, И. И.* Преступления международного характера [Текст] / И. И. Карпец. – М. : Юрид. лит., 1979. – 264 с.

56. *Келина, С. Г.* Советский уголовный закон [Текст] / С. Г. Келина. – М. : Госюриздат, 1961.

57. *Князева, Н. А.* Пиратство: уголовно-правовая характеристика и вопросы предупреждения [Текст] / Н. А. Князева / под ред. А. И. Коробеева. – М. : КОНТРАКТ, 2012. – 120 с.

58. *Кобзева, Е. В.* Теория оценочных признаков в уголовном законе [Текст] / Е. В. Кобзева. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 264 с.

59. *Колобова, К. М.* Из истории раннегреческого общества: о. Родос IX-VII вв. до н.э. [Текст] / К. М. Колобова. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1951. – 339 с.

60. *Колодкин, А. Л.* Правовой режим территориальных вод и открытого моря [Текст] / А. Л. Колодкин. – М. : Морской транспорт, 1961. – 320 с.

61. Комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / отв. ред. А. В. Наумов. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2000. – 864 с.

62. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. [Текст] / под ред. А. А. Чекалина, В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. – М. : Юрайт-Издат, 2006. – 1264 с.

63. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Текст] / под ред. А. И. Чучаева. – М. : Инфра-М, Контракт, 2009. – 1016 с.

64. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / отв. ред. В. И. Радченко. – М. : Спарк, 2004. – 862 с.

65. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. 3-е изд., изм. и доп. – М. : НОРМА - ИНФРА-М, 2001. – 880 с.

66. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / отв. ред. Л. Л. Кругликов. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 1104 с.

67. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / отв. ред. В. М. Лебедев. 13-е изд., перераб и доп. – М. : Юрайт, 2013. – 1069 с.

68. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / отв. ред. А. И. Рарог. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2009. – 640 с.

69. *Коробеев, А. И.* Уголовно-правовая охрана безопасности мореплавания в СССР / науч. ред. Дагель П. С. [Текст] / А. И. Коробеев. – Владивосток: Изд-во Дальневос. ун-та, 1984. – 196 с.

70. *Коростылев, О. И.* Уголовно-правовая характеристика угрозы [Текст] / О.И. Коростылев. – Ставрополь, 2007. – 185 с.

71. *Кривошеин, П. К.* Преступления против жизни и здоровья человека : учеб. пособие / П. К. Кривошеин, В. И. Третьяков. – Волгоград : ВА МВД России, 2013. – 256 с.

72. *Кругликов, Л. Л.* Дифференциация ответственности в уголовном праве [Текст] / Л. Л. Кругликов, А. В. Василевский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 300 с.

73. *Кудрявцев, В. Н.* Борьба мотивов в преступном поведении [Текст] / В. Н. Кудрявцев. – М. : Норма, 2009. – 128 с.

74. *Кудрявцев, В. Н.* Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и дополн. [Текст] / В. Н. Кудрявцев. – М. : Юрист, 2001. – 304 с.

75. *Кузнецова, Н. Ф.* Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» [Текст] / Науч. ред. и предисл. академика В. Н. Кудрявцева / Н. Ф. Кузнецова. – М. : Издательский Дом «Городец», 2007. – 336 с.

76. *Кузнецова, Н. Ф.* Уголовная ответственность за нарушение общественного порядка [Текст] / Н. Ф. Кузнецова. – М. : Госюриздат, 1963.

77. Курс уголовного права. Т 4. Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. – М. : Зерцало-М, 2002. – 672 с.

78. *Лесюков, В. А.* Теория и устройство судов внутреннего плавания: учебник для вузов водного транспорта. 4-е изд., перераб. и доп. [Текст] / В. А. Лесюков. – М. : Транспорт, 1982. – 303 с.

79. *Лопашенко, Н. А.* Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) [Текст] / Н. А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.

80. *Мальцев, В. В.* Учение об объекте преступления: монография: в 2 т. Т. 2. Объект преступления: роль в составе преступления, законодательстве и его реализации [Текст] / В. В. Мальцев. – Волгоград : ВА МВД России, 2010. – 280 с.

81. *Мальцев, В. В.* Учение об объекте преступления: монография: в 2-х т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы [Текст] / В. В. Мальцев. – Волгоград : ВА МВД России, 2010. – 264 с.

82. *Маховский, Я.* История морского пиратства [Текст] / Я. Маховский. – М. : Наука, 1972. – 287 с.

83. Международное право [Текст] / под ред. В. И. Кузнецова, Б. Р. Тузмухамедова. – М. : Норма, 2007. – 944 с.

84. Международное право: учебник [Текст] / отв. ред. Е. Т. Усенко, Г. Г. Шинкарецкая. – М. : Юристъ, 2003.- 495 с.

85. Международное право: учебник [Текст] / отв. ред. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчиков. – М. : Междунар. отношения, 2000.

86. Международное публичное право: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. [Текст] / под ред. К. А. Бекайшева. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – 640 с.

87. *Мерьен, Ж.* Энциклопедия пиратства [Текст] / пер. с франц. Е. Печерской / Ж. Мерьен. – М. : Terra-Книжный клуб, 1999. – 688 с.

88. *Миненок, М. Г.* Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы [Текст] / М. Г. Миненок, Д. М. Миненок. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. – 367 с.

89. *Моджорян, Л. А.* Терроризм на море. Борьба государств за безопасность морского судоходства [Текст] / Л. А. Моджорян. – М. : Международные отношения, 1991. – 168 с.

90. *Можейко, И. В.* Пираты, корсары, рейдеры : очерки истории пиратства в Индийском океане и южных морях (XV – XX века) [Текст] / И. В. Можейко. – СПб. : Вистон, 1994. – 400 с.

91. *Наумов, А. В.* Российское уголовное право: Общая часть. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. 4-е изд., перераб. и доп. [Текст] / А. В. Наумов. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 736 с.

92. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / А. Л. Агафонов, Б. Х. Балкаров, Ю. А. Гладышев и др.; рук. авт. кол. и ред. П. Н. Панченко. В 2 т. – Нижний Новгород : НОМОС, 1996. Т.2. – 608 с.

93. Новое уголовное право России. Особенная часть [Текст] / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. – М. : Зерцало, ТЕИС, 1996. – 391 с.

94. Новое Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. [Текст]. – С.- Петербург : Издание Каменноостровского Юридического Книжного Магазина В.П. Анисимова, 1903. – 249 с.

95. Новоселов, Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты [Текст] / Г. П. Новоселов. – М. : Изд-во НОРМА, 2001. – 208 с.

96. Объективная сторона преступления (факультативные признаки): учебное пособие [Текст] / под ред. А. В. Наумова и С. И. Никулина. – М. : МЮИ МВД России, 1995.

97. Платон. Законы [Текст] / Платон. – М. : Книга по требованию, 2011. – С. 27. – 44 с.

98. Правила классификации и постройки морских судов [Текст] / ред. М. Ф. Ковзова. Т. 2. – СПб. : Российский морской регистр судоходства, 2012. – 686 с.

99. Правила классификации и постройки морских судов. В 5 т. Т. 1. [Текст]. – СПб. : Российский морской регистр судоходства, 2012. – 488 с.

100. Правила классификации и постройки судов внутреннего плавания. Т. 2. [Текст]. – М. : По Волге, 2002.

101. Рарог, А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам [Текст] / А. И. Рарог. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 304 с.

102. Ромашев, Ю. С. Борьба с пиратством и вооруженным разбоем на море (правовые основы и практика) [Текст] / Ю. С. Ромашев. – М. : ТрансЛит, 2013. – 336 с.

103. Российское уголовное право. Общая часть : учебник [Текст] / под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. – М. : Спарк, 1997. – 454 с.

104. Сборник № 8 документов Международной морской организации (ИМО): пиратство и вооруженный разбой против судов [Текст]. – М. : ФБУ «Служба морской безопасности», 2011. – 280 с.

105. Сводъ законовъ Россійской Имперіи: в 16 т. Т. 15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Уголовное Уложение [Текст] / под ред. и с примеч. И. Д.

Мордухай-Болтовского; сост. Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг. – С.-Петербург : Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. – 262 с.

106. *Сидорченко, В. Ф.* Морское пиратство [Текст] / В. Ф. Сидорченко. –СПб. : Изд-во юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 400 с.

107. *Снисаренко, А. Б.* Властители античных морей [Текст] / А. Б. Снисаренко. – М. : Мысль, 1986. – 240 с.

108. *Снисаренко, А. Б.* Эвпатриды удачи [Текст] / А. Б. Снисаренко. – Л. : Судостроение, 1990. – 416 с.

109. Суд присяжных : квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел : научно практическое пособие [Текст] / под ред. А. В. Галаховой. – М. : Норма, 2006. – 559 с.

110. *Таганцев, Н. С.* Русское уголовное право. Лекции : Часть общая : в 2-х т. Т. 1 [Текст] / сост. и отв. ред. Н. И. Загородников / Н. С. Таганцев. – М. : Наука, 1994. – 380 с.

111. *Тихонова, С. С.* Юридическая техника в уголовном праве : курс лекций [Текст] / С. С. Тихонова. – Нижний Новгород, 2008. – 244 с.

112. *Трайнин, А. Н.* Состав преступления по советскому уголовному праву [Текст] / А. Н. Трайнин. – М. : Госюриздат, 1951. – 388 с.

113. Уголовное право России [Текст] : учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова. –Казань : Издательство Казанского гос. ун-та, 2007.

114. Уголовное право России. Общая часть [Текст] : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. – М. : Юрист, 2004. – 540 с.

115. Уголовное право России. Общая часть [Текст] : учебник / под ред. А. С. Сенцова. – Волгоград : ВА МВД России, 2001. – 428 с.

116. Уголовное право России. Особенная часть [Текст] : учебник / под ред. А. И. Рарога. – М. : Юрист, 2004. – 671 с.

117. Уголовное право России. Особенная часть [Текст] : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2003. – 492 с.

118. Уголовное право России. Части общая и особенная [Текст] / под ред. А.И. Рарога. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2004. – 696 с.
119. Уголовное право России. Часть Общая [Текст] : учебник для вузов / отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. – М. : Изд-во БЕК, 2000. – 50 с.
120. Уголовное право России. Часть Особенная : учебник для вузов [Текст] / под ред. Л.Л. Кругликова. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 838 с.
121. Уголовное право России : курс лекций: в 6 т. [Текст]. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. – Т. 2 / Б. Т. Разгильдиев, Н. А Лопашенко, Ю. И. Бытко и др., 2008. – 232 с.
122. Уголовное право Российской Федерации (Особенная часть) : учебник [Текст] / под ред. А. И. Марцева. – Омск : Омская академия МВД России, 2000. - 688 с.
123. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник [Текст] / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – М. : ИНФРА-М: КОНТРАКТ, 2004. – 742 с.
124. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник [Текст] / под ред. Б. Т. Разгильдиева и А. Н. Красикова. – Саратов : СЮИ МВД России, 1999. – 672 с.
125. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник [Текст] / под ред. Б. В. Здравомыслова. – М. : Юрист, 2000. – 552 с.
126. Уголовное право. Общая часть : учебник [Текст] / под ред. А. Н. Тарбагаева. – М. : Проспект, 2012. – 448 с.
127. Уголовное право. Особенная часть: учебник [Текст] / под ред. И. В. Шишко. – М. : Проспект, 2012. – 752 с.
128. Уголовное право. Особенная часть : учебник [Текст] /отв. ред. И. А. Козаченко, Г. П. Новоселов. 4-е изд., изм. и доп. – М. : Норма, 2008. – 1008 с.
129. Уголовное право. Часть общая. Часть особенная : учебник [Текст] / под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. – М. : Юриспруденция, 1999. – 784 с.

130. Уголовный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий [Текст] / под ред. А. И. Рарога. – М. : Изд-во «Библиотечка РГ», 2010. – 624 с.

131. *Шарапов, Р. Д.* Физическое насилие в уголовном праве [Текст] / Р. Д. Шарапов. – СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. – 298 с.

132. *Щукина, Г. И.* Возрастные особенности школьника [Текст] / Г. И. Щукина. – Л., 1995.

III. Словари, энциклопедии

133. Большой юридический словарь [Текст] / ред. А. Я. Сухарев, В. Д. Зорькин, В. Е. Крутских. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 790 с.

134. Военно-морской словарь / глав. ред. В. Н. Чернавин. – М. : Военное издательство, 1990. – 544 с.

135. *Даль, В. И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия [Текст] / В. И. Даль. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. – 736 с.

136. Морской энциклопедический словарь [Текст]. – СПб. : Судостроение, 1994. Т. 3. Р-Я. – 488 с.

137. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1989. – 923 с.

138. Словарь русского языка [Текст] : В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.: под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1985-1988. Т. 2. К-О. 1986. – 736 с.

IV. Статьи

139. *Агапов, П.* Уголовно-правовая характеристика нападения при бандитизме [Текст] / П. Агапов // Уголовное право. – 2005. – № 2. – С. 6-9.

140. *Бекашев, К. А.* Международное право в борьбе с морским пиратством [Текст] / К.А. Бекашев // LEX RUSSICA (Научные труды МГЮА). – 2010. – № 6. – С. 1397-1414.

141. *Брунер, Р. А.* Проблема разграничения понятий «морское пиратство» и «государственное пиратство» [Текст] / Р. А. Брунер, Р. С. Галиев // Современное право. – 2013. – № 2. – С. 128-131.
142. *Бычков, А. Ф.* В флибустьерском дальнем море [Текст] / А. Ф. Бычков // Эхо планеты. – 2002. – № 9. – С. 34-37.
143. Военные сокровища «Фаины» // Российская газета. – 2008. – № 207 (4764). – С. 11.
144. *Войтенко, М.* Бандиты голубых дорог: преступление без наказания [Текст] / М. Войтенко // Морские вести России. – 2005. – № 23-24. – С. 20-21.
145. *Войтенко, М.* Терракт, который может развалить мировую экономику [Текст] / М. Войтенко // Морские вести России. – 2004. – № 19-20. – С. 15-16.
146. *Галиев, Р. С.* Коллизионные вопросы соотношения положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (в части, касающейся борьбы с морским пиратством) и статьи 227 УК РФ [Текст] / Р. С. Галиев, А. А. Чугунов // Современное право. – 2013. – № 3. – С. 134-139.
147. *Гаухман, Л.* Отграничение хищений чужого имущества от хищений других предметов, предусмотренных специальными нормами [Текст] / Л. Гаухман, А. Филаненко // Уголовное право. – 2008. – № 5. – С. 18-21.
148. *Голиков, Г. А.* Пиратство и терроризм на море [Текст] / Г. А. Голиков // Борьба с преступностью за рубежом. – 2005. – № 5. – С. 15-19.
149. *Горшков, А. Ф.* Морское пиратство – разновидность международного терроризма [Текст] / А. Ф. Горшков // Борьба с преступностью за рубежом. – 2005. – № 5. – С. 26-34.
150. *Додонов, В. Н.* Ответственность за пиратство (морской разбой) в современном уголовном праве [Текст] / В. Н. Додонов // Транспортное право. – 2008. – № 4. – С. 31-35.

151. *Егорова, Н. А.* Проблемы уголовно-правовой борьбы с пиратством в современных условиях [Текст] / Н. А. Егорова // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. – 2012. – № 1. – С. 72-76.
152. Еженедельная сводка пиратских нападений // Морские Вести России. – 2006. – № 3-4. – С. 21-22.
153. Еженедельная сводка пиратских нападений // Морские вести России. 2006. № 3-4. С. 21.
154. *Ениколопов, С. Н.* Понятие агрессии в современной психологии [Текст] / С. Н. Ениколопов // Прикладная психология. – 2001. – № 1. – С. 60-71.
155. *Загородников, Н. И.* О квалификации преступлений против жизни [Текст] / Н. И. Загородников // Советское государство и право. – 1976. – № 2. – С. 132-137.
156. *Зелинская, Н. А.* Морское пиратство как конвенционное преступление [Текст] / Н. А. Зелинская // Актуальні проблеми держави та права: збірник наукових праць. Вип. 59 / Редкол.: С.В. Ківалов (голів. ред.) та ін.; Відп. за вип. В.М. Дрьомін. – Одесса: Юридична література, 2011. – С. 51-63/
157. *Иванцова, Н.* Разбой - насильственное хищение чужого имущества [Текст] / Н. Иванцова // Уголовное право. – 2003. – № 2. – С.33-36.
158. *Ильина, А. И.* Действие уголовного закона в пространстве: соотношение национального законодательства и норм международного права [Текст] / А. И. Ильина // Право и государство: теория и практика. – 2012. – № 1. – С. 121-125.
159. *Кацман, Ф.* Морское пиратство – составная часть международного терроризма [Текст] / Ф. Кацман, А. Баскаков // Морской флот. – 2004. – №5. – С.16-17.

160. *Каюмова, А. Р.* Современное пиратство: некоторые правовые и практические проблемы противодействия [Текст] / А. Р. Каюмова // Российский следователь. – 2010. – № 23. – С. 25-29.

161. *Клепицкий, И. А.* Недвижимость как предмет хищения и вымогательства [Текст] / И. А. Клепицкий // Государство и право. – 2000. – № 12. – С.11-19.

162. *Климов, А. С.* Проблемы квалификации пиратства по Уголовному кодексу РФ [Текст] / А. С. Климов // Внешнеторговое право. – 2008. – № 2. – С.37-40.

163. *Князева, Н. А.* Проблемы уголовной ответственности и международного правосудия по делам о пиратстве [Текст] / Н. А. Князева // Российский судья. – 2012. – № 3. – С. 31-33.

164. *Колодкин, А. Л.* История борьбы с морским пиратством: от древности до нового времени [Текст] / А. Л. Колодкин, Е. В. Смирнова // История государства и права. – 2009. – № 24. – С. 45-48.

165. *Колодкин, А. Л.* Морской разбой и международное право [Текст] / А.Л. Колодкин // Международная жизнь. – 1967. – № 10. – С. 21-23.

166. *Комиссаров, В. С.* В центре внимания – безопасность общества [Текст] / В. С. Комиссаров // Человек и закон. – 2000. – № 4. – С. 60.

167. *Комиссаров, В. С.* Ответственность за пиратство по Уголовному кодексу РФ [Текст] / В. С. Комиссаров // Уголовное право. 1998. № 1. С. 24-26.

168. *Комиссаров, В.С.* Преступления против общественной безопасности [Текст] / В.С. Комиссаров // Человек и закон. – 2001. – № 6. – С. 56-57.

169. *Королев, Г. А.* Установление универсальной юрисдикции над преступлениями, нарушающими нормы *jus cogens* (на примере пиратства) [Текст] / Г. А. Королев, Ю. А.Семенова // Журнал российского права. – 2010. – № 8. – С. 96-105.

170. *Кривошеин, П. К.* Конфискация в УК РФ. Краткий анализ [Текст] / П. К. Кривошеин, С. Ш. Ахмедова // Правовой аспект. – 2008. – № 1 (4). – С. 29- 33.
171. *Крикунов, А. В.* Морской терроризм: вызовы и угрозы для национальной безопасности [Текст] / А. В. Крикунов // Морской сборник. – 2011. – № 2. – С. 16-19.
172. *Куманев, Д. С.* Проблема пиратства как разновидности терроризма и ее влияние на региональную безопасность в АТР [Текст] / Д. С. Куманев // Ойкумена. – 2010. – № 2. – С. 17-22.
173. *Куршев, М.* Международные проблемы борьбы с морским пиратством [Текст] / М. Куршев // Уголовное право. – 2001. – № 4. – С. 105 – 107.
174. *Марков, С. Н.* Терроризм на море – угроза национальной безопасности России [Текст] / С. Н. Марков // Обозреватель. – 2011. – № 4. – С. 32-41.
175. *Нагаева, Т. И.* Пиратство как вид преступного деяния (историко-правовой аспект) [Текст] / Т. И. Нагаева // История государства и права. – 2010. – № 10. – С. 9-16.
176. Опять пираты // Правда. – 1993. – 19 фев.
177. *Разгильдиев, Б. Т.* Категория «общественная безопасность» в уголовном праве Российской Федерации [Текст] / Б. Т. Разгильдиев // Общественная безопасность и ее законодательное обеспечение: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф., Астрахань, 19-20 апреля 2001 г. : Изд-во АГТУ, 2001. – С. 12-17.
178. *Ростовцев, М.* Цезарь и Херсонес [Текст] / М. Ростовцев // Известия археологической комиссии. – 1917. – Вып. 63. – С. 13.
179. *Русинова, В. Н.* Трибунал для сомалийских пиратов? Проблемы и перспективы уголовного преследования пиратства и вооруженного разбоя на море [Текст] / В. Н. Русинова // Международное правосудие. – 2011. – № 1. – С. 111 - 121.

180. *Савельев, Н. В.* Мировое сообщество объединяет усилия в борьбе с преступностью на море [Текст] / Н. В. Савельев // Право и безопасность. – 2004. – № 2. – С. 76-77.
181. *Светлова, О.* По следам кровожадных флибустьеров [Текст] / О. Светлова // Человек и закон. — 2006. – № 1. – С. 72-81.
182. *Семенов, В. М.* О понятии предмета хищения [Текст] / В. М. Семенов // Российский следователь. – 2005. – № 9. – С. 34-37.
183. *Скиба, О.* «Штормовое предупреждение» международному судоходству [Текст] / О. Скиба // Эхо планеты. – 2004. – № 25-26. – С.20-21.
184. *Скрицкий, Н.* Пиратство при Иване Грозном [Текст] / Н. Скрицкий // Морской флот. – 2007. – № 1. – С. 91-93.
185. *Скрынник, А. М.* Правовой и содержательный анализ понятий «судно» и «военный корабль» применительно к обеспечению транспортной (морской) безопасности [Текст] / А. М. Скрынник // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. – № 1. – С. 38-48.
186. *Смертин, Ю. Г.* Пираты восточно-азиатских морей: частный бизнес и большая политика [Текст] / Ю. Г. Смертин // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 182-185.
187. *Смирнова, Е. С.* Перспективы решения проблем, связанных с морским пиратством в XXI веке [Текст] / Е. С. Смирнова // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2013. – № 4. – С. 16-33.
188. *Фролов, Е. А.* Спорные вопросы общего учения об объекте преступления [Текст] / Е. А. Фролов // Ученые труды Свердловского юр. ин-та. –Свердловск, 1969. – Вып. 10. – С. 198-222.
189. *Хорьяков, С. Н.* К вопросу о привлечении к уголовной ответственности за пиратство по международному и национальному уголовному законодательству [Текст] / С. Н. Хорьяков, А. С. Климов [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Юридическая пресса».

190. *Шарапов, Р. Д.* Вопросы квалификации преступных угроз [Текст] / Р. Д. Шарапов // Уголовное право. – 2006. – № 1. – С. 58-62.

191. *Шарапов, Р. Д.* Для чего создается банда? [Текст] / Р. Д. Шарапов // Российский следователь. – 2000. – № 3. – С. 21-22.

192. *Zylstra, A.* Piracy or Hooliganism: detention of the Arctic Sunrise [Текст] / A. Zylstra // Matters of Russian and International Law. – 2013. – № 9-10. – P. 9-29.

V. Интернет-ресурсы

193. *Атнашев, В.* Пиратство в Южно-Китайском море: проблемы и опыт противодействия [Электронный ресурс] / В. Атнашев // Морские вести России. – 2012. – № 15. – URL: http://www.morvesti.ru/analytics/index.php?ELEMENT_ID=17445 (дата обращения: 18.11.2012).

194. Бастрыкин предложил вернуть в УК конфискацию имущества [Электронный ресурс] // Грани.ру. – URL: <http://www.grani.ru/Society/Law/m.223598.html> (дата обращения: 23.01.2014).

195. Борьба с пиратством требует многоаспектного подхода [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID...> (дата обращения: 20.11.2012).

196. *Войтенко, М.* Сомалийское пиратство на спаде. Благодаря кому? [Электронный ресурс] // Сомалийское пиратство 2012. – URL: <http://www.odin.tc/articles/piracy2012ru.htm> (дата обращения: 11.02.2013).

197. *Войтенко, М. Д.* Современное пиратство не экзотика, а угроза миру [Электронный ресурс] / М. Д. Войтенко // Морской бюллетень. – URL: <http://www.odin.tc/disaster/terror.asp> (дата обращения: 10.02.2013).

198. *Дичек, А.* Пиратство – угроза международной стабильности [Электронный ресурс] / А. Дичек, И. Бондаренко // Российские вести. – 2012.

– № (31) 2106. – 22-28 ноября. – URL: <http://rosvesty.ru/2106/first/8612-piratstvo-ugroza-mejdunarodnoy-stabilnosti> (дата обращения: 12.12.2012).

199. Доклад Генерального секретаря, представленный во исполнение резолюции 2020 (2011) Совета Безопасности [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – URL: <http://www.daccess-dds-ny.on.org/doc/UNDOC/GEN/N12/549/87/PDF/N1254987.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.03.2011).

200. Зарубежная практика [Электронный ресурс] // Право^{RU}. – URL: <http://www.pravo.ru/interpravo/practice/> (дата обращения 12.06.2011).

201. *Комиссаров, В. С.* Ответственность за пиратство по Уголовному кодексу РФ [Электронный ресурс] / В. С. Комиссаров // Сайт Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции НП «Центр научно-правовых инициатив Н.А. Лопашенко». – URL: [http://sartraccs.ru/print.php?print_file=Pub/komissarov_\(24-10-05\).htm](http://sartraccs.ru/print.php?print_file=Pub/komissarov_(24-10-05).htm) (дата обращения: 22.07.2011).

202. *Ледяева, М.* Перед уходом пираты вымыли «Арктик си» с мылом [Электронный ресурс] / М. Ледяева // официальный сайт Архангельского областного суда. – URL: <http://www.arhcourt.ru/?Publications/News/2011/201102090911> (дата обращения: 20.03.2011).

203. Названа причина освобождения сомалийских пиратов, захвативших «Московский университет». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2010/05/07/prichina-anons.html> (дата обращения 17.05.2011).

204. *Невский, И.* Современные пираты и их покровители [Электронный ресурс] / И. Невский // Информационно-аналитическое агентство Посольский приказ. – URL: <http://www.postprikaz.ru/2012/08/sovremennye-piraty-i-ix-pokroviteli> (дата обращения: 15.06.2012).

205. Нидерланды отпустили сомалийских пиратов без суда [Электронный ресурс] // Право^{RU}. – URL: <http://pravo.ru/interpravo/news/view/22106/> (дата обращения 04.06.2011).

206. Пиратская активность снизилась в 2013 году на 11% - Международное морское бюро [Электронный ресурс]. – URL: http://flot.com/news/navy/?ELEMENT_ID=160474 (дата обращения: 29.01.2014).

207. Позднов, М. С. Уголовно – правовые аспекты преступлений против общественной безопасности [Электронный ресурс] / М. С. Позднов // Право и безопасность. – 2004. – № 4. – URL: http://www.dpr.ru/pravo/pravo_10_11.htm (дата обращения: 12.12.2011).

208. Сомалийские пираты: меньше, да лучше? [Электронный ресурс] // Радио ООН/ Отдел новостей и СМИ. – URL: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/104565> (дата обращения: 24.01.2012).

209. Статистика пиратских нападений за 2011 год (из доклада Международного морского бюро 16.01.2013) [Электронный ресурс] // Акты пиратства на море - ФБУ «Служба морской безопасности». – URL: <http://www.mscurity.ru> (дата обращения: 12.10.2013).

210. Суд приговорил сомалийских пиратов к 5 годам тюрьмы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.2010 /06/17/sud-anons.html>. (дата обращения 28.03.2011).

211. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III (по состоянию на 28 января 2014 г.) [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Законодательство стран СНГ. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8679 (дата обращения: 16.02.2014).

212. Greenpeace Гринпис России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/about/> (дата обращения: 08.10.2013).

VI. Диссертации и авторефераты

213. *Ахмедова, С. Ш.* Ответственность за вовлечение малолетних и несовершеннолетних в антиобщественную деятельность: уголовно-правовые и криминологические проблемы [Текст] / С. Ш. Ахмедова : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2001. – 28 с.

214. *Гегамов, А. Р.* Насильственные преступления против общественной безопасности и общественного порядка и уголовно-правовой механизм назначения справедливого наказания [Текст] / А. Р. Гегамов : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – 190 с.

215. *Гуцуляк, В. Н.* Международно-правовые проблемы современного торгового мореплавания [Текст] / В. Н. Гуцуляк : дис.... докт. юрид. наук. – М., 1999. – 331 с.

216. *Гуцуляк, В. Н.* Международно-правовые проблемы современного торгового мореплавания [Текст] / В. Н. Гуцуляк : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1999. – 34 с.

217. *Допилка, С. О.* Уголовная ответственность за терроризм и пиратство на море : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / С. О. Допилка. – Киев, 1993. – 24 с.

218. *Конте, Э.* Морское пиратство и международное право : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Э. Конте. – М., 1990. – 27 с.

219. *Маймистова, И. В.* Международно-правовые проблемы защиты от пиратства на море : автореф. ... канд. юрид. наук [Текст] / И. В. Маймистова. –СПб., 2012. – 30 с.

220. *Миронов, З. В.* Уголовная ответственность за пиратство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / З. В. Миронов. – Ставрополь, 2001. – 22 с.

221. *Михеев В. Л.* Международно-правовое обеспечение борьбы с незаконными актами против безопасности морского судоходства : дис... канд. юрид. наук [Текст] / В. Л. Михеев. – СПб., 2003. – 197 с.

222. *Нагаева, Т. И.* Уголовно-правовая оценка нападения : дис... канд. юрид. наук [Текст] / Т. И. Нагаева. – М., 2005. – 176 с.

223. *Спасенников, Б. А.* Субъект преступления: уголовно-правовой и медико-психологический аспекты : автореф. дис. ... докт. юрид. наук [Текст] / Б. А. Спасенников. – Екатеринбург, 2001. – 47 с.

224. *Тодоров, А. А.* Уголовно-правовая характеристика пиратства по российскому и зарубежному законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А. А. Тодоров. – М., 2012. – 32 с.

225. *Фролова, А. И.* Действие российского уголовного закона в пространстве: законодательная регламентация и перспективы ее совершенствования с учетом опыта уголовного законодательства зарубежных стран : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А. И. Фролова. – Екатеринбург, 2013. – 28 с.

VII. Материалы судебной практики

226. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм [Текст] : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1997. – № 3.

227. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) [Текст] : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда от 03 декабря 2009 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1997. – № 3.

228. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Текст] : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 06 февраля 2007 г. № 7, 23 декабря 2010 г. № 31) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2; 2007. – № 5; 2011. – № 2.

229. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных

устройств [Текст] : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. №5 (в ред. постановлений Пленума Верховного Суда РФ 06 февраля 2007 г. № 7, 03 декабря 2013 г. № 34) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 3; 2007. – № 5; 2014. – № 2.

230. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации [Текст] : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05 марта 2013 г. № 4) // Российская газета. – 2003. – 02 декабря; 2013. – 13 марта.

231. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации [Текст] : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2004 г. № 11 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2013 г. № 18) // Российская газета. – 2004. – 29 июня; 2013. – 21 июня.

232. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения [Текст] : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 декабря 2008 г. № 25 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 200. № 2; 2011. № 2.

233. Определение Верховного Суда РФ от 22.06.2011 г. № 1-О11-20 «Действия лиц, совершивших нападение на морское судно в целях завладения чужим имуществом, квалифицированы по ст. 227 УК РФ (пиратство)» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Анкета для сотрудников правоохранительных органов

Уважаемый коллега!

В Астраханском государственном техническом университете проводится исследование по теме: «Пиратство: истоки, реалии, проблемы уголовно-правового противодействия». Ваши знания данного вопроса и практический опыт могут оказать существенную помощь в изучении указанной проблематики. Просим Вас ознакомиться с вопросами и предложенными ответами и отметить наиболее точный, на Ваш взгляд, вариант ответа.

Заранее благодарим Вас за участие в исследовании!

1. Отвечает ли действующее уголовное законодательство Российской Федерации современным требованиям борьбы с пиратством?

- а) да, полностью _____
- б) да, но только в части _____
- в) нет _____
- г) затрудняюсь ответить _____

2. Следует ли при совершенствовании норм об уголовной ответственности за пиратство учитывать содержание соответствующих норм международного права?

- а) да _____
- б) да, но только в части _____
- в) затрудняюсь ответить _____

3. Обоснованно ли включение ст. 227 УК РФ в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»?

а) да _____

б) нет _____

в) затрудняюсь ответить _____

4. Следует ли признавать предметом пиратства речное судно?

а) да _____

б) нет _____

в) затрудняюсь ответить _____

5. Следует ли включить в ст. 227 УК РФ указание на стационарную платформу как предмет пиратства?

а) да _____

б) нет _____

в) затрудняюсь ответить _____

6. Следует ли признавать местом совершения пиратства территориальное море?

а) да _____

б) нет _____

в) затрудняюсь ответить _____

7. Как, на Ваш взгляд, следует квалифицировать нападение на судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное в территориальном море или другой части внутренних вод Российской Федерации?

а) по ст. 227 УК РФ _____

б) по ст. 162 УК РФ или ст. 161 УК РФ (в зависимости от обстоятельств) _____

в) затрудняюсь ответить _____

8. Какое значение, на Ваш взгляд, должен иметь признак вооруженности при конструировании состава пиратства?

а) Обязательный признак основного состава пиратства _____

б) Признак квалифицированного состава пиратства _____

в) затрудняюсь ответить _____

9. Следует ли признать обязательным признаком основного состава пиратства групповой способ совершения преступления?

а) да _____

б) нет _____

в) затрудняюсь ответить _____

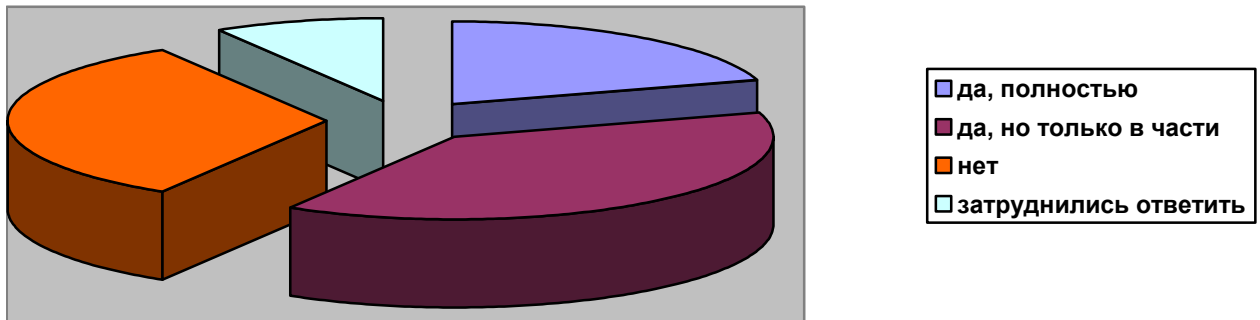
СВОДНАЯ ТАБЛИЦА
результатов анкетирования сотрудников правоохранительных органов
по проблемам противодействия пиратству
(количество респондентов - 275 чел.)

1. Отвечает ли действующее уголовное законодательство Российской Федерации современным требованиям борьбы с пиратством?		
<i>Предлагаемые варианты ответов</i>	<i>кол-во</i>	<i>%</i>
Да, полностью	56	20,4
Да, но только в части	105	38,2
Нет	90	32,7
затруднились ответить	24	8,7
2. Следует ли при совершенствовании норм об уголовной ответственности за пиратство учитывать содержание соответствующих норм международного права?		
<i>Предлагаемые варианты ответов</i>	<i>кол-во</i>	<i>%</i>
Да	86	31,3
Да, но только в части	135	49,1
Нет	34	12,4
затруднились ответить	20	7,3
3. Обоснованно ли включение ст. 227 УК РФ в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»?		
<i>Предлагаемые варианты ответов</i>	<i>кол-во</i>	<i>%</i>
Да	196	71,3
Нет	32	11,6
затруднились ответить	47	17,1
4. Следует ли признавать предметом пиратства речное судно?		
<i>Предлагаемые варианты ответов</i>	<i>кол-во</i>	<i>%</i>
Да	47	17,1
Нет	201	73,1
затруднились ответить	27	9,8
5. Следует ли включить в ст. 227 УК РФ указание на стационарную платформу как предмет пиратства?		
<i>Предлагаемые варианты ответов</i>	<i>кол-во</i>	<i>%</i>
Да	235	85,5
Нет	19	6,9
Затруднились ответить	21	7,6
6. Следует ли признать местом совершения пиратства только		

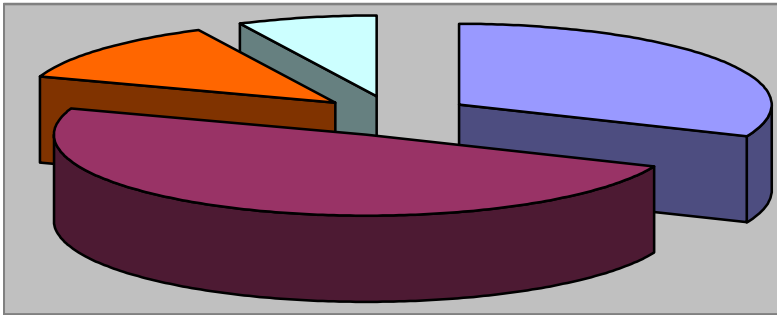
«открытое» море?		
<i>Предлагаемые варианты ответов</i>	<i>кол-во</i>	<i>%</i>
Да	187	68
Нет	43	15,6
Затруднились ответить	45	16,4
7. Как, на Ваш взгляд, следует квалифицировать нападение на судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное в территориальном море, внутренних водах Российской Федерации, исключительной экономической зоне или континентальном шельфе?		
<i>Предлагаемые варианты ответов</i>	<i>кол-во</i>	<i>%</i>
По ст. 227 УК РФ	29	10,5
По ст. 162 УК РФ или ст. 161 УК РФ (в зависимости от обстоятельств)	178	64,7
Затруднились ответить	68	24,7
8. Какое значение, на Ваш взгляд, должен иметь признак вооруженности при конструировании состава пиратства?		
<i>Предлагаемые варианты ответов</i>	<i>кол-во</i>	<i>%</i>
Обязательный признак основного состава пиратства	193	70,2
Признак квалифицированного состава пиратства	45	16,4
Затрудняюсь ответить	37	13,5
9. Следует ли признать обязательным признаком основного состава пиратства групповой способ совершения преступления?		
<i>Предлагаемые варианты ответов</i>	<i>кол-во</i>	<i>%</i>
Да	186	67,6
Нет	54	19,6
Затрудняюсь ответить	35	12,7

**РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ
сотрудников правоохранительных органов
по вопросам противодействия пиратству
(количество респондентов - 275 чел.)**

1. Отвечает ли действующее уголовное законодательство Российской Федерации современным требованиям борьбы с пиратством?

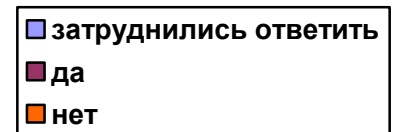
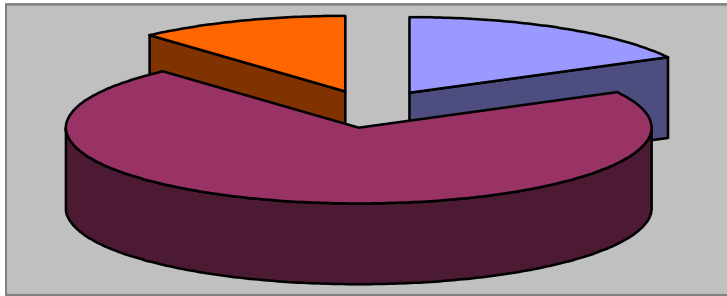

2. Следует ли при совершенствовании норм об уголовной ответственности за пиратство учитывать содержание соответствующих норм международного права?

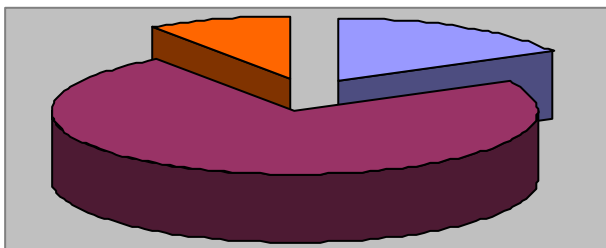

- да
- да, но только в части
- нет
- затруднились ответить

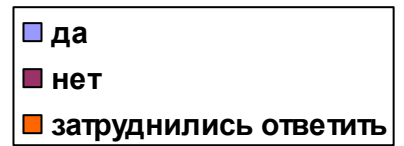
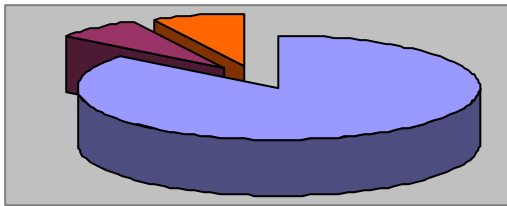
3. Обоснованно ли включение ст. 227 УК РФ в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»?

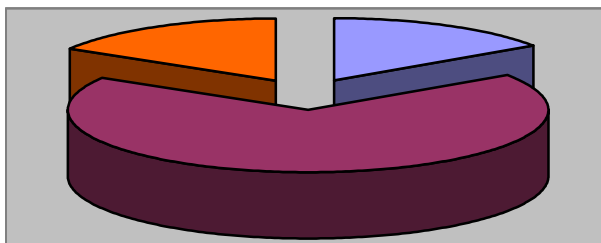
4. Следует ли признавать предметом пиратства речное судно?

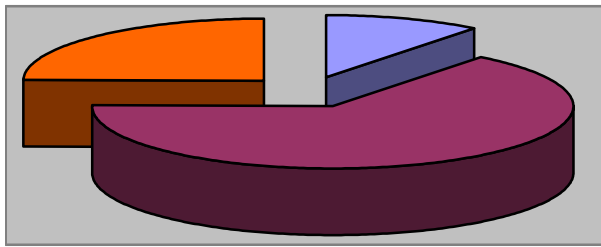
5. Следует ли включить в ст. 227 УК РФ указание на стационарную платформу как предмет пиратства?

6. Следует ли признать местом совершения пиратства только «открытое» море?

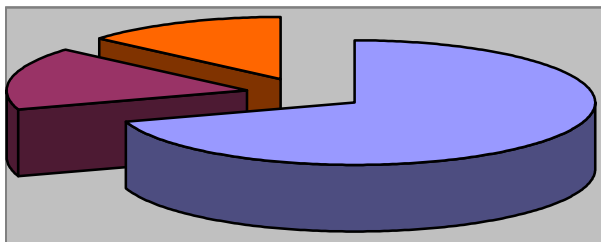

7. Как, на Ваш взгляд, следует квалифицировать нападение на судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное в территориальном море, внутренних водах Российской Федерации, исключительной экономической зоне или континентальном шельфе?

■ по ст. 227 УК РФ
■ по ст. 162 или 161 УК РФ
■ затруднились ответить

8. Какое значение, на Ваш взгляд, должен иметь признак вооруженности при конструировании состава пиратства?

■ обязательный признак
■ квалифицирующий признак
■ затруднились ответить

9. Следует ли признать групповой способ совершения преступления обязательным признаком основного состава пиратства?

